

18+

Сергей Маркелов

Легенда об Усену

Цикл «Усену».
Книга третья.
Том 2

Сергей Маркелов

**Легенда об Усену. Цикл
«Усену». Книга третья. Том 2**

«Издательские решения»

Маркелов С.

Легенда об Усену. Цикл «Усену». Книга третья. Том 2 /
С. Маркелов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502563-0

«Второй раз за день я становлюсь свидетелем того, чего не может быть! Даже сейчас я сомневаюсь, что все это имело место. Ведь это противоречит всем законам природы, которые придумали для себя люди. Где мы — это Все, а остальные — лишь Добыча! Нажива — двигатель любого человека. Мы делаем все ради нее! Даже убиваем себе подобных! Власть и Богатство — вот, к чему мы стремимся всю свою жалкую жизнь, столь ничтожную и короткую, что, даже достигнув всего этого, не успокаиваемся и на смертном одре...»

ISBN 978-5-00-502563-0

© Маркелов С.
© Издательские решения

Содержание

Часть I: Последний Подвиг Охвы	7
I «Лес под Защитой» или очередной «Рассадник паразитов»	7
II В стае назревают перемены	16
III «Я просто – дурак!»	29
IV «Какими судьбами?»	33
V За что?	39
VI Длинная ночь	49
VII «Там – мой Дом!»	55
VIII Бояться или Жить?	60
IX «Стойте! Не туда!»	68
X «Оставаться незамеченным...» и «Не переставать пытаться...»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Легенда об Усену
Цикл «Усену». Книга третья. Том 2
Сергей Маркелов

Ольга Петровна Маркелова *Редактор*

Сергей Маркелов *Дизайнер обложки*

© Сергей Маркелов, 2020

© Сергей Маркелов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-2563-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-2384-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I
*Последний
Подвиг
Охвы*

Часть I: Последний Подвиг Охвы

I «Лес под Защитой» или очередной «Рассадник паразитов»

Неповторима природа в своей великолепии, буйстве красок, запахов и жизни. Каждый ее уголок, пусть самый маленький достоин нашего внимания и уважения. Ведь, чтобы создать и содержать жизнь в ней, мало человеческого Труда, Разума и Доброты. Здесь нужна Сила, куда более естественная – Живительная Сила самой Природы.

И ничто так не успокаивает сердце и душу, как утро в лесу. В месте, где жизнью пропитан каждый сантиметр, где она проникает глубоко в землю и парит над самыми высокими деревьями. И пусть, тот, кто впервые заходит в него, не замечает этого и не понимает, как в лесу все устроено и взаимосвязано, но поднимая глаза на небо, он видит, как верхушки деревьев устремляются высоко вверх, и кажется, что они вот-вот дотянутся до облаков. Видит, как солнечный свет проникает сквозь их крону, падает на землю, обретая причудливые тени, меняющиеся каждую секунду от ветра, что играет и шелестит листьями. Если прислушаться, можно даже услышать, как этот ветер, наклоняя кроны в разные стороны, создает многозвучие и перекликанье деревьев, чьи стволы потрескивают, ветки посвистывают, а листья перешептываются. Если в такие моменты закрыть глаза, можно представить, что деревья общаются друг с другом на своем, непонятном нам языке...

Продолжив путь по лесу, мы слышим в первую очередь, как потрескивает и шелестит земля под ногами. Сухой гумус вперемешку с листвой, перегноем и веточками, создает ощущение, что мы идем по мягкому, живому ковру, и это ощущение не далеко от истины. Ведь даже в этом, порой много сантиметровом слое, покрывающем землю как ковром, существует своя жизнь. И пусть мы ее не видим, но каждый наш шаг разрушает чей-то домик, норку, проход. Разбежавшись в разные стороны, их обитатели остаются живы, но им еще долго придется повозиться, чтобы все восстановить.

Над этим слоем бурлит жизнь куда более заметная и оживленная. Жизнь насекомых и других представителей животного мира. Каждый, кто хоть раз бывал в настоящем лесу, вдали от городской черты, наткнулся на огромные, чуть ли не с рост ребенка, муравейники в форме большой кучи возле стволов деревьев. Опасаясь их хозяев – красных муравьев, которые еще и кусаются, мы обходим их стороной. Не замечая под ногой корни деревьев, что порой выходят на поверхность, спотыкаемся об них. Но удержавшись, взмахиваем руками для равновесия, и продолжаем путь, смотря уже себе под ноги. Но не успеваем мы пройти и пары метров, как нас настигает новая напасть. Проходя мимо двух деревьев, мы чувствуем, как все лицо обволакивают невидимые нити прочной паутины. Пытаясь ее убрать с лица, одежды, мы лишь еще больше в ней запутываемся, отплевываемся, нервничаем, чешемся, и нам всюду мерещится ее хозяин. Порой такие паутины очень заметны и составляют целые «панно» кружевной нити, ведущей от центра к краям, увеличивая интервалы. Они достигают нескольких метров площади в окружности, и, видя эту красоту, мы невольно глотаем слюну, вовсе не желая встретить умельца, создавшего это чудо.

Забираясь все дальше в лес, мы постепенно привыкаем, что по нашим ногам постоянно кто-то ползает, в рот залетают мушки, на волосы падают жучки. Но новая напасть заставляет вновь понервничать и замахать руками. Имя ей – комары. Невесть откуда, да еще днем, они слетаются на тебя целыми роями, и как бы ты не шлепал себя, покусанным из лесу тебе не уйти. Конечно, бывает, лесники приносят с собой средства от комаров, обтирают им руки, лицо

и все части тела, что не прикрыты одеждой, которой обычно много: штаны, длинные сапоги, куртка, головной убор. Одним словом, если вы новичок – непривычные ощущения неудобства на протяжении всего пути вам обеспечены.

Углубляясь дальше в лес, мы все чаще оборачиваемся назад, достаем припасенный компас, сравниваем с ним направление своего пути. Ведь даже обогнув одно дерево, твой путь меняется. Смотри по сторонам, мы видим, что лес повсюду. Он окружает тебя – стволы деревьев, сливаются в сплошной забор вдаль, с небольшими прогалами, и то не везде. В зависимости, березовый лес, липовый или смешанный хвойный, меняется цвет стволов и их толщина....

Если прислушаться, можно услышать звуки леса. Это и жужжание насекомых, и потрескивание веток от пробегающих поблизости ящериц, и полевок, ну и конечно, пение лесных птиц. Здесь и монотонные глухие удары дятла, по стволам деревьев, и переливание соловушек, перекликивание зябликов и других лесных птичек. Голоса каждой из них неповторимы, и услышать их можно только здесь – в лесу. По старинной традиции, услышав кукование кукушки, можно произнести вслух: «Кукушка, кукушка, скажи, сколько лет мне жить осталось?». И считая ее кукование вслух, мы радуемся, когда больше десяти и совсем не огорчаемся, когда меньше – ведь это всего лишь детская забава.

Мало-помалу, мы приобретаем уверенность и смелость. Перестаем обращать внимания на мелочи, и начинаем заниматься тем, ради чего пришли, будь то сбор ягод или грибов, ну или просто ради прогулки. И отвлекаемся лишь, когда слышим незнакомый голос зверья из лесу. Вздрагиваем если это протяжный зазывной гул лося или отдаленное хрюканье кабана, а может и того хуже – зазывание волка.

Но если вас миновали подобные встречи, пусть хоть издалека, мы не замечаем, как углубляемся в лес все дальше и дальше. Вот миновали ни одну лесную полосу с ее полянками между них. Брели штурмом высокие холмы, спускались в глубокие овраги. Порой натыкались на родники, бьющие из-под земли, у которых охотно останавливались и пили прохладную водицу без опаски, так как она куда чище любой другой воды, будь то из колонки или водопровода...

Течение времени здесь в лесу совсем иное. Проплутав в нем пол дня, ты и не заметил этого, не чувствуешь усталости. Все это благодаря окружающей тебя природе и лесному воздуху, что всегда свеж и пахнет зеленью. Ноги сами ведут вперед, и порой так не охота поворачивать назад домой, не узнав и не увидев, что же там за холмом, за этим леском наверху или внизу в овраге. Какие еще чудеса нас ожидают, что скрывает чаща леса, какие прекрасные виды, еще не запечатлены взглядом? Но главный вопрос, мучавший всех – дойдем ли мы в следующий раз так далеко, чтобы после зайти в лес еще дальше?

Но этим утром лес был наполнен иными звуками. Совершенно не естественными для его природы – глухими и монотонными. То затихающими, то вновь нарастающими. Они доносились из той части леса, которую большинство его обитателей обходило стороной и держалось подальше. Именно оттуда вот уже на протяжении часа, а то и более, доносился этот звук, эхом разносившийся по всей округе, и немало пугавший обитателей леса.

Если пройти на звук сквозь лес, на свой страх и риск, то можно выйти на большую открытую проталину. С востока ее омывала река, изрядно вышедшая из берегов, из-за быстрого таяния снега в окрестных лесах и горах ранней весной. От повадка, обитателям этих мест пришлось даже построить барьер из досок и мешков с песком, чтобы не допустить воду до их деревянным домов. Возле реки их находилось два – один небольшой с покатой крышей и второй побольше. Первый дом явно был жилым, что можно было понять по занавескам на окнах, которые развевались на ветру после того, как окна чуть приоткрыли для проветривания избы, и по небольшому дымку, что валил из печной трубы на крыше. Второй дом, судя по отсутствию окон и широким воротам, служил складом. Причем по виду обе эти постройки были одного возраста, уже изрядно потрепанные временем, чуть покосившиеся, осевшие ближе к земле и с облупившейся краской.

Восточнее жилого дома в метрах десяти, стояла еще одна постройка без крыши, с разобранными до основания стенами. По-видимому, это тоже некогда был жилой дом, что сразу понимаешь по неразобранной печи-голландке с трубой, одиноко возвышающейся над холмом, и по оконным рамам, сложенным рядышком, такими же обшарпанными как в соседнем доме. Приглядевшись, можно увидеть, что доски, взятые с этого дома, пошли на строительство барьера для воды, а его завалинка – для ее укрепления. Вынужденная мера, которая себя оправдала в столь напряженное время года.

Кроме того, доски пошли и на укрепление склада и жилого дома, которыми были обиты основания домов. А также немало стройматериалов ушло на третье, самое большое здание – центр этой лесозащитной базы. Можно назвать его штабом, за которым ухода было явно побольше. Ведь все-таки это лицо базы. Окна были вымыты, рамы покрашены, а на крыше трудился один человек, приколачивая доски к щелям, что образовались на крыше.

Именно отсюда, с высоты трех-четырёх метров, откуда открывался общий вид на базу: на расчищенную поляну на севере – место, некогда служившее вертолетной площадкой и на вольеры на востоке, от двух рядов которых остался один, и то в плачевном состоянии – и доносился все утро этот монотонный звук, забивающего гвозди молотка.

– Семен, ну как там? – донесся снизу мягкий женский голос.

– Почти все! – коротко ответил Семен и, бросив через плечо взгляд вниз, снова взялся за работу.

– Надя, – начал Семен, спускаясь по лестнице, приставленной к крыше дома, спустя еще минут пятнадцать. – Там Ивана не видно?

– Не видно и не слышно, – встретила его внизу Надя.

Оказавшись на твердой земле, мужчина, которому на вид было лет под сорок, высокий, худощавый, с горбинкой на носу и с очками на глазах, с гладкими, аккуратно постриженными волосами, спадающими на виски с боков и достигающих сзади плеч, поднял руки и расправил спину.

– Может с ним что-нибудь случилось и стоит отправиться на его поиски? – обеспокоенно начала Надя, женщина лет тридцати двух-пяти, немного полноватая, среднего роста с совсем не изменившейся со временем внешностью, голосом и манерой разговора, забирая из рук Семена инструменты и подавая ему воду в баклажке.

– Он отправился проверять противоположные склоны в особо опасных участках. Думаю, Надя, это требует немало времени, – поспешил успокоить ее Семен, жадно глотая воду.

После он вытир рукавом пот со лба своей курткой из грубой ткани.

– Но не два дня подряд? – возразила ему Надя, одетая в подобную же куртку, поверх джинсовых штанов.

– Надя, прошу не паникуй раньше времени! Ивану не впервой ночевать в лесу. Тем более он не один, с ним Дружок.

– Ну конечно, какой-то волчонок лучше, чем человеческая компания. С тех пор, как уехал на лечение Сергей, да так и не вернулся, Иван сам не свой.

– Надя, ну вот ты снова! Во-первых, этот волчонок даст фору любому сторожевому псу, да и Иван привязался к нему, а пес – к Ивану. Во-вторых, Сергей уехал в свой город долечиваться на зиму, а заодно сдавать сессию. В-третьих, хватит уже, и самому без тебя тошно, – отмахнулся от Нади Семен, и направился к развалинам дома.

– Семен, а ты веришь, что он вернется? Сергей и вправду подавал надежды, и прежде всего, поддерживал Ивана. А что теперь? Вместе с ним исчез и огонек в его глазах, – не успокаивалась Надя, пустившись следом за Семеном.

– Не в этом дело!

– А в чем?

– Я не хотел говорить, но то письмо, что Сергей получил прошлой осенью, оно от... – говорил тихо Семен, остановившись у развалин.

Присев, он начал перебирать остатки в поисках чего-нибудь, что еще могло пригодиться. Но внезапно он умолк, обратившись в слух.

– Ты слышишь? – встал Семен, поворачиваясь лицом к реке.

– Да, это он! – воскликнула Надя, и они вместе последовали к реке, впившись взглядами в одну и ту же сторону.

Через несколько минут тишины, что воцарилась на базе, звук моторной лодки стал громче. Вскоре показался и сам Иван.

– Семен! – вдруг вспомнив, нарушила тишину Надя, и поспешила огласить вслух свою мысль, прежде чем Иван причалит. – А ты рассказал ему про то письмо, что получил в желтом конверте?

– Нет пока.

– Что?! Прошло уже более месяца, а вдруг они...

– Тише, Надя! Я обязательно ему расскажу.

– Когда? – шептались Семен и Надя, не сводя глаз с Ивана, который причаливал к берегу.

– Когда представится подходящий момент.

– Какой?

– Я расскажу, но не сейчас. Ему и без того хватает... – не закончил Семен, хотя Надя и так поняла его, так как Иван, привязав лодку к колышку, что держал заслон от воды, спрыгнул с нее в воду.

Пройдя пару шагов по колено в воде, он перешагнул через забор. Оказавшись на твердой земле, Иван, облокотившись одной рукой к подошедшему к нему Семену, второй снял сапоги, вылил из них воду, а затем вновь одел. После чего выпрямившись перед Семеном и Надей, предстал в полный рост. Это был мужчина средних лет, за сорок, с бородой на лице, с короткими, чуть волнистыми волосами и с сединой на висках. Его мягкий взгляд голубых глаз, выдавали в нем человека мягкого, без капли жестокости, лжи и коварства. Он был одет в изрядно потрепанный теплый полушубок по форме работника Лесной Базы, с капюшоном на случай осадков, из-под которого виднелись такого же камуфляжного цвета штаны, плотные, как и полагается лесничему много времени, проводившему в лесу и предгорьях. До лодыжек были натянуты черного цвета резиновые сапоги, и, как и все на нем, они были изрядно поношены. Из карманов его торчали перчатки лесоруба, на случай переноса бревен или веток, а в лодке, позади него, виднелись на дне, топоры, пилы, лопаты – стандартный набор лесничего. Одним словом, Иван был человеком серьезно и ответственно относящимся к своей работе, и отдающий себя ей без остатка.

– Что случилось, Иван, мы ждали тебя еще вчера? – начал Семен.

– Лодка дала течь, пришлось вытаскивать ее на берег и латать, – ответит Иван, выпрямляясь.

– Неужели нельзя было дотянуть досюда? – одернула его Надя.

– Надя, я польщен, что ты обо мне так заботаешься, но все же... – начал Иван, улыбаясь Семену.

– Вовсе нет! – прервала его Надя, чуть дернув носом, под тихую усмешку Семена. – Скажи лучше, как дела в лесу? – сменила она быстро тему разговора.

– Весна нынче ранняя, пришлось повозиться с пожарозащитными полосами. Еще пару ходок и можно об этом не беспокоиться. А у вас как, залатали крышу?

– Вот только сегодня закончил, – повел Семен Ивана и Надю к главному зданию.

– Отсюда вижу, что работа сделана на совесть. Жаль только пришлось разбирать дом, – вздохнул тяжело Иван, оборачиваясь на развалины.

– Ничего, зато другие два спасли, – подытожила Надя, и, встретив пристальный взгляд Семена, поспешила откланяться.

– А-а, что же это я! Иван, ты, наверняка проголодался, сейчас я что-нибудь разогрею, – закончила Надя и исчезла за дверью жилого дома.

Мужчины, проводив ее взглядом, оставшись одни, повернулись спиной к избе. Окидывая взглядом всю базу, они завели новый разговор:

– Я помню тот день, когда впервые прибыл сюда, – начал Иван.

– Да-а-а, это было лет так десять назад.

– Одиннадцать, если быть точным. Тогда база процветала, здесь всюду бегали люди, было так оживленно, как на улице в городе. Все строилось с нуля нашими собственными руками. Помню и первую нашу с тобой встречу, – заулыбался Иван.

– Тебе придавило бревном палец на ноге, а ты все не хотел идти к врачу. Мне пришлось самому к тебе подойти.

– Да, точно, сколько же было крови! Но ты оказался умелым врачом.

– Как и ты – умелым лесничим. Так быстро все освоил, научился водить лодку, стрелять и ориентироваться на местности.

– И не говори, поначалу я мало что умел. Приехав сюда, я надеялся начать новую жизнь... И мне это удалось, Семен.

– Жизнь, наполненную непосильным трудом, опасностями, риском и не высокой зарплатой за все это, – усмехнулся Семен.

– И заметь, я никогда не жаловался и работал вне зависимости от оплаты.

– Поэтому-то, Иван, ты и остался здесь дольше всех. И когда лесничества начали вновь сокращать... – при этих словах Семен полез рукой в карман куртки и зашелестел бумажками, что держал внутри. – Ты плюнул на все это и остался! Хотя, многих перемены не устроили. Им пришлось уехать и искать новую работу...

– Да-а-а, как летит время! Казалось, это было еще вчера... Я проснулся от криков людей, а когда вышел на улицу услышал, что всех переполошило одно письмо. А когда сам прочитал, все понял – это конец... – сделал паузу Иван.

– Но ты все же остался, несмотря на тяжелые времена.

– Иначе я не мог!

– Понимаю, тебе, как и мне некуда было возвращаться.

– Не без этого... Но главной причиной, по которой я остался – были Вы с Надей! Я так сдружился с вами за все эти годы, что и подумать не смел о побеге! Я не мог бросить вас.

– Не знал, – искренне удивился Семен, оставляя карман полным.

– Да и при этом, мне очень нравилось защищать лес и ловить подлецов.

– У-у-у, об этом мы поняли почти сразу, после того случая с пожаром! Когда ты после долгих недель поисков, изловил тех поджигателей...

– Если честно, то были удивительные дни, наполненные жизнью! А что теперь?

– А что не так?

– Семен не стоит лгать самому себе – кордон, он умирает.

– Не надо так!

– Это правда, смотри, все в таком дохлом состоянии. Все разрушилось, на базе остались мы втроем. Живем почти на подножном корме, тратя все наши скудные средства, что еще выделяет нам город на топливо и погашение всех процентов по кредитам на лодку, ружья, да почти на все! Мне порой надоедает жить в долг, но что я могу?! Ничего! Все, что мне остается, эта доживать здесь свои года... – выложил все как есть Иван, а через мгновение осекся, и продолжил уже спокойнее:

– Прости, снова сболтнул лишнее.

– Ничего, Ваня, я и сам все вижу. Как и ты, я по-прежнему, не опускаю руки, только благодаря нашей кормилице. Все, что я делаю, это только для Вас и ради Вас!

– Спасибо друг! – расчувствовался Иван, и обнял Семена, тот, нисколько не стесняясь ответил тем же, похлопав друга по спине.

– Чай готов! – выскочила из дому Надя, и застав мужчин обнимающимися, закричала:

– Кха-кха! – кашлянула она, и продолжила с улыбкой. – Так значит, а меня – по боку?!

На что Иван и Семен, разомкнули объятия и, подзвав ее к себе руками, обняли и ее. Таким образом, получилось тройное объятие, тройной союз сердец – триумвират.

Но воцарившуюся на базе идиллию в один миг разрушил шум приближающегося вертолета.

– К нам гости? – поднял голову к небу Иван.

– Кто бы это мог быть? – направился он к вертолетной площадке, что лежала на севере, и от которой осталось лишь свежескошенное поле травы.

Надя, быстро сообразив, кто это мог быть, впила в Семена вопросительный взгляд, на что тот, чуть приблизившись к ней, шепнул:

– Не успел!

– Тогда я!

– Нет, – остановил ее Семен рукой и окликнул Ивана:

– Вань?

– Да? – повернулся он и впил в обоих вопросительный взгляд, в котором Семен увидел невольный страх потерять их.

– Вань, а где Дружок? – не решился разрушить идиллию Семен.

– Бежал вдоль берега за мной, думаю, вскоре будет. Он все-таки на половину волк, ему нужна зарядка, – как бы оправдываясь, молвил Иван, решив, что взволнованные взгляды друзей были по этой причине.

– Иван, мы должны были сказать тебе раньше... – вышла вперед Надя, оттолкнув локтем Семена, но, прежде чем она продолжила, Семен вытянул руку, в сторону, и молвил:

– Смотри-ка, а вот и он!

Иван обернулся и увидел матерого волка, мчавшегося со всех лап к нему.

– Дружок! – встретил ласковым прикосновением пса хозяин, потрепав его под ухом, недолго, так как много ласки пес не терпел.

– Вы что-то хотели сказать? – повернулся Иван к Семену и Наде.

– Ну-у, раз мы все теперь в сборе, идемте, встретим гостей плечом к плечу, – поспешил ответить Семен, сжимая Наде руку, чтобы она молчала.

– Хорошо! – ответил Иван и пошел вперед.

– Ты что делаешь? – вырвала она свою руку. – Это могут быть Они! А ты так и не сказал ему...

– Надя, взгляни на него! Ты хочешь разочаровать его сейчас, лишить последней радости и цели?! Неужто хочешь разлучить нас?

– Нет! – замахала головой Надя, поняв про что он. – Но как быть?

– Письмо могло просто не дойти, – бросил напоследок Семен и поспешил за Иваном.

Надя, печально взглянув им вслед, опустила голову и направилась за ними, как на казнь.

Вопреки ожиданиям друзей, и к их огромному изумлению, за место громоздкого почтового грузового вертолета, который обычно навещал их раз-два в месяц, и передавал почту и зарплату, последнее, как правило, с опозданием, на горизонте в небе показался вертолет, совсем иного стиля. Это был небольшой, двухместный вертолет патрульного типа, рассчитанный на относительно недлинные по времени перелеты, белого цвета, с красными полосами и с прозрачными дверьми для лучшего обзора местности сверху.

Через несколько минут он приземлился на поляне, прямо перед друзьями, которым пришлось отойти подальше, чтобы не сдуло. С некой опаской, а у некоторых внутренней дрожью, Иван, Семен и Надя, стали осторожно приближаться. Они шли очень медленно, желая дать время пассажиру закончить свои дела и выйти им навстречу. Но даже дойдя до вертолета вплотную со стороны пилота, к ним никто не вышел. Тогда они стали обходить его спереди и смогли увидеть, что пилот и пассажир внимательно разглядывают карту местности. Встав около двери, лесничие стали выжидать, когда кончиться спор, в котором ведущее место занимал, к их удивлению, не пилот, а пассажир. Он ни в какую не хотел замечать их присутствия, и продолжал настойчиво тыкать пальцем в карту.

Через несколько минут неловкого стояния у закрытой двери, за время которой они успели пересчитать все полости на вертолете, полюбоваться свежей краской и винилом, как и общим видом вертолета, сразу видно – новенького, Иван первым нарушил тишину и спокойствие в кабине, постучав три раза по стеклянной дверце. На что пассажир бросил на них пренебрежительный взгляд одним глазом и вновь продолжил разговор. Но на этот раз он длился меньше минуты и шел на приглушенных тонах. После чего пассажир, махнув на карту, открыл дверь и вступил на землю.

Перед Иваном, Семеном и Надей вырос человек, совсем еще молодой, лет двадцати пяти-семи, выше среднего роста, плотного телосложения, раздетого в шелковую виноградного цвета рубашку с длинными рукавами, заправленными в черные отлично выглаженные брюки, в остроносых ботинках, сверкающих от крема и накинутой поверх спортивной тонкой куртке. Но ни это больше всего привлекло в нем внимание, а его прилизанная прическа на бок, светлый цвет кожи, как лица, так и рук, с подстриженными и ухоженными ногтями, и слишком мягкими на вид, можно сказать даже изнеженными чертами лица. В совокупности с его запахом дорогих духов, от которого даже лес «заворотил носом», и чуть округлым лицом, но при этом самым низменным, порой даже жестоким взглядом синих глаз, друзья сразу поняли, что перед ними очередной сынок богатенького папаши.

– Уберите свою жучку! – первое, что произнес он, сверкнув недобрый взглядом в сторону пса, которого с удовольствием пнул, если бы тот не стоял позади Ивана.

Даже пес, почувствовав неладное и недобро зарычал на него.

– Извини Семен, отведи Дружка к дому, и посади на цепь, – молвил Иван, пристально смотря на Дружка, так как тот никогда не вел себя столь агрессивно при незнакомцах.

– Дружок, ну и имечко, ему бы больше подошло – Волкодав! – усмехнулся ему в след парень, после чего перевел взгляд на Ивана.

– Меня зовут Сергей Блинов, – представился он и слишком сильно пожал руку Ивану. – Я представитель местного департамента Алтайской области, при областном министерстве лесов и рыболовства. Думаю, вы уже получили письмо и готовы... – быстро начал он, оглядываясь, явно не желая здесь задерживаться.

Это Иван понял по его стрющевшейся физиономии, не то от отвращения к ним, не то к самому месту.

– Какого письма? Ничего мы не получали. Поясните!

– Странно, а мне передали, что вы его получили еще месяц назад, – молвил вкрадчиво Сергей, прищурился, ища на лице Ивана и Нади ложь, а нашел лишь волнение на лице Семена, спешившего обратно к ним.

– Ну ладно, все бывает. Порой и почта ошибается, все-таки тайга. Ну раз вы его не читали, то на этот случай я принес с собой еще одно, – достал он желтый конверт из кармана куртки и протянул Ивану.

Лесничий взял его и стал открывать. Тут подбежал Семен, и часто дыша, занервничал, пряча руки в карманах. Иван заметил странный мандраж Семена и Нади. Не придав этому

большого внимания, он вскрыл конверт, достал официальную бумагу и стал читать, то вслух, то про себя:

«Департамент извещает вас о том, что в связи с сокращением бюджетных субсидий, мы не можем больше отправлять вам средства...»

И вынуждены поставить в известность, что часть лесных кордонов будет сокращена...»
– Что это значит? – воскликнула Надя, а Сергей, между тем повернувшись ко всем спиной, сунул руки в брюки.

От вида запущенности территории базы его начало подташнивать и тянуло поскорее убраться отсюда. Не скрывая своего отвращения ко всему царившему здесь, он поспешил уточнить сухим голосом статиста:

– Ваша база вошла в этот список, и скоро вы будете демонтированы насовсем, окончательно и бесповоротно.

Сергей повернулся к ним, и, смотря вверх их голов, стоял непреклонно.

Между тем друзья покачнулись от этой новости.

– Но, как... Это возможно? Кто же будет следить за состоянием леса, и природы? – прохрипел Семен.

– Все ваши базы слишком разрозненные и мелкие, чтобы обеспечивать достаточную защиту леса и их обитателей. Поэтому все полномочия были переданы частной организации под названием: «Лес под защитой».

– Что уже? – снова вырвалось у Нади, а Сергей уже засеменял к вертолету, через плотные ряды троих лесничих.

– Но здесь написано... – взял слово Иван, повернув документ другой стороной, где мелкими буквами черным по белому было написано следующее:

«Кордон будет считаться непригодным, если в течение одного сезона его сотрудники не смогут доказать обратное».

– Это... Так сказать для галочки! – поспешил вмешаться Сергей. – Все уже решено, вы свободны ребята. Поезжайте в город, получите зарплату за три месяца вперед авансом и гуляйте, – хотел было на этом удалиться Сергей, но Иван его остановил:

– Не знаю, кто там уже все решил?! Но мы не собираемся сдаваться!

– Мне все равно! Строительство моей базы уже началось, к маю месяцу, она будет готова на все сто процентов! – повысил голос Сергей, отстраняясь от руки Ивана, чураясь ее, как грязи чистюля.

Иван, услышав его слова, снова перевернул письмо, и посмотрел на подпись:

– Сергей Блинов, – прочитал он вслух, главную из них в этом документе.

– Да – это я! – бросил напоследок высокомерно Сергей, и быстро сев в вертолет, захлопнул за собой дверь с силой.

Пилот тут же завел двигатель и лопасти стали медленно набирать обороты. Семен и Надя стали пятиться, а Иван еще с минуту стоял неподвижно с письмом в руках, разглядывая наглеца, пытаясь заглянуть ему в глаза, а тот, снова взяв в руку карту, стал ее изучать, не обращая внимания на взгляды лесничего.

Секунд десять хватило Ивану, чтобы сориентироваться по той карте, в которую на мгновение смог заглянуть. После чего он отошел к остальным. Через минуту вертолет оторвался от земли и стал набирать высоту.

– Что еще за Блин? – подметила Надя.

– Да сразу видно, помазанный богатенький сыночек, для которого это новая игрушка, – ответил, злясь не меньше ее Семен.

– Хуже, друзья, это человек, у которого хватит денег и связей, чтобы воплотить все сказанное в жизнь, и заграбастать всю территорию заповедника, – подытожил Иван, как и все провожая вертолет взглядом.

– Не хочешь ли ты сказать, что мы сдадимся этому Блину?!

– Нет, Надя! Согласно этому документу у нас еще есть время. Его база, судя по карте, которую я мельком увидел, находится южнее, у излучины реки Чулышман, на правом берегу... – начал пояснение Иван.

– Так там непроходимый лес, к чему располагать ее там?

– К тому, Семен, что для нее надо вначале расчистить лес, все срубить, отстрелять тех, кто «представляет угрозу» жизни и здоровью служащих... Сами понимаете, каких людей они наймут для этих целей?!

– Браконьеров, да черных лесорубов, – подметила Надя.

– Да-а-а, одна большая вотчина для паразитов! – вставил Иван. – Моя база! Вы слышали? Ему принадлежит это... Как его там?! «Лес под Защитой». Ему, или еще кому-то – все равно! Пока мы здесь, глаз с нее не сведем. Вы со мной?!

– Конечно, Иван! – в один голос молвили Семен и Надя.

Немного откинув страх разлуки в долгий ящик, Иван улыбнулся и молвил:

– Придется тебе Надя снова подогревать чайник.

– Ой, конечно, уже бегу! – сорвалась она в дом.

Иван и Семен неспеша пошли следом.

– Семен... – начал Иван.

– Да, Ваня!

– Возьми, – протянул он ему письмо. – Положи к первому.

На что Семен, взяв письмо, впил в Ивана вопросительный взгляд.

– Это их идея – не нова. Они и раньше пытались сломать нас, но у них ничего не получилось, потому что мы были вместе.

– Как и сейчас, – немного виновато молвил Семен, которому стало совестно за укрывательство столь важной информации. – Прости, я не хотел тебя расстраивать.

– Понимаю, на твоём месте я бы и вовсе сжег его, – усмехнулся Иван.

После чего улыбнувшись, они исчезли за дверью. Но прежде, пропустив вперед Дружка, которого первым делом отвязали.

Пес все прекрасно слышал и отныне не хотел расставаться с этими людьми, давшими ему новый дом, семью и жизнь.

II В стае назревают перемены

Сквозь непроглядную мглу крошечной тьмы, которую и не встретить в самую безлунную ночь, такую холодную и одинокую, что дрожь пробирала до костей, сжимая сердце и давя на грудь, заплетаясь в своих лапках, шла небольшая фигура зверька. Как некогда она чувствовала себя одинокой и брошенной всеми, хотя и ощущала рядом дружеское дыхание того, кто шел с ней рядом и вел вперед. Увидеть, кто это был не имелось возможности. Было слишком темно. Но она чувствовала своим сердечком, что этот Кто-то – очень ей близок и дорог. Она ощущала его теплоту, порой терлась об него, пытаясь заслужить ответной ласки. Но эта потребность так и оставалась безответной. Фигура, скрываясь в тени, очень спешила и порой даже подталкивала ее носом и лапками. Несмотря на все ее немые уговоры, та не сбавляла хода.

Так продолжалось неопределенное количество времени, за которое они вдвоем прошли столько же неопределенного пути. Казалось даже, что прошла целая вечность, пролетевшая во мгле за секунды. А когда все кончилось, они остановились, оказавшись неведомо где.

Вскоре первая фигура свалилась с лап от усталости и бессилия, рухнув на землю. Прикрыв счастливо глазки, которые стали слипаться. За этим последовали ответная короткая ласка. Она ощутила шершавый язык у себя на лобике и от удовольствия даже заурчала.

– Кто здесь? – послышался тихий отдаленный голос во тьме, того кто вышел им на встречу.

– Прощу тише! – отозвался мягкий голос того, кто был с нею рядом. После чего он попытался отойти от нее, но та так цепко вцепилась в его лапу своими, что он оставил все попытки отойти от нее.

– Она очень устала с дороги, – говорил первый родной голос, тепло которого она ощущала.

– Кто она? И зачем ты здесь? – перешел на шепот второй чужой голос, чей взгляд она ощутила, но не смогла найти сил открыть глазки, и взглянуть на него.

– Это ее... И моя дочь! – начал первый голос.

– А где сама Ита?

– Ита покинула нас.

– Что?! Как это могло произойти? Когда? – захрипел второй голос, сломленный этой новостью.

– Каких-то пару месяцев назад, – тихо молвил родной голос, чье дыхание стало прерывистым, на восстановление которого потребовалось время, за которое воцарилась полная тишина.

– Но как? Ответь, пожалуйста, брат! Ведь ты знаешь, как я к ней относился? – взмолился чужой голос.

– Мы очень хотели котят, но она не могла... А когда это произошло, мы приняли это за чудо! Чудо, за которое она отдала жизнь... Ита так и не смогла найти в себе силы, поправиться от болезни, постигшей ее после родов. Можно сказать, она отдала остатки сил ей, – указал он взглядом на почти спящую фигурку, которая сквозь дремоту все слышала, но мало, что понимала.

– Так это... Ее дочь?! Но зачем вы здесь, этот путь опасен для малышки.

– Последними словами Иты было: «Тот, кто любил меня не меньше твоего, остался один! Он однажды сказал мне, что мы будем вместе, в другой жизни... Так вот, если ты по-настоящему любишь меня, в чем я никогда не сомневалась, ты исполнишь мою волю...»

– Что... Она?! – не веря своим ушам, прошептал чужой голос.

– Да, брат!

– Но я не смогу! Я не имею права разлучать вас!

– Я знаю Охва, что это неправильно, ведь я – ее отец и люблю малышку больше всего на свете. Она частичка Иты... Я никогда не смогу позабыть ее и всю жизнь буду надеяться увидеться снова, но... – еле слышно говорил родной голос, каждое слово которому давалось с трудом. – Но это было ее желание! Ее просьба, как за нее, так и за тебя!

– Но ведь это чистое безумство! – воскликнул в голос чужой голос, отчего фигурка зашевелилась, потянулась и снова засопела, высвободив тем самым лапы хозяина родного голоса.

– Безумством безумцы считают любовь! И это – как раз тот случай...

– Но постой! Не уходи! По крайней мере останься на время. Мы вместе ее вырастим...

– Нет, братик! Моя любовь останется с нею, а мое сердце зовет меня вдаль... – было последнее, что вымолвил родной голос.

После чего раздалось сопение, прерывистое дыхание. Фигурка слышала, как они прощаются, крепко обнявшись, всхлипывая наперебой. После чего хозяин родного голоса подошел к ней. Ткнувшись в ее пузеньку влажным и холодным от слез носом, он шепнул ей на ушко: «Я люблю тебя!»

На что она улыбнулась и перевалилась на другой бочок.

– А как имя малышки? – кинулся за уходящим прочь братом хозяин чужого голоса.

– От рождения имя ей дала мать! Ита – ее имя! – тихо печально молвил он и стал снова удаляться.

– Прощай, ступай с Миром брат! – донесся его голос издалека, а когда его шаги стихли, чужой голос тихо молвил:

– Прощай Эну! Ита-а, – подошел к спящей чужак, и аккуратно, нежно взял ее зубами за шиворот. Словно любящая мать, он потащил ее в безопасное место...

В мгновение ока, словно по волшебству, фигурка оказалась уже в другом месте до боли знакомом ей, но все равно смутно припоминаемом. Она уже подросла, бегала и играла со своим хвостиком на лужайке, в невысокой траве, чье благоухание било ей в носик. Все казалось беззаботным и радужным, по сравнению с тем, что было раньше.

Но и это теплое ощущение вдруг резко оборвалось. За секунду, а то и быстрее, все в округе посерело, резко похолодало, подул морозящий ветер. Как будто предчувствуя беду, она обернулась туда, где и находился источник холода. С каждой секундой становилось все темнее. И когда она полностью обернулась, то увидела пару сверкающих в темноте глаз, которые неминуемо стали приближаться, и от вида которых у нее перехватило дыхание. Она не могла вздохнуть. Жадно глотая воздух, она пыталась закричать, но ее уста оставались немые. Все тело не слушалось. Всю ее колотило и трясло. Как вдруг все это закончилось. Она проснулась.

Часто дыша с расширенными от страха глазами, она нервно замотала головою по стонам. Видя, что в округе царит тишина и покой, что еще ночь, и поблизости с ней мирно спит подруга-волчица, а рядом с ней тихо посапывал ее сынишка, она стала понемногу успокаиваться. Но тяжелые мысли и страх не давали ей покоя, и она решила на время отдалиться от всех. Отойдя от спящих волков шагов на десять, Ита сокрушенно села на землю, опустив голову.

– Ита?! – тихо раздался позади нее знакомый мягкий голос волчицы, проснувшейся от ее ночных вздрагиваний и стонов.

– Прости Вихша, я разбудила тебя, – молвила Ита, небольшая по сравнению с волчицей кошка, породы манул, с пушистым хвостиком и серо-пепельным окрасом шерсти.

– Опять этот кошмар? – тихо спросила волчица, чуть приблизившись к ней со спины потихоньку высвободившись от цепких лапок сына.

– Да, – печально прошептала Ита, не поднимая головы. – Он был в нем?

– Охва?!

– Кажется да!

– Скучаешь? – спросила волчица.

На что Ита повернулась к ней лицом, и та прочитала ответ в ее глазах.

– Прости! Прошу потерпи еще немного, вот подрастут и окрепнут волчата, и мы все вместе обязательно его навести. Вот увидишь!

– Хорошо, – коротко ответила Ита, не поднимая глаз на Вихшу, так как ее не только это беспокоило.

Вихша, конечно, обо всем догадывалась, но не стала лишней раз беречь ей душу, и молча пригласила ее продолжить сон. Ита, также молча, согласилась и уже спустя минуту лежала на своем месте. Боясь сомкнуть глаза, она из последних сил боролась со сном. Но тот все же взял над ней верх, и она уснула.

Вихша не опускавшая головы до тех пор как кошечка не сомкнула очи, с печалью и заботой приглядывала за ней. Понимая, каково ей сейчас приходится, она ничем не могла ей помочь.

А на другом конце поляны, где остановилась стая волков, дождавшись пока проснувшиеся члены стаи вновь улягутся, не разобрав в потемках, кем они были, один из волков тихонько встал и подбежал к другому, мирно спящему. Спустя пару минут растолкав его, оба поспешили в лес на цыпочках, чтобы их «побег» остался незамеченным...

– Нет ничего прекраснее встретить рассвет нового дня, стоя на возвышающемся над всей округой холме, и лицезреть, как солнечный свет шаг за шагом озаряет леса, поля, реки и все в округе, куда хватает взгляда... – восхищенно заговорил один из волков, тайком убежавших еще засветло из стаи.

– Хое, а я и не знал, что ты у нас поэт, – перебил его второй волк, стоявший позади, и не испытывающий такого энтузиазма.

– Шуаш, ну вечно ты так, – осекся Хое. – Признай друг, что после «трудовых будней», нет ничего лучше, провести хотя бы одно утро без вечной суеты, царившей в стае...

– Скажи еще, без наших любимых, которые с нас глаз не сводят. Их надзор над нами вовсе ни к чему.

– Ну да, мы Шуаш, вольны бегать куда захотим и когда захотим. Разве это не здорово?

– Хое, вообще-то я пошутил, – снова прервал его Шуаш, с опаской поглядывая в сторону, откуда пришли.

– Шуаш, Шуаш... – окликнул его Хое. – А я про что? Ты в последнее время сам не свой, весь на нервах. Поэтому я и решил устроить тебе эту прогулку...

– А, что?! Ты слышал? – снова дернулся Шуаш в сторону леса.

– Идем, насладимся этим утром, – прыгнул Хое с холма. – Шуаш, ну не гулять же с молодыми волчицами я тебя зову?!

– Сказал, как будто мы уже старики, – усмехнулся волк.

– Вот именно, нам всего по три с лишним года, у нас еще вся жизнь впереди! Так не будет ее прозябать в вечных хлопотах.

– Ладно! – согласился Шуаш, тяжело выдохнув, сам понимая, что забота обо всей стае стала отнимать у него слишком много времени и сил, и что небольшая встряска ему не помешает.

– А вдруг нас хватятся, – в последний раз засомневался Шуаш.

– Наши крали, конечно, умницы, но не умнее нас! – с улыбкой молвил Хое. – Хотя, твоя, кажется, умнее тебя, – подстегнул он друга.

– Что ты сказал?! Вот я тебя сейчас, – вытянул шею Шуаш.

– А ну догони! – задорно крикнул Хое и кинулся вниз по склону холма.

Шуаш поспешил за ним. И вот уже двое друзей, еще с детства, связанных дружбой, прошедшие вместе огонь, воду и «медные трубы», бегали и прыгали, пытаясь догнать друг друга, укусь за лапы и хвост. Сейчас они чувствовали себя как никогда счастливыми, веселыми и озорными не по-детски.

Они так развеселились, бегая сломя голову по лесу на перегонки с препятствиями, что и не заметили, что с высоты птичьего полета над ними навис гордый покоритель неба – орел-беркут. Паря высоко в небе, он смотрел далеко за горизонт. Хотя то и дело он поглядывал вниз на пару волков. Казалось, орел также радовался этому утру, полету мысли и сердца, как и те волки внизу наслаждались вольным бегом. Но этому чувству не суждено было продлиться вечно. Так как вскоре, ему с земли внятно дали понять жестом зовущем к себе, что он в небе не ради забавы.

Набегавшись вдоволь Шуаш и Хое, остановившись почти одновременно возле одной коряги. Лихо повалившись кубарем на траву, которая только начинала буйно расти, они со смехом, вскочив на лапы стали жадно грызть ее, как косилки, соревнуясь кто быстрее и больше ее поест. Давясь от смеха, травы, веселья и счастья, охвативших их, они медленно стали приближаться к краю леса к невысокому обрыву, на котором кроме одного могучего кедра ничего не росло, и место это казалось пустым.

Но не в этот раз. Откуда ни возьмись, на голой скале появились пять волков, тихо и внезапно. Не сводя глаз с обоих друзей, не двигаясь с места, они стали выжидать, когда те сами «прогрызут» путь к ним.

– Шуаш, – тихо молвил Хое, резко остановившись, как будто почувствовав чужое присутствие.

Он поднял голову, и увидел незнакомцев. Сплюнув траву, Хое закричал:

– Шуаш, остановись!

– Сдаешься? – обернувшись на Хое с набитым ртом, промямлил через плечо Шуаш.

Но увидав пристальный взгляд друга, обращенный не на него, а позади, он медленно повернул голову в ту сторону и увидел перед собой в каких-то метрах пятнадцати, пятерых волков, явно не из их стаи.

– Я так и знал... – прошептал Шуаш, выплевывая изо рта траву. – Это была плохая идея, – подбежавшему к нему Хое, который, выступив вперед, громко молвил незнакомцам, по-прежнему не двигающимся с места:

– Простите, хотя мы и не одной крови, но мы уважаем вашу территорию...

На что вперед вышел главный из пяти волков, и сделал шаг к ним навстречу. Шуаш и Хое, инстинктивно сделали шаг назад, затем еще один и еще, после каждого шага незнакомца, который был в разы матерее их.

– Нам лучше поспешить, – потянул за собой Шуаш Хое. – Пусть мы и не трусы, но я должен признать, что превосходство на их стороне.

– Боюсь, друг... Бежать нам уже некуда, – молвил Шуаш, повернувшись первым и увидев, что в их сторону из лесу мчится не меньше дюжины волков.

– Это же... – воскликнул Хое, раскрыв от удивления пасть, на что Шуаш, закивал, прикусив язык.

Оба друга, понимая, что бежать некуда, чуть втянули головы в шеи, и стали ожидать головомойки от тех, кто вел своих соплеменников сюда, и невесть чего – от чужаков.

– Шуаш! – огласила воцарившуюся тишину одна из волчиц, заведя его издали, отчего он прикусил язык и медленно обернулся на кричавшую ему волчицу.

Тут же он увидел пристальный взгляд, полный укора и осуждения обращенный на него. А когда дюжина волков из его стаи приблизились к ним, и остановились на том же расстоянии, что и незнакомцы, Шуаш и Хое почувствовали себя между «молотом и наковальней».

– Они и вправду не глупы! – шепнул ему на ухо Хое, через плечо, поймав на себе пристальный взгляд волчицы, при этом чувствуя себя все же не так тяжело.

– Тебе легко говорить, твоей, как ты выразился, «крали» здесь нет! – прошептал в ответ ему Шуаш.

– Вихша, дорогая, я все могу... – начал было оправдываться Шуаш, но та быстро перебила его:

– Шуаш, это обождет! Прежде прогоним чужаков! – сверкнув глазами, бросила упреждающий взгляд Вихша на пятерых волков, которые были явно рассудительнее и даже бровью не повели.

Да к тому же все пятеро чужаков были матерыми волками, и на фоне дюжины волков-юнцов, выглядели колоссами среди берез.

– Умерьте свой пыл! – нарушил тишину старший из пяти волков, шагнув вперед, на что молодежь тут же ошетичилась и замерла в ожидании приказа. Вихша даже подскочила к Шуашу, к которому вернулась его уверенность, и вместе с ней ощущение, что от его решения зависит – прольется ли сегодня кровь.

Гордо выправившись, он повернулся лицом к волку, состроив серьезную гримасу, немного напыщенную и смело взял слово:

– Эти земли наших предков, вы не имеете права здесь находиться. И как наши деды и отцы защищали ее, так и мы готовы постоять за нее до конца! – закончил Шуаш, первую часть, и собирался приступить ко второй, как вдруг перед ним и чужаками с неба свалился орел-беркут.

– Таох?! – разочарованно воскликнул в полголоса Хое. – Такую речь испортил, – подметил он, на что получил локтем в бок от Шуаша и впил в орла пристальный взгляд, полный прямой просьбы убраться с глаз долой.

– Прошу прощения, Шуаш.

– Предатель! – бросил в его сторону Хое, пока орел собирал крылья с земли, и спешил скрыться за спинами волков.

– Это все они! Они меня вынудили пытками, – бросил в оправдание орел, и исчез.

– Они?! – чуть обернулся назад Хое.

– Вы заблуждаетесь, – мягко, но уверенно и твердо одновременно молвила волчица чужак и вместе со всеми волками сделала пару шагов навстречу к Шуашу и остальным.

– Нет, это вы заблуждаетесь, раз придя сюда думаете, что мы сдадимся без боя! – упреждающе твердо выкрикнул Шуаш, у которого от ребячества, которым был объят минуту назад, не осталось и следа.

Он вновь взял слово, так как был вожаков стаи, готовым на все ради сородичей. Как по сигналу вся дюжина волков выстроилась в клин, готовая броситься в атаку по первому приказу их вожака.

– Спасибо Вихша, что пришла вовремя! – бросил через плечо Шуаш.

– Это ничего не меняет, ты по-прежнему виноват! Бросил стаю, меня, сына и ради чего? И более того, я не слишком рвалась на твои поиски, это все ее заслуга! – быстро проговорила Вихша в полголоса Шуашу, до которого было не больше метра.

– Кого?!

– Иту? – ответил тем же вопросом Шуашу Хое, одним глазом приметив ее приближающуюся сюда позади своих волков.

– Так ты вожак?! – захрипела волчица, наклонив голову вперед, и сорвавшись с места, набросилась на Шуаша.

С разбегу сбив его с лап, она нависла над ним. Между тем четверо других ее соплеменников, тут же отгеснили Хое, Вихшу и остальных волков от них обоих.

Молодые волки, во главе с Хое и Вихшей, готовы были тут же наброситься на чужаков и разорвать их. Но не успели они и дернуться, как из-за их спин раздался протяжный мягкий голосок:

– По-стой-те! – чей голос подействовал на них действеннее, чем та ситуация, в которой оказался Шуаш.

– Пусть с Ваохом вы одной крови, но я здесь не для того, чтобы... – все ниже стала склонять голову волчица к Шуашу, который замер на месте от такой неожиданности.

Не успела она договорить, как из-за спин волков навстречу чужакам выскочила манулиха – кошка, небольших размеров, казавшаяся здесь совершенно чужой.

– Не надо! Просту, остановитесь! – повторила она, взглянув вначале на своих волков, затем устремила свой взор на главную волчицу, которая от удивления потеряла ход мысли.

Выпрямившись, она пристально взглянула на нее. Затем = заметив, с каким уважением и даже почтением смотрели на нее молодые волки, а орел-беркут, даже приобнял ее крылом, полностью поддерживая ее, волчица перевела взгляд на Шуаша.

– Ты – не он! – тихо молвила она.

– Конечно нет! – поспешил встрянуть в разговор Хое, шагнув вперед.

– Тот, кого вы упомянули, давно уже не вожак, как и его сын Сиваох, гнев которого мы все вместе усмирили. Шуаш – наш новый вожак, – немного догадываясь, что их приняли за других, внятно продолжила Вихша.

После чего воцарилось полное молчание, за которое волчица не сводила глаз с Шуаша, как бы ища внешнего сходства с тем, кого упомянули. Но не найдя их, она сама подошла к нему и молча помогла подняться на лапы.

– Простите нас, мы так отвыкли от нормальной жизни, что и разучились приветствовать своих, – поклонилась она сперва вожаку, затем остальным волкам, и отдельно Ите. Волки чужаки повторили все за старшей.

Шуаш, немного ошеломленный резкой переменой настроения чужаков, и их начальницы, на несколько секунд опешил. Но взглянув на своих, быстро взял себя в лапы, и почтительно спросил:

– Вы не договорили, зачем вы пришли?

– Мы здесь не для того, чтобы – мстить, – коротко ответила волчица, одним глазом поглядывая на Иту, а вторым на Шуаша. – Простите, я не представилась. Меня зовут Вишта.

– Тогда зачем вы здесь? – почтительно спросила Ита, без страха приблизившись к Шуашу и к ней, поравнявшись с ним.

– Я расскажу, но прежде позвольте мне увидеть вашу стаю, – вежливо попросила Вишта.

– Дайте хоть один резкий повод выпустить вас – чужаков на наши земли?! – молвил Шуаш.

– Некогда я была вожаком вашей стаи! – твердо ответила Вишта, на что Шуаш, изумленно и недоверчиво обернулся на друзей, те приблизившись стали опасливо шептаться:

– Вы слышали?

– Конечно, Шуаш, мы не глухие!

– Я ей не верю, и это после нападения на тебя.

На перебой шептались Шуаш, Хое и Вихша.

– Но она могла убить меня, но не сделала этого!

– Вот именно Шуаш, неужели ты хочешь рисковать будущим наших детей?

– А ты что скажешь, Хое?

– На вид они все очень измучены долгой дорогой и вряд ли пришли сюда просто так!

– Так что?! – замотал по сторонам головою вожак, заглядывая в глаза то Вихше, то Хое, но там и там видел все те же сомнения, что грызли его самого.

– Шуаш, разреши им, – тихо молвила Ита, после минуты неподвижного всматривания в глаза волчицы, на которое та отвечала тем же.

Казалось, обе они пытались прочесть мысли и помыслы другой. После чего Ита, не найдя лжи в глазах Вишты и попросила вожака за них.

– Что?! Ита, мы их совсем не знаем! – воскликнул Шуаш, вытянув шею.

– Они не чужие! – коротко ответила на этот Ита, и пристально взглянула на Шуаша, а тот на своих друзей.

Не получив однозначного ответа, он прошептал Хое:

– Порой я не знаю, кто из нас вожак?! – приблизился он к Виште и громко молвил, чтобы было слышно всем присутствующим:

– Мы рады принять вас в гости!

После чего чуть поклонившись, он пропустил Вишту и ее четверых волков чуть вперед. А сам с друзьями последовал следом за ними. Впереди незнакомцев шли больше десятка волков, то и дело бросающих недоверчивые взгляды на них через плечо.

– Теперь понятно... – начал Хое, решив скрасить эти тяжкие напряженные минуты пути разговором.

– Что именно?

– Как они нас нашли, – подмигнул Хое Шуашу, указывая на Вихшу, Иту и Таоха, который заметив и услышав про упрек, подскочил ближе и молвил:

– Я просто не мог отказать ей!

– Вихша у меня такая...

– Нет, я про Иту, это она первая забила тревогу. Только благодаря ей мы подоспели вовремя.

– Да-а-а, – протянул Шуаш, бросил на Иту, идущую с Вихшей рядышком, дружелюбные взгляды.

– Что бы мы без нее делали? – подметил Хое, так невзначай.

Но он и не заметил, что их разговор слушала Вишта и ее волки.

– Вихша? – подскочил так между делом к волчице вожак. – Спасибо тебе. И тебе Ита!

– И не подлизывайся, дома тебя ждет наказание.

– О нет, Вихша, посиди лучше с ним ты!

– Шуаш, ты его отец!

– Да, но мы не очень-то...

– Брось ты это! Он – твоя кровь и плоть! – сделала паузу Вихша. – Конечно, если ты больше предпочитаешь бегать из стаи со своими друзьями ради забавы, то конечно...

– Дорогая не начинай... Я же извинился!

– Не верю! – демонстративно остановилась она.

– Неужели ты и вправду не пошла на мои поиски, если бы не Ита?

– Конечно... – хотела было ответить Вихша, но Шуаш соорудил симпатичную, жалобную мордашку и заскулил.

– И ты бы оставила меня одного? – заморгал он глазами, и не успела Вихша ответить, как он, сорвал зубами ранний одуванчик и передал его ей:

– Прости, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю!

– Это не оправдание.

– Знаю! – ткнул он ее в нос, после чего та растаяла и упала в его объятия.

– При всем моем уважении, скажу, что он хитрец. Мою, вот такими фокусами, не возьмешь. Ох, и перепадет мне от нее, – заметил с улыбкой Хое, продолжая путь рядом с Итой и Таохом, одним глазом поглядывая на Шуаша и Вихшу.

– Твоя избранница поймет, если скажешь, что ты помогал другу справиться с грустью, – с хитринкой на устах молвила Ита, чем вновь заслужила чуть заметное шевеление устами Вишты в их сторону.

– В моей Илле я не сомневаюсь, она добрая душа! Но я про Лиру.

– У-у-у, – протянул Таох. – Полечу-ка я подобру-поздорову, а то твоя дочурка, вечно хочет меня ощипать, чтобы увидеть, каков я лысый!

– Ха-ха-ха! – засмеялся Хое.

– Вам смешно, а я половины перьев лишился по ее вине, только за последний месяц!

– Лети уже, а то и я загорюсь подобным желанием!

– Ну вот как всегда... Сделай доброе дело, а в ответ угрозы! – взмахнул крыльями орел.
– Спасибо, Таох, – молвила Ита.
– Всегда, пожалуйста! – ответил орел, и взмыл в воздух под высунутый язык Хое, которым порой дразнил орла.

– Лысый орел, вот умора, – не успокаивался Хое.
– Это семейное – дочка, вылитая отец! – тихо буркнул Таох уже в небе, взлетая все выше и выше, следуя впереди волков, указывая им, кратчайший путь домой, в родную стаю, где их уже давно заждались...

Не усидев на месте, вырвавшись из-под присмотра няньки, растолкав всех взрослых волков, собравшихся в одном месте, для встречи своих, и неких чужаков, навстречу к ним побежал со всех лапок совсем еще молодой волчонок. Не обращая внимания на оклики за спиной, он с радостным:

– Па-па, папа, ты вернулся! – кинулся к своему отцу – Шуашу.
– Конечно сынок, разве я мог бросить тебя?! – мягко отвечал Шуаш, крепко обнимая сына у всех на глазах, как своих, так и чужих.

Растрогавшись, отец поднял взор на Вихшу и встретил взгляд с укоризной, намекающей на гостей. Тут же Шуаш отстранил сына и уже твердо молвил:

– Но все же тебе не стоило убегать от сородичей, – после чего выпрямился, напустил на себя холодный вид, и продолжил путь.

– Но, папа? – протянул сын.
– Позже Аяр, позже, – бросил он, оставив сына немного расстроенным, чей печальный взгляд поймала Вишта, прекрасно понимая, что он сейчас чувствует.

– Так вы говорите, что уже были здесь? – начал разговор Шуаш, подойдя к Виште, немного успокоившись, через спину услышав, как Хое занялся его сыном, ведя его рядышком.

– Не здесь, это было далеко, на юге от озера, – ответила спокойно Вишта, вместе с остальными заходя в разомкнувшийся строй волков.

– Вы говорите, что ваши и наши отцы некогда были вместе?
– Это правда, до того, как Ваох, разобщи́л нас, разделил на две половины, и изгнал нас из своих земель.

– Ваоха мы не знали, – вступила в разговор Вихша. – А вот с его сыном знакомы очень хорошо!

– Что случилось с тем и с другим?
– Ваох погиб на охоте, еще когда мы были детьми, а его сын Сиваох... – начала было Вихша, но вдруг резко осеклась, взглянув на Шуаша, которого при упоминании имени Сиваох, передернуло и бросило в дрожь.

– Он был моим другом, – нарушил тишину Шуаш, говоря немного дрожащим голосом. – Но затем испортился... И погиб... – закончил он, и по его бегающим глазам, Вишта поняла, что все было не так просто, как ей рассказали.

– Изгнали?! – встрянул Хое. – Это нам знакомо, Сиваох как-то поступил с нами также!
– Хое! – одернул его Шуаш.
– А что? И представьте, все из-за нее! – указал он на Иту. – Мы не захотели ее убивать...
– Точнее, я за нее заступилась, – перебила его Вихша.
– Хое, Вихша! – перебил их Шуаш, пристально взглянув на них обоих, упрекающим взглядом.

– Изгнали, говорите? – снова обратился к старой волчице Шуаш.
– Да, мы вынуждены были уйти дальше на запад, за озеро. И все эти годы жизнь становилась все тяжелее: то засуха, то наводнения, оскудения пищи – все это в конец ослабило нас. А когда половина стаи померла от неизвестной болезни, мы решили попытаться вернуться, чтобы начать все заново.

- А где, прошу прощения ваша стая? – вновь спросил Хое.
- Здесь все, кто выжил, – ответила Вишта и пошла вперед, а Шуаш, Вихша и Хое замерли на месте, с открытыми пастьми, не веря своим ушам и глазам. Молчание и тишину нарушил Таох, приземлившись рядышком.
- Таох! – тут же очнулся Шуаш.
- Займись детьми!
- Чуть, что, так сразу я?! – буркнул недовольно орел.
- Пожалуй, я ему помогу, – молвил Хое, увидев свою дочку, к которой подбежал сын Шуаша сразу же после того, как они достигли стаи, и которая не торопилась его встречать. Приблизившись к детям, Хое взглянул на Таоха, тот все понял и отвел Аяра в сторону.
- Привет, Лира, – молвил он, но ответа не последовало.
- Привет Лирунчик!
- Не называй меня так! – буркнула дочка в ответ.
- Она была ровесницей Аяра, но с виду немного серьезнее.
- А как тебя называть?
- Ни как!
- Ну ладно тебе, дочка, хватит дуться. Ну извини, сглупил. Просто мы с Шуашем подумались, вот и все!
- Вот и все?! – повернулась к нему Лира. – А ты о маме подумал?! Нет! Вот именно. Только представь: мы просыпаемся, а тебя нет. Если тебе все равно на меня, так маму пожалел бы! – выложила все как есть Лира, так горячо, чувственно, что даже глаза ее засверкали от проступивших слез. И, не желая ничего слушать, она махнула лапкой и убежала прочь к своей маме.
- Лира, постой, ведь я... – проводил ее взглядом Хое.
- Увидев свою любимую, обнимающую расплакавшуюся дочку, он тяжело вздохнул, опустив голову и подошел к ним.
- Лира, Илля, простите, я не хотел... – начал было он, но дочка не могла слышать виноватый голос отца и решила вновь убежать.
- Но я... – протянул Хое, вновь провожая дочь взглядом.
- Не кори себя. Я успокою ее, – встала на лапы Илля, которая была меньше, стройнее всех волчиц в стае, отличалась кротким нравом, нежностью, заботой и, не смотря на сломанную переднюю лапку, была грациозна, хотя и хромала с самого детства.
- Оставаясь всегда «темной лошадкой», она была крайне благодарна Хое за любовь, и отвечала тем же.
- Но в отличие от нее, дочь пошла в тебя, – философски молвил Таох, оставив Аяра, бросившегося за Лирой.
- Видя в таком состоянии друг, он подошел к нему и решил поддержать.
- Неужели я так плох, как отец? – спросил Хое орла, провожая взглядом свою любимую, которую ему, как некогда, стало жалко, и стыдно за себя.
- Будущее рассудит... – начал философски орел, но крики со стороны Шуаша и Вихты отвлекли обоих...
- Раз вы были вожаком стаи, – начал Шуаш, приглашая ее и волков, устраиваться поудобнее в центре стаи, где они и остановились, легли и стали отдыхать с пути. – Наши старейшины должны были узнать вас?
- Они все как один были за Ваоха, на их совести лежит наше изгнание. Они не признают нас, боясь, что я узнаю их.
- Раз дело обстоит так, думаю, никто не будет против, если вы воссоединитесь с нами, правда Шуаш?! – взяла слово Вихша.
- Нет! – сказала, как отрезала Вишта.

– Почему, нет? Вы заслуживаете этого! – вмешалась в разговор Ита, про присутствие которой на время все забыли, так как она была безмолвна.

– Воссоединение на словах мало что даст! Найдется тот, кто вновь замутит воду! А мы вовсе не хотим стать причиной нового раздора, – пояснила волчица, опустив взгляд на Иту, устроившуюся рядышком с Вихшей.

– О чем вы говорите? Времена Ваохов кончились! Верно, Шуаш?

– Должна признаться, отправляясь в этот путь, я прекрасно понимала, что это дорога в один конец... И была крайне удивлена атмосферой, царившей между вами в стае. А наличие в ней не только волков, говорит о мудрости вожака. Ведь у меня самой некогда был советник не из рода волков. Но не в этом суть...

– А в чем?

– Я пожила достаточно, чтобы понять, что хорошие времена всегда сменяются плохими. Сейчас, ваша стая полна мира, как и моя некогда, но ошибка, всего одна, стоила нам... – осеклась волчица и ее голос дрогнул.

– Мой сын погиб, и стая осиротела. Я не желаю, чтобы это повторилось с вами.

– Как? – вытянул шею Шуаш.

– Твой сын любит вас, я это вижу, но он еще совсем юн.

– На что вы намекаете?

– Вихша, ему будет куда безопаснее, если рядом будет та, о чье плечо он сможет опереться в трудную минуту, кто не покинет его и позаботится о нем.

– А я на что? – встрял в разговор двух волчиц Шуаш, не понимая, к чему клонит старая волчица.

– Шуаш, ты должен признать, что волчата растут быстро, и не успеешь и глазом моргнуть, как твой сын станет мужчиной и ему понадобится сильная волчица, способная дать хорошее потомство.

– Постойте, о чем вы здесь толкуете? – возмутилась Вихша.

– Я лишь предлагаю Бари, самую молодую из нас, в качестве избранницы вашему сыну, – одна из волчиц привстала и поклонилась Шуашу и Вихше, у которых от удивления челюсть отвалилась.

– Но... но... – замялся Шуаш.

– Да, она взрослее вашего сына, но она в прошлом году выкормила барсенка одной барсихи без молока. Скажу вам, не каждая мать способна на такое...

– Исключено! – ответил Шуаш, вскочив с места.

– Не успели прийти, как уже диктуете, как нам жить! Пока мы есть у него, нам решать, как жить Аяру! – закричала Вихша.

– Простите, если обидела. Но я бы никогда не посмела и подумать, что смогу заменить другим родителей. Я не завела бы разговора об этом, если не близость человека к вашим территориям.

– Люди, они рядом?

– Ближе, чем вы думаете. И судя по вам, я понимаю, стая не впервой встречаться с ними.

– Мне все равно Шуаш, люди, или нет, я не позволю!

– Да стой ты, дай Вишту выслушать, – схватил ее за плечо Шуаш, и заглянул ей в глаза.

– Мой сын погиб от их рук. И видя вашего, мне не хочется повторения событий, – молвила Вишта.

На что Вихша вырвалась из лап Шуаша и быстрым шагом ушла прочь. Не зная, как поступить и что ответить, Шуаш обратился за помощью к той, кто ни разу его не подводила и всегда выручала их – к Ите.

– Союз между твоим сыном и их дочерью, укрепит и обеспечит будущее стаи, но все же решать Аяру, – ответила кротко Ита.

- Ты как всегда права, Ита! – поклонился он ей.
- Я сейчас же ему все поясню. Извините меня, я скоро, – удалился Шуаш.
- К ним подошли Хое и Таох.
- Куда это он и что за крики? – спросил он Иту.
- Вишта сватает Аяру волчицу! – коротко ответила Ита, на что Хое немного скукожившись, оглядев всех ненароком, и не найдя среди них моложе себя хотя бы на пару лет, выдал из себя:
- И что на это сказал Шуаш?
- Он подумает, – молвила Вишта.
- На что Хое чуть обернувшись к Таоху прошептал:
- А я думал, я плохой отец...
- Лира, Лира, – осторожно подошел к ней Аяр, видя, как та прячет от всех мордочку, и явно плачет.
- Почему ты плачешь? – спросил он совершенно наивно по-детски, сев рядышком и наклонив к ней мордочку.
- Я?! С чего ты это взял? – утирая нос, повернулась к нему лицом девочка, но при этом скрывая глаза.
- Просто я видел... – начал было Аяр, но Лира перебила его:
- Не бери в голову Аяр. Немного повздорила с отцом, не более. А вот ты оказался молодцом.
- Ты про что?
- Ты правильно сделал, что бросился встречать отца.
- Но это же ты мне помогла.
- Да ладно тебе, я лишь отвлекла маму, и дала возможность тебе...
- Мне кажется, он не слишком этому обрадовался.
- Не говори так, он был рад, просто ему тяжело при всех.
- Порой, мне кажется, он не очень любит меня, и... – опечаленно молвил Аяр своим мягким, детским голосом.
- Ему не хватает времени на тебя, он вечно занят, а когда свободен, ты оказываешься ему ненужным, – быстро закончила Лира мысль Аяра, на что тот удивленно на нее взглянул.
- Точно! Откуда ты знаешь?
- Ты сам только что сказал.
- Ну да, верно.
- А вот и твой отец! – молвила Лира через спину друга, увидев Шуаша чем-то взволнованного, бегущего сюда, и остановившегося не добрав до них шагов двадцать.
- Иди к нему, – препроводила она Аяра, а сама повернулась боком, но при этом держа ушки на макушке.
- Папа, ты что-то хотел? – подбежал к Шуашу его сын, а тот, не зная с чего начать, начал отдаленно:
- Сынок, ты знаешь, кто я?
- Ты мой папа! – ответил быстро Аяр.
- Нет, я про другое, про статус...
- Ты вожак нашей стаи!
- Вот именно, а ты – мой сын! И тебе однажды придется встать на мое место, и быть вожаком.
- Но как же ты?
- Все может случиться, я могу заболеть и мне понадобится твоя помощь.
- Я готов!
- Хорошо сынок! Но для этого ты должен многому научиться и многое понять.

- Я готов!
- Вот и замечательно, с завтрашнего дня начнем. А пока, ты должен знать, что быть вожаком это не только моя работа, не только честь и ответственность, но и самопожертвование...
- Это как?
- Во время учения, ты должен отбросить свои интересы и желания на второй план и полностью отдаться этому.
- Не пойму.
- Ну как бы тебе объяснить... Ну вот, например, Лира, ты с ней дружишь, верно?
- Да, мы лучшие друзья.
- Ответ не верный. Отныне, я – твой отец, учитель и твой друг, и ты должен меня слушаться.
- Ты этого хочешь? – попытался оглянуться на Лиру Аяр, но Шуаш повернул его голову к себе, и пристально взглянув сыну в глаза, твердо молвил:
- Если хочешь повзрослеть и стать вожаком стаи, ты должен проститься с детством.
- И с Лирой?! – протяжно и жалобно спросил Аяр.
- Сынок, в стае назревают перемены. И ты должен быть готов ко всему.
- Но я...
- Нет Аяр, никаких – но!
- Можно, хотя бы попрощаться?
- Только быстро! – бросил Шуаш, увидев приближение Вихши и Хое.
- Шуаш, что ты делаешь? – спросил тихо Хое, приблизившись к нему, наблюдая за Аяром и Лирой.
- Неужели ты все ему рассказал?! Он еще мал для подобного, – немного успокоившись, молвила Вихша.
- Пусть это всего лишь предложение Вишты, но мы должны признать, что мой сын будущий вожак.
- Не обязательно! – вставил Хое.
- Нет, так хочу я! Но для этого, он должен перестать быть сопливым ребенком, вечно ноющим по любому поводу...
- Лира, я... – подошел к ней Аяр.
- Не утруждайся, я все слышала.
- Правда, тогда ты знаешь, что теперь я буду как никогда близок с отцом.
- Конечно! – буркнула недовольно Лира.
- Разве не этого мы добивались?
- Конечно этого, но не ценой дружбы.
- Мы будем дружить, просто встречаться будем реже.
- Конечно, мой друг, прости. Идем, я тебя провожу, – молвила хитро Лира, провожая Аяра к отцу, а ее глаза недобро сверкнули, так как до ее слуха долетел разговор их родителей.
- Он еще ребенок, что ты от него хочешь? – повысила голос Вихша, повернувшись к Шуашу лицом.
- Как и любой отец, я хочу, чтобы сын не повторял ошибки родителей.
- И поэтому ты хочешь лишить его друзей и отдать первой встречной?!
- Нет, он должен понять, что для того, чтобы быть во главе, надо жертвовать...
- С собой, друзьями?! Послушай себя, у тебя синдром Сиваоха.
- Не вспоминай о нем!
- Ребята, – вмешался Хое, но его и слушать не хотели.
- Почему?! Ой, прости, ведь, ты не любишь вспоминать прошлое. Он был твоим другом...
- У меня не было выбора!

– Не спорю, но теперь ты боишься, что у твоего сына появятся друзья, которые смогут предать его, и ему придется поступить так же, как и тебе тогда, а именно... – все громче и громче кричала Вихша.

– Ребята! – перебил ее на полуслове Хое, вскочив между ними.

– Мы не одни, – тихо продолжил он, указывая на Лиру и Аяра, которые все прекрасно слышали.

– Все сынок, ты готов? – тут же подошел к нему Шуаш.

– Нет, папа, мне не нужно все это.

– Не говори пустяков, идем! – стал утягивать за собой сына Шуаш.

– Ли-ра-а-а! – прокричал Аяр, вытягивая к ней лапы.

Тоже хотела сделать и она, но Шуаш недобро взглянул на нее и бросил:

– Не смей!

– Шуаш, как ты смеешь угрожать моей дочери? – заступился за Лиру Хое, загораживая ее собой.

– Папа, я сама!

– Нет Лира, это дела взрослых.

– Ступай Хое, займись ее воспитанием, пока не стало поздно.

– На что ты намекаешь?

– На то самое!

– Что-о-о?! – закричал Хое.

Они разодрались бы, если бы Вихша и Илля, подоспевшие вовремя не остудили горячий нрав своих любимых.

– Хое!

– Шуаш!

Одернули их волчицы, встав, каждая у своего.

– Мы уходим, Аяр. Идем. Ты еще скажешь мне спасибо.

– Идем Лира домой, тебе незачем иметь таких друзей.

И оба отца увели своих чад по разные стороны стаи. Шуаш в центр, а Хое на окраину.

– Прости, – извинилась Вихша перед Иллей.

Она, как и подруга, была весьма встревожена странным поведением своего спутника жизни.

– И ты меня, – ответила тем же Илля, и обе волчицы пошли вслед своим любимым с ощущением грядущих неприятностей, тревог и бед.

III «Я просто – дурак!»

«Нет ничего хуже, чем идти одному по пути жизни, при этом чувствуя себя ущербным, никому не нужным и что еще хуже – ненавидящим самого себя. Ты запросто бы мог не слушать злые языки окружающих, которые по своим корыстным причинам клеймят тебя в том или ином вполне незначительном поступке. Правду говорят: «Собака лает – ветер относит».

Но что-то в тебе не дает возможности не обращать внимания на злые языки. И ты, как и прежде, пляшешь под их дудку, не понимая, что больше вреда, наносишь, прежде всего, самому себе. Ты начинаешь не просто не любить себя – а воспылаешь ненавистью к себе, как к личности и члену общества. Тебя обуревают злость, вначале на друзей. Затем гнев переходит на самого себя. Ты недоволен каждой клеточкой своего тела и каждое расстройство организма, воспринимаешь, как доказательство своей неспособности и беспомощности.

Не любить себя – худшее из зол. Ненавидеть себя – приближать к могиле.

Ты так сильно поглощен этой ложью, что попросту не замечаешь, как твое угнетенное состояние, радуется до самых низменных глубин души, если она у них еще есть, и не исказилась, тех, кто упрекает тебя. И кто вечно цепляются и насмеваются в обход тебе. До слуха долетает лишь часть их ядовитых слов, ведь они ни за что не осмеливаются сказать это тебе в лицо, и пусть гавкают, но прекрасно понимают, что неправы. Но всякий раз, повторяя свои слова, они пытаются уверить всех окружающих в их правоте, подсознательно пытаюсь подчинить и слушающих своей злой воле.

Лишь те, кто знает цену истины, могут даже, когда все кричат – виновен – увидеть правду и не сбиться с истины. Да, таких людей мало, но все же они есть. И я каждому желаю, чтобы в своей жизни вы встречали такого человека, и он стал вашим другом»

В подобной ситуации самобичевания, уничтожения и гнева на себя, на свою судьбу и жизнь, на все и вся, оказался наш Шусик. Он до такой степени перестал заботиться о себе, отчего весь его мех покрылся слоем пыли и грязи. По цвету и серому оттенку, он стал походить больше на бездомного уличного кота, чем на гордого обитателя высокогорий. Сквозь грязь и пыль, свисавшую клочьями с его шерсти, виднелись многочисленные ушибы, порезы, колотые и режущие раны, которые он успел получить за время своего одинокого странствия. Его исхудалые бока ввалились, виднелись ребра, что говорило о продолжительной голодовке. Муке, на которую он обрек себя сам, в надежде доказать, что он способен обуздать свои инстинкты и порывы брюха.

Не знаю с чего он все это взял, но возможно, причиной тому были разворошенные воспоминания из прошлого, слова и укоры тех, кого он знал прежде и чьи упреки обрели новую силу, спустя время, умножившись десятикратно.

Волоча хвост за собой по земле, шаткой, изможденной походкой, смотря вперед пустым взглядом своих серых, погасших глаз, он в целом представлял собой ужасную картину того, кто поставил мнение других, пусть и ошибочное, выше своего. Позволил им диктовать: что ему делать, как жить, что есть и пить, чем и когда дышать – всем тем, кто по своей натуре ничтожны, но мнят себя выше остальных.

Крутя в своей голове, подобные мысли, делая себе еще хуже, ведь все наши болезни и проблемы всегда берут начало в нашем сознании и именно его пытаются подчинить злыдни, Шусик не шел вперед, а еле волочил лапы, почти не отрывая их от земли. Если на пути встречались преграды, он пересекал их, нередко калеча и ранив себя. А порой и вовсе останавливался, и, стиснув зубы, ударял лапой изо всех сил по стволу дерева, затем закатывал глаза, сдерживая боль и глухо рыча. После вновь продолжал путь, неведомо куда, потеряв смысл и цель в жизни.

Печальное зрелище, убитого не горем, а чужими устами, совсем еще молодого барса, полного сил и молодости. И чтобы ему не радоваться жизни и бегать по горам?! Нет – вместо

этого, он оказался неведомо где, да еще и под проливным дождем, не первым этим ранним летом, но сильным и продолжительнее предыдущего. Ко всему прочему, сопровождающимся сильным громом и слепящими глаза молниями.

Не утруждая себя в поисках укрытия от прохладного, пронизывающего до костей дождя, льющего свою влагу на протяжении всего дня без остановки и отдыха, хлюпая по лужам, утопая в сырой земле, чуть ли не по брюхо, Шусик шел понуро.

Было еще светло. А когда тучи сгустились, и стало совсем темно, он остановился. Не думая укрыться от дождя, под каким-нибудь деревом, барсенок лег прямо посреди луж и грязи. Но только сверкнула молния и озарила все в округе, как Шусик увидел свое отражение в луже. Поворотив нос, он отвернулся от него прочь, со злостью шлепнув по луже лапой. Отчего грязь разлетелась по сторонам, в том числе и прикрыла ему один глаз. Не спеша смыть ее, он, свернувшись в комочек, устроился поудобнее, насколько это позволяла обстановка. Еще долго он не смыкал глаз, дрожа от порывов ветра, вздрагивая от дождя и раскатов грома и вспышек молний. В голове кружилась одна единственная мысль: «Неужели они правы?»

Непроглядная холодная пелена ночи и одиночества опутала Шусика с головою. Ночь, обычно быстро заканчивающаяся при глубоком сне, оказалась для него целой вечностью, за которую он не смог отыскать ни единого ответа и даже наоборот появлялись все новые и новые вопросы и сомнения. Все вместе, они наваливались на барсенка, сжимали, давили, притесняли, унижали и вызывали чувство глубокого отвращения, как ко всему, так и к себе. Казалось ничто не способно вывести его из этого унылого состояния, полной апатии и себя ненавистничества.

К тому же после того, как дождь закончился посреди ночи, и подул сильный прохладный ветер, на Шусика налетела целая стая комаров, которые нещадно принялись кусать его, пуще прежнего. Не в силах даже отмахнуться от них хвостом, все, что ему оставалось, это хаотично вздрагивать, при каждом новом укусе. Если бы не скорый приход утра, они бы точно сожрали барса живьем.

С рассветом и появлением первых теплых лучиков солнца, комары оставили Шусика в покое. Стих ветер и воздух стал быстро нагреваться. Сам того не желая, барсенок впал в сон, пусть короткий, но так необходимый измотавшему самого себя Шусику. Но и этим минутам не суждено было продлиться долго, так как с приходом нового дня, пришли и очередные неприятности.

Внезапно, как для самого барсенка, так и для всего леса, тишину нарушил глухой монотонный стук. На который барс, сквозь дремоту не слишком обратил внимание. Но когда тот, через полминуты закончился и раздался трескучий звук, где-то неподалеку, похожий на частые раскаты грома, Шусик вздрогнул. Вскочив на лапы, не понимая, что к чему, он замер на месте, пытаясь определить источник этого шума.

Но ему не пришлось долго гадать. Не успел он понять, откуда точно исходил шум, как он десятикратно усилился, с еще большей частотой треска, вселяющего непомерный ужас. Не успел Шусик осознать его, как страх перерос в панический ступор. Так как спустя полминуты, треск на доли секунды стих, чтобы в следующее мгновение нарушить тишину утреннего леса новым звуком, будоражащим все и вся – звуками падающего дерева.

Могучая сосна возрастом более сотни лет, подпиленная у самой земли неведомыми силами стала неумолимо клониться к земле. Причем верхушкой она грозила упасть прямо на барса, который никогда ничего подобного не видел и прирос к земле. Он хоть и понимал, что надо бежать, но ничего не мог с собой поделать – он напугался, растерялся, потерял контроль над собой – причем все одновременно и мгновенно.

– Берегись! – раздался чей-то голос совсем близко.

Прежде, чем сосна рухнула на Шусика, на него с разбегу налетела серо-рыжеватая фигурка, и в самый последний момент, спасла его от неминуемой гибели.

– Бежим, это человек! – воскликнула хозяйка голоса в следующую секунду, как только Шусик поднялся на лапы, после резкого толчка.

Не успел он ничего ответить своей спасительнице, как та бросилась бежать, оставив барсенка в еще более сильной растерянности. Ведь та, была представительница его вида, молодая барсиха, чуть крупнее, ослепительно красивая, с блестящей ухоженной шерстью, серо-синего оттенка, с примесью рыжего меха по бокам, с длинным пушистым хвостиком. А также остренькими ушками, худой мордочкой, и венчающими ее длинными усиками и ресницами. Не веря своим глазам, чувствуя внутри себя некое, доселе неведомое смятение, он с замиранием сердца и дыхания, проводил взглядом убегающую барсиху, показавшуюся ему в тот момент, прекрасным видением из его грез, нежели реальной кошкой.

Но его удивлению, как и восторженному чувству вскоре пришел конец. Не успела она скрыться из виду, как внезапно раздался громкий хлопок, за которым последовал крик той, кому он принадлежал. Барсиха со всего разбега вдруг резко запуталась в своих лапках и кубарем покатилась, собирая своей шелковистой шубкой всю грязь с земли. Шусик, и глазом не успел моргнуть и тем более понять, что к чему, как к ней тут же подбежал человек с ружьем наперевес.

Тогда-то Шусик услышал, что к поваленному дереву приближаются еще люди. Взяв себя в лапы, он резко бросился вглубь леса. Уже через минуту, обогнув всю оголенную поляну, он оказался у того места, где была сбита с лап барсиха. Выглянув из леса, к его удивлению он обнаружил ее, на том же самом месте, лежащую без движения и видимого присутствия людей. Недолго думая, Шусик кинулся к ней, схватил зубами за загривок и поволок прочь с поляны подальше от людей, вглубь леса.

Очнувшись спустя некоторое время от ужасной колющей боли в боку, исходившей оттуда, куда угодила пуля со снотворным, и где до сих пор зияли красные перышки, барсиха глухо захрипела. Потянувшись к ней, она вытащила пулю зубами и выплюнула прочь от себя. Почувствовав при этом ноющую боль в шейном отделе, она потерла ее лапой. Оторвав взгляд от земли, только сейчас она увидела возле себя того самого барса, которого спасла от падающего дерева, и который, судя по его озабоченному взгляду, вытащил ее из рук людей.

– Спасибо, – молвила мягко барсиха, пытаясь заглянуть в глаза барсенку, но тот, отчего-то застеснялся и прятал от нее взгляд.

– Прости, за боль, – коротко глухо молвил Шусик в ответ, стесняясь больше своей неопрятной внешности, нежели поступка.

– О чем ты говоришь? Ты спас меня, – начала восторженно кошка, встав на лапы, и хотела подойти ближе, но Шусик, отошел от нее на шаг.

– Тогда мы квиты! – прервал он ее и отвернувшись, сделал шаг в сторону.

– Постой! Куда ты?

– Нам не по пути, – не своим голосом ответил Шусик, причем произнес он это очень сухо и холодно, отчего барсиха невольно отступила назад, и не стала больше ничего предпринимать.

Она молча проводила его взглядом, а тот не ни разу не обернувшись, вскоре исчез из поля ее видимости. Постояв немного без движения, она, встряхнув головой, развернувшись, хотела пойти в свою сторону, но тихий голос остановил ее:

– Прошу, выслушай меня...

– Кто ты?! – спросила барсиха, удивившись, что подобному небольшому зверьку удалось подкрасться незаметно к ней, и стоять вот так без доли страха перед его очами.

– Ты нужна ему...

– Но почему? Почему я такой?! Почему не могу общаться как все нормальные? Вместо этого я вечно порчу со всеми отношения. Вот и сейчас, оттолкнул от себя ту, кто, не стану скрывать и уж тем более лгать самому себе, понравилась мне?

– Понравилась?! Это мягко сказано. Она просто чудо, и телом и душой, я почувствовал это сердцем. Но к чему лелеять пустые надежды, она слишком хороша для тебя!

– И не говори! Но...

– Неужели ты и вправду подумал, что, такая как она когда-нибудь захочет быть с тобой? Что ты можешь предложить ей? Понимание, любовь, заботу – смешно! Такой, как она нужен тот, кто не побоится в экстренных случаях броситься за ней в огонь! А я что?! Я со своей жизнью-то справиться не способен! И то, что я сделал, лишний раз подтверждает это. Я трус, истинный трус, бегу от чувств, спасаюсь бегством от тех, кто ко мне всем сердцем, а после придумываю глупые оправдания этому!

– Ты просто боишься быть откровенным с другими, боишься открыть им правду, ибо она пугает самого тебя.

– Нет, хватит! Сколько можно?! Прошное в прошлом, и надо жить настоящим!

– Но как, можно рассчитывать на будущее, не имея прошлого?

– Стой, остановись! Это просто твоя гордыня! Это она мешает тебе остановиться, обернуться назад, взглянуть в глаза тем, кого покидаешь и молвить: «Прости, я был неправ!»

– Вместо того, чтобы спастись бегством, не оборачиваясь, когда тебе кричат, тебе бы следовало идти к ним навстречу, и самому кричать им, чтобы они приняли тебя! Но ты не можешь, ты считаешь, это ниже твоего достоинства!

– Ха, какого еще достоинства? Взгляни в отражение в воде. Ты никто, и звать тебя никак! Ты думаешь, что весь мир обязан тебе, и все должно быть по-твоему, но это вовсе не так!

– Так что же со мной? Страх, гордыня, одиночество! Как я дошел до этого? Ведь раньше в детстве, я не был обделен дружбой и общением. Так почему же сейчас я пугаюсь от одного упоминания о нем? Кто или что превратило меня в это существо – необщительное, замкнутое, полное подозрений, страха и стремления к одиночеству?

– Ответ как всегда лежит на поверхности, но я его не вижу...

– Постой, а может быть я вовсе и не изменился, и по-прежнему жизнерадостный и полный жизни барс? Может сама судьба преподнесла мне ее, чтобы я отыскал на все эти вопросы ответы?

– Но тогда почему в который раз ты проигнорировал ее, оттолкнул от себя, свернул с единственно верного пути и пошел совершенно иной дорогой?

– Скорей всего, потому что: «Я просто – Дурак!»

Так размышлял Шусик, идя вперед с поникшей головой, ведя оживленную беседу сам с собой. Причем, чем дальше он отдалялся от того места, где оставил барсиху, тем мрачнее и холоднее становились его мысли и затуманивался рассудок.

Посвящается Татьяне

IV «Какими судьбами?»

Вернувшись на место удачной охоты, после минутной отлучки по нужде, горе-охотник, уверенный в том, что она ожидает его на том же самом месте, где он ее оставил, оказался сбит с толку. Ведь, всюду было полно людей, трудящихся в поте лица на разных участках площадки, а вот его добычу как ветром сдуло.

Совершенно не зная на ком выместить свою обиду, он срывается с места и уже спустя полминуты, прибегает на огромную по площади голую поляну, тянувшуюся вдоль леса: с севера на юг, и с востока от леса, до самой реки, на добрых полкилометра. Причем вся эта площадь, совсем еще недавно была непроходимым лесом, где росли хвойные и лиственные породы деревьев, возрастом не менее полувека. Но об этом теперь напоминали лишь частые пеньки разных размеров. Да и те выкорчевывались спецмашиной – трактором с ковшом.

Застыв на месте, приложив руку ко лбу, как бы выискивая кому пожаловаться, человек обвел всю площадь быстрым взглядом.

Вдали на противоположной стороне «строительной площадки» у реки возвышались несколько срубов. Точное их количество было трудно увидеть – были заметны лишь зачатки новых строений. Как муравьи, там, вдали работали люди, укладывали штабелями бревна, которые им подвозили на гусеничном тракторе, со всех сторон, оттуда, где велась активная вырубка. Там у реки, бревна подвергались первичной обработке коры, и по звуку циркулярных пил, доносившегося оттуда, еще и распили на доски.

Весь северный участок леса подвергался нещадной вырубке. Не проходило и минуты, как здесь падало очередное дерево, с треском и грохотом, кричащего от боли леса. Всюду кипела работа, виднелись не меньше десятка два лесорубов. Их временки-срубы не лучшего качества из свежесрубленных бревен, располагались также возле реки, севернее пилорамы.

Ближе к лесу, с восточной стороны располагался совершенно иной лагерь людей, специфической профессии – охотников. Привычные ночевать под открытым небом, они довольствовались открытой со всех сторон площадкой, закрытой крышей, что покоилась на бревнах лиственных пород деревьев. Возможно, это был только костяк, который еще предстояло обустроить, но так или иначе, люди-охотники расположились возле него. Вокруг своих палаток и очагов с не потухшими кострами, в окружении собак на привязи, которые то и дело перегавкивались. Именно к этому лагерю вооруженных до зубов охотников, и направился человек, вначале неспеша, затем перейдя на рысцу.

Здесь, не встретив ни от кого преграды, человек быстро отыскал главного среди них, и сообщил ему, что к чему, указывая пальцем в ту сторону, где чуть не была поймана барсиха. Кротко выслушав нагоняй от начальства, он удалился восвояси.

Главный из охотников, человек уже не молодой, но еще и не старик, с бородой и сединою на висках, оставил лагерь, прежде кивнув двоим охотникам в сторону, которую указал невезучий охотник. После он отправился с докладом к самому главному начальству. Путь его лежал в центр площадки – к зданию, похожему больше на загородную дачу, чем на штаб.

Двухэтажное здание, выполненное в сдержанном стиле, из досок, со вставленными пластиковыми окнами, солидным крыльцом, больше походившим на веранду, ведущую на второй ярус, и тянувшейся вдоль всего переднего фасада дома. Крыша сверкала издали и была покрыта свеженьким металлическим настилом бурого цвета. Несколько десятков листов этого настила еще оставались возле дома, припасенными для будущих построек. Над домом клубился серый небольшой дымок, что шел из одной единственной трубы. Это говорило, что в ней была установлена печь-голландка.

Приблизившись чуть ближе, охотник увидел, что за стенами огороженного двора дома, довольно большого размера, стоял небольшой двухместный вертолет, пропеллеры которого

не так легко было скрыть от чужих глаз. Здесь же, по-видимому, стояла и другая личная техника начальства. Какая именно, не было возможности лицезреть, но все окружающие знали, что вход туда запрещен для всех без исключения. Вертолетная площадка и склад техники в одном лице, прилегающая вплотную к дому, была огороженная двухметровым забором. По площади она превосходила площадь самого дома. При этом мало привлекая внимание тех, кто только впервые приближался к дому.

Больше всех виднее, слышнее и заметнее была одна персона, уже в летах, но при этом не потерявшая предпринимательской жилки и азарта руководства. То была очень бойкая, крикливая, подвижная женщина, лет так за сорок. Хотя о возрасте было трудно судить, ведь такие как она всегда заботятся о своей внешности и нередко в пятьдесят выглядят на сорок. Ничем не выдающаяся по внешности, с кудрявыми подкрашенными в почти белый цвет волосами, она брала своим голосом, точнее криком, который был слышен отовсюду и нередко наводил страх и ужас на работников. Вокруг этой женщины, расположившейся на втором ярусе веранды, за письменным столом, кружилась разношерстная компания из работников, строителей, охотников и невесть откуда здесь взявшихся деловитых людей в пиджаках и с чемоданами.

Не успел охотник вступить на ступени крыльца, чтобы подняться к ней, как она выбежала к нему с горящими, бешеными глазами и довольно резким тоном заорала на него:

– Что, снова проблемы?! Все! С меня хватит! Делайте, что хотите! Разогнать вас всех надо! И за что, спрашивается, я вам только деньги плачу?!

После чего, она, махнув рукой, быстрым шагом удалилась прочь от всех к закрытой двери, что вела во внутренние помещения дома второго этажа.

– Сергей, выйди! – постучала она в нее.

За дверью, по-видимому, находился информационный центр базы, так как к ней вели всевозможные провода и кабели, не только со всего дома, но и со всей базы. Плюс к этому, рядышком с ней, висела спутниковая тарелка. А судя по звукам из распахнутой двери, там ни столько работали, сколько развлекались, и оттуда донеслись голоса из трансляции сериала.

– Ну что случилось?! Знаешь же, я занят! – не слишком охотно вышел человек лет тридцати, прилизанный, в брюках, туфлях, блатной рубашке и с хитрым выражением лица.

– Сергей, либо разберись с охотниками, либо уволь! – завопила она, чтобы все слышали.

После отвела его чуть в сторону и что-то прошептала, не сводя глаз с людей с дипломами.

– Хорошо, мам, ты только давай без истерики! – согласился он, оказавшись сыном хозяйки, и самолично вышел к охотнику.

– Ну, рассказывай, что на этот раз?

– Поблизости была замечена барсиха, но ее не удалось поймать.

– Что?! – воскликнул Сергей, уже потирающий ладони, но услышав печальные новости, резко сжал кулаки.

Окрысившись, он набросился на бедолагу, который был не только старше и опытнее этого юнца, но и умнее. Ему хватило терпения выслушать все упреки молча, говоря про себя:

– А что с него взять?!

– Да, как вы могли?! Я думал ты собрал самых лучших охотников со всей округе, а на деле – твои дилетанты даже подстрелить кошку не могут! – начал было он, но его внезапно прервал другой голос, мягкий и спокойный, только что подошедшего человека:

– Сергей Блинов, что я слышу?! Ваши люди промышляют браконьерством в заповедных местах?

– Смотрите-ка, кто к нам пожаловал? Это же Иван... – протянул Сергей, специально не желая произносить фамилию лесничего.

– Иван Владимирович, – поправил Сергея спутник Ивана, Семен.

– Точно! Точно! – поспешил он подойти к ним ближе, чтобы те не вздумали подняться выше к его матери, которая была погружена в работу с головой.

– Какими судьбами?! – протянул он, хитро прищурился.

Препровождая жестом руки охотника, он поспешил избавиться от него, убрав его с глаз Ивана и Семена. Охотник в спешке задел последнего плечом, на что Иван на доли секунды обернулся на него и задержал взгляд.

– Так что вы забыли у нас?! – продолжил Сергей.

Положив ладони обоим на плечи, молодой начальник хотел увести гостей подальше от дома. Но Иван и Семен, передернувшись, поспешили убрать его руку с плеч, и твердо отвечали:

– Пришли с проверкой! – взглянул по сторонам Иван.

– Хорошо, не буду препятствовать. Идемте, я даже проведу экскурсию лично для вас, – поспешил молвить Сергей, заметив, что люди в пиджаках в сопровождении его матери, начинают спускаться.

– А может, вы пришли проситься ко мне на работу?

– Напротив! – возразил на это Семен.

– Ведь вы же – Сергей, сами сказали, что у нас есть еще три месяца до окончания сезона. Вот мы и пришли делать свою работу, – начал тянуть время Иван, забавляясь видом Сергея, которому не терпелось поскорее избавиться от гостей, нервно перебирая пальцами по ноге, и закатывая глаза.

– Слушайте, – не выдержал он, когда гости спустились вниз, и отправились в сторону огороженного двора. – Чего вам надо?

– Кто это?! – подскочила женщина, пытаясь показаться дорогим гостям, которые уже удалялись очень вежливой и учтивой.

– Я про них тебе уже рассказывал... – тихо шепнул ей Сергей, чуть отворачиваясь спиной к Ивану и Семену.

– А-а-а, это те самые, что не приняли нашего предложения, – начала мягко женщина, которая сразу показалась Семену какой-то язвенной, чересчур хитрой и продуманной, само собой, в свою пользу,

Она отвела Сергея в сторону, после чего ее лицо резко поменялось, и женщина злобно прошипела:

– Убери их отсюда, клиентов распугают! И еще – подыщи человека, по сноровистее. Заказ намечается, упускать такой шанс нельзя! – закончила она.

Еще раз, бросив презрительный взгляд в сторону Ивана и Семена, она поспешила удалиться, отдавать бригадирам новые приказы.

Уже через минуту, она вернулась к гостям, с наигранной вежливостью:

– Конечно, конечно, проверки дело нужное. Так с чего хотите начать – с документации, рецензий, подписей или с осмотра участка под нашу новую базу?! Как видите, многие работники из других баз с радостью нанялись к нам. И вам еще не поздно, – как ни в чем не бывало, продолжила она мягким голосом, в котором чувствовались нотки злорадства.

– Нет, спасибо, мы уже достаточно насмотрелись! До скорой встречи! – поспешил откланяться Иван, потянув за рукав недоумевающего Семена, и оставил при этом Сергея в не меньшей растерянности.

Проводив их взглядом, Сергей Блинов тут же, как ужаленный, поспешил на второй этаж, под звуки поднимающегося в воздух вертолета с солидными гостями на борту.

– Они не угомонятся! – кинулся он к матери, положив обе ладони на стол.

– А ты что от меня хочешь? Сережа, я предоставила тебе свободу действий!

– Но мама, они могут все испортить!

– Да ладно тебе сынок. Не нервничай ты так, лучше ступай поешь, в холодильнике гречка с маслом.

– Да не хочу я! – взорвался Сергей, на что позади обоих скрипнула дверь и не выходя на улицу, там в тени показалась фигура человека, немного полноватого, рослого и судя по голосу, не лишённого здравого смысла:

– От Ивана можно ожидать сюрпризов! Сын лучше будь с ними поосторожнее...

– Ха, вот еще! Мне, бояться каких-то лесничих?!

– Он не простой лесничий.

– Да ладно батя, упаси меня от твоих воспоминаний. Все мы прекрасно знаем, что некогда из-за него ты погорел... Но я – не ты, и не собираюсь повторять твоих ошибок.

– Ладно, как знаете... Кажется, я здесь никому не нужен?! Может тогда сходить на охоту?

– Сходил уже один такой! – возразила женщина.

– Лариса Матвеевна, хватит уже попрекать меня! Все это только благодаря мне и моим хлопотам...

– Ой, не заливай! Где бы ты сидел сейчас, если не моя голова?! Это я вытащила тебя...

– Конечно, подмазав судью, моей виллой на озере в заповеднике, и не весть еще чем!

– Все! С меня хватит! – вспыхнула Лариса, всплеснув руками вверх. – Твой отец невозможен! Делай, что хочешь, а меня не трогай, я работаю!

– Труженица наша, тоже мне...

– Все хватит! – встал между ними Сергей. – Оставь ее и поди к себе. Не показывайся пока тем, кто может тебя опознать, пока я не уберу их отсюда.

На что фигура хлопнула за собой с силой дверь. Лариса села за свой стол, и стала нервно щелкать мышкой на своем ноутбуке.

– А ты найди человека, универсала, знающего здешние места, пока нас не завалили заказами... – бросила она сыну, и тот неспеша молча отправился прочь из дому на ежедневный осмотр работы сотрудников...

– Иван в чем дело, мы могли задать ему пару вопросов по поводу его новоиспеченной фирмы? – остановил его Семен, уже возле реки, где была причалена их лодка, и не было в округе лишних ушей.

– Семен, мы были в городе, и навели справки. Его документы чисты, как попа младенца... Даже чересчур.

– И что, мы это так оставим?

– А ты как думаешь? – молвил Иван.

Не дожидаясь ответа, он поспешил в лодку. Затем завел двигатель, и подав руку Семену, молча тронулся с места.

Всю дорогу по пути на базу, Иван как никогда был задумчив и угрюм. А Семен понимая, что у его друга сейчас происходит мозговой шторм, не тревожил его. С печалью и болью в сердце он не сводил глаз с береговой линии реки, неповторимой, единственной в своем роде, которую, возможно, им более не удастся лицезреть в своем первоизданном виде.

Лицо Ивана, а вместе с ним и общее настроение, изменилось резко не в лучшую сторону, когда, подплывая ближе к базе, он увидел пару людей вышедших из штаба встречать их. То были Надя, как всегда улыбающаяся и молодой парень, в котором еще издавна Семен без труда узнал их прошлогоднего практиканта – Сергея. Достаточно один раз было заглянуть ему в глаза, чтобы уловить некую смущенность и чувства, переплетающиеся вместе с потерянностью и глубокой печалью. Сергей не слишком умело их прятал за натянутой улыбкой и робкими движениями руки, встречая Ивана и Семена.

Как только лодка удачно причалила к берегу, из нее сошел на землю Семен и недолго думая, кинулся к парню и крепко обнял его, отчего Сергей смутился еще больше.

– А мы уж и не надеялись вновь увидеть тебя, – начал Семен, как и Сергей, боком устремив свои взгляды на Ивана, всем видом, показывающего, что он присоединится позже.

Сам он стал демонстративно привязывать лодку веревкой, одной стороной к ее носу, другой, прыгнув в воду, к колу, что торчал возле воды.

– Как твоя рука? – похлопал по руке, выше локтя осторожно Семен, препровождая Сергея пойти вперед.

– Да вроде нормально, – отвечал парень тихо.

– Как-то ты очень исхудал, сел на диету что ли? – шутил Семен, уводя Сергея все дальше от берега.

– Да, есть немного... Скажите, а это правда, что я слышал в поселке, по пути сюда? – тут же перебил его Сергей.

Их последующий разговор остался не услышанным Иваном, который закончив привязывать лодку, хотел пойти ко всем. Вдруг его взгляд привлек сложенный в несколько раз листок бумаги, меньше спичечного коробка. Причем это было сделано так тщательно, что Иван не удержался и потянулся за ним. Взяв его, как бы невзначай, он отошел в сторону...

– Видишь ли, Сережа, эти люди чужие здесь, им наплевать на природу и их обитателей! – молвила Надя. – И теперь они строят огромную базу южнее нашей у излучины реки. К ним не подкопаешься: документы в порядке, недостатка в людях не имеют, и тем более в средствах...

– Знаю, слышал, – как-то грустно вздохнул Сергей, шурша другой бумажкой в кармане ветровки.

На этом вздохе к ним поспешил присоединиться Иван.

– Никто не терял? – чуть нервничая молвил он, протягивая всем раскрытую ладонь со сложенной бумажкой.

– Ах, да, это мое... – быстро вытянулся Сергей.

Схватив бумажку из рук Ивана, он спрятал ее поглубже в карман рубахи, что ближе к сердцу.

Желая развеять неловкое положение Сергея, Иван, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Сергей, ну здравствуй! Смотрю, ты и вправду похудел в животе, а вот в плечах окреп, – потрепал Сергея лесничий за плечи.

– Пустяки, скажите лучше Иван, это правда, что я только что узнал? – задал вопрос парень, и в его тоне голоса слышалась крайняя обеспокоенность происходящим, а в глазах пробежала тень страха.

– Только представьте, он приехал раньше, чем это письмо из дому, которое ему отправили после его отъезда... – на скорости продолжила Надя. Но тут же осеклась, когда на нее испуганно взглянул Сергей, с упреком Семен и осуждающе Иван.

– Послушай меня, дружок... – начал Иван, отводя Сергея в сторону к реке, оставляя Семена и Надю в полной растерянности.

Не прошло и минуты, как Иван отдал ключи от лодки Сергею, а тот как-то иначе взглянув на него, даже не обернувшись на Семена и Надю, быстро отчалил от берега.

– Что он делает? – подбежал к Ивану Семен, когда стало ясно, что Сергей отплывает не на прогулку.

На что Иван, ничего не ответив, хотел удалиться, но Семен одернул его. Не желая спорить с ним, на глазах улыбающегося парня, он выждал полминуты, а после глухо прошипел:

– Ты что делаешь, Ваня?

– У парня проблемы дома, его родители взяли большой кредит, чтобы вылечить его. Он бросает учебу и едет сюда, чтобы отработать его! А приехав, получает письмо, что его семью настигли проблемы пострашнее... И что ты мне предлагаешь ему солгать?! – резко ответил Иван.

- Так будет лучше для него, – смягчился он и тяжело вздохнув, хотел уйти.
- Ты отправил его напрямик к ним!
- Может и так, но мы не можем ему дать то, в чем он нуждается сейчас больше всего...
- Но они воспользуются тем, что он знает и заставят сделать то, с чем мы боролись.
- Сергей, он лишь с виду простой парень. Я верю, что пусть хоть не сразу, но он разберется, где добро, а где зло...
- Но до этого...
- До этого, нам помогут.
- Кто?
- Друг!
- Друг?! – переспросил Семен, почесав затылок.
- Друг! – повторил Иван громче.
- Не-уж-то это был он?
- Да, Семен. И он по-прежнему верен общему делу...

У За что?

– Ай! Ой! А-а-а! Может, хватит уже?! – раздался голос в тиши дневного леса, из самой чащи, куда не проникал чужой взгляд, и откуда доносились тихие шаги и шарканье земли, как будто по ней что-то волочили.

– Помалкивай лучше! – огрызнулся второй голос. – А то остатки перьев повывергиваем.

– Лира! – взмолился первый голос, глухим голосом, и кому-то кто-то явно надавил на шею.

– Да, что с вами? – прохрипел первый голос, из последних сил.

– Лира, перестань, он здесь не виноват! – вмешался третий голос, и сквозь густые заросли кустов, на свет выходят двое молодых волчат, которые тащили за собой орла-беркута.

– Лира, и откуда в тебе столько безрассудства?! – проговорил уже нормальным голосом орел, поднимаясь во весь рост, после очередного валяния по земле.

– Мало того, сбежали из стаи, так еще и меня прихватили. И это еще не все, вот уже вторые сутки волочите меня по земле, как какую-нибудь дичь. Я, конечно, ваш друг, но такое обращение – это чересчур. Посмотрите на мое крыло, я даже летать не могу!

– Вот и хорошо! – угрожающе сверкнула глазами Лира.

– Ты уж прости Таох, но ты здесь не виноват, это все мой отец, – тяжело вздохнул волчонок и опустил голову, сев на землю.

– Твой отец?! Ничего не понимаю. Ведь он любит тебя!

– Если бы? – тихо ответил волчонок.

– Что значит – если?!

– А то и значит! – взяла слово Лира, бунтарка по натуре, вся в отца, но более неуправляемая.

– Разве любящий отец, при всех сказал бы, что его сын размазня?! Или заставлял бы его неделю усиленно тренироваться, а после одной маленькой ошибки при всех пристыдил сына?! А после лишил бы он его права самому решать – кем быть и с кем?! – резко прокричала на орла Лира, отчего тот опешил и при последних словах, немного прищурил глаза, понемногу доходя, «откуда дует ветер».

Как бы в знак сочувствия Лира подседа к волчонку и хотела положить свою лапку на его, но тот отстранился и печально проговорил:

– Не надо Лира, ты и сама прекрасно знаешь... Все эти занятия, эти дни и игры «в достойного отца» и «послушного сына» – все это показуха для гостей, организованная лишь для того, чтобы доказать волчице, как там ее...

– Бари! – вставила Лира, приближая свою лапку к себе.

– Что я – ее достоин! Но это вовсе не так. И об этом знали все и каждый, а в особенности отец. Для него я всегда останусь трусом... – прошептал волчонок, и отвернул голову ото всех.

По его щеке потекла горькая слеза горечи разочарования.

– Аяр, не надо... – хотела кинуться к нему Лира, но тот жестом остановил ее.

– Прости, мне надо побыть одному некоторое время... – еле волоча лапы, он направился в сторону, подальше с глаз долой.

– Аяр? – прошептала Лира, протянув вслед ему лапу,

Ей ничего не оставалось как проводить его печальным взглядом полным сожаления, сочувствия и еще чего-то. Того, что не смогло укрыться от зорких глаз Таоха.

– Лира... – завел разговор Таох, когда волчонок удалился, оставив их одних.

– Ты изменилась... Я уже упоминал об этом?

– Тебе какое дело?

– Я просто хочу сказать, что так тебе не добиться его уважения.

- На что ты намекаешь?
- Лира, ты пытаешься казаться взрослой... Так давай поговорим, как взрослые волки.
- Ну давай попробуем, – с издевкой ответила Лира, наступив на крыло орлу.
- Лира, чего ты боишься?
- Я?! С чего ты взял, что я чего-то боюсь? – резко переменялась в лице волчица.
- Не хочешь говорить? Так позволь, я предположу, что ты, так боишься потерять Аяра, что подговорила его сбежать, лишь бы остаться с ним!
- Что за вздор ты несешь? – усмехнулась нервно Лира, пряча от орла бегающие глазки. – И вовсе нет!
- Да брось ты Лира, к чему скрывать то, что всем очевидно.
- Как ты сказал – всем?!
- Он тебе нравится, это сразу заметно. Как и то, что ты для него пустое место.
- Замолчи! – огрызнулась Лира, подскочив к орлу, и готова была сама захлопнуть ему клюв, чем попало. – Не знаю, с чего ты это взял, но лучше держи язык в клюве!
- Я старше тебя, прояви уважение и выслушай! Если ты не изменишь свое отношение к окружающим, и к самой себе, тебе ничего не добиться.
- Хватит! – вскрикнула невольно Лира, не желая выслушивать уроки морали и нравственности. – Я – это я, и никому меня не изменить!
- Тогда ты обречена на одиночество.
- Ах ты! – замахнулась Лира, но на ее крик подбежал Аяр, и успел вовремя остановить ее лапу:
- Не стоит Лира! К чему все это? Таох возможно прав... Отец и вправду меня любит, но это не меняет моего статуса. Я прекрасно понимаю, что сбежав из стаи, я лишний раз доказал, что я трус! И я знаю, Таох, – повернулся он к орлу.
- Рано или поздно, но мне придется вернуться в стаю, но куда на воле, я попытаюсь отыскать способ изменить себя, – закончил он крайне задумчиво, грустно и тихо, на что орел приблизился к нему:
- Кому-кому, а тебе вовсе незачем меняться! – обратился он к волчонку.
- А переведя взгляд на Лиру, он продолжил:
- А вот другим следовало бы!
- Ну ладно, Таох, хватит с нас нотаций! – вмешалась Лира, видя, что Аяр, уже готов был послушаться орла.
- Идем Аяр, мы обязательно отыщем ответы на все вопросы, – пропуская вперед волчонка, она тихо прошипела орлу:
- Мы вытащили тебя из стаи, лишь с одной целью, чтобы ты не привел родителей, и не более – запомни!
- У меня хорошая память Лира, а у тебя – скверный характер.
- На что Лира недовольно шмыгнула носом и ничего не ответив, продолжила путь. Таоху ничего не оставалось, как последовать за волчатами, такими юными, глупыми, возмнившими себя взрослыми, не понимая, что тем самым они растрачивают драгоценный дар, данный самой природой – юность.
- На протяжении всего оставшегося дня, ни Таох, ни Лира с Аяром, не произнесли ни слова. Детей тяготил вес совершенного проступка, а Таох был слишком научен горьким опытом, чтобы вмешиваться в их дела.
- Но он все же не мог устоять, когда волчата уже довольно далеко забрели в самый дальний и темный уголок родного леса. Тот, в который никто даже днем не отваживался посещать, как в группе, так и в одиночку.
- Аяр, Лира, не советую сюда соваться! Об этих местах ходит дурная слава.

– Правда, и какая же? – поинтересовался Аяр, чуть обернувшись на орла, следовавшего неотступно за ними как тень.

– Говорят: «Многие из тех, кого изгоняли из стаи, находили здесь свой конец. Их больше ни кто и никогда не видел...»

– Вздор! Только не говори, Таох, что ты веришь в суеверия и боишься злой молвы?!

– Я боюсь не за себя, Лира, а за вас!

– Ха! За нас незачем беспокоиться, правда Аяр?

– Не знаю Лира, мне как-то жутковато здесь, – прошептал Аяр, со страху втягивая голову в плечи.

– Ну, Таох, доволен, напугал Аяра?

– Что, кто, он? Вовсе нет! – отнекивался волчонок.

– Так докажи! – подстегнула его Лира.

– И докажу! – стиснул покрепче зубы волчонок, чтобы они не стучали, и ускорил шаг.

– Видишь Таох?

– Вижу, Лира, ты делаешь только хуже! Если не ради себя, так ради него самого, останови Аяра, пока не стало еще хуже!

– И не подумаю! – бросила Лира, и с довольной усмешкой «победительницы блох», последовала за Аяром.

На время Таоху показалось, что эти молодые волчата соревнуются между собой. И эта показуха даже переросла в азартную игру: «Кто кого».

Но когда они оборачивались на него, он видел, что все это только ради того, чтобы показаться перед ним – единственным здесь взрослым, более самостоятельным, смелым и бесстрашным. Только тогда Таох понял, чего не хватало этим волчатам, отчего они даже решились на бегство. А именно – внимания со стороны своих отцов. Тогда-то ему и пришла в голову одна мысль, которая удавшись, позволила бы с легкостью управлять волчатами, и которую он не замедлил исполнить в действие.

– Лира, Аяр, все хватит! – резко остановился Таох, и твердо взглянул на обоих волчат, обернувшихся на него.

– Что подустал, старичок?

– Нет, Лира! Просто я не собираюсь следовать за вами вечно, зная, что вы все равно рано или поздно выбежите из этого леса, поджав хвосты...

– Что-о-о? – прошипела Лира.

– Оглянитесь, ночь на дворе, а вы не останавливаетесь. Значит вас подгоняет страх! Страх остановиться и переночевать здесь – в месте, где любой из волков от ужаса давно хвост бы потерял!

– Что, мы?! – попалась на удочку Лира. – Боимся? Ха! Мы докажем тебе, птичка, что мы ничего не боимся! Правда, Аяр?

– Да! – тихо неуверенно ответил волчонок, который был бы и рад поскорее убраться из этого темного леса.

– Нет, нет! Вы не сможете! И пяти минут не выдержите. Небось и уснуть здесь не осмелитесь!

– Ха! Смотри! – усмехнулась Лира и демонстративно легла прямо посередине леса. Аяр неловко последовал ее примеру.

– Хотя, что значит переночевать здесь, по сравнению с тем, что ждет вас впереди!

– А что там?! – чуть вытянулась Лира.

– Лучше и не спрашивайте, там такое, отчего у вас волосы встанут дыбом.

– Да ладно, врешь ты все?!

– Конечно, куда вам до такого! – сделал вид, что сдался Таох, и начал устраиваться.

Но Лира не смогла усидеть на месте и вскочила на все лапы:

- Показывай дорогу.
- Не думаю, что это хорошая идея. Вы еще слишком юны...
- Вставай, а иначе... – пригрозила ему Лира, на что орел, отлично играя неохоту, поднялся и как бы, не смея пойти вперед, замер на месте:
- А может, не стоит?! И лучше вернемся?!
- Нет, только вперед! – подтолкнула вперед орла Лира.
- Веди, а то хуже будет!
- Ну как хотите... Я предупреждал вас!
- Давай, давай! Не заговаривай нам зубы.

И вот таким образом, Таоху удалось к рассвету вывести волчат из глухих и опасных лесов. Отлично продолжая играть свою роль, он стал по своему усмотрению выбирать дорогу для дальнейшего пути. Чем не замедлил воспользоваться, поведя волчат окольным путем обратно в родные леса.

Днем он вел их на юго-восток, а за темное время суток, до сна, умудрялся преодолевать тот же расстояние, но в обратную сторону в быстром темпе, объясняя это большой опасностью, укравшейся поблизости.

И за те две ночи, за которые он руководил дорогой, ему удалось удержать волчат неподалеку от родных земель. Он грел в душе надежду, что на четвертый день их скитаний, их, наконец, отыщут и вернут в стаю.

Но все его мечты так и остались мечтами. Вскоре Лира и Аяр, заподозрили подвох в устах Таоха. Решив, чуть отклониться от пути орла, Лира, нечаянно наткнулась на следы, совсем свежие, еще вчерашние, в которых она без труда узнала свои.

Вне себя от ярости, от того, что ее обманули, она, ничего не скрывая двинулась прямо на Таоха. Пользуясь тем, что Аяра не было поблизости, волчица высказала ему все прямо в лицо:

– Ты думаешь, это смешно и ты самый умный?

На что Таох опешил, но догадался о чем она.

– Может быть для тебя и других взрослых это всего лишь детская шалость, выходка, заслуживающая наказания?! Но ты вовсе не понимаешь, что это была необходимость. Да, может быть, я повела себя эгоистично, и уговорила Аяра на время убежать из стаи... Но это было единственным шансом для меня, быть для него замеченной. Да ты прав – он мне не безразличен. Все-таки Аяр мой друг с детства, и теперь я вижу, что поступила подло по отношению к нему и к родителям. Но я всего лишь хотела ему помочь. Так и передай им!

– Кому?

– Не надо Таох, мой отец не раз рассказывал про ваши общие с ним похождения, и я знаю, что подобные раны, не смогут задержать тебя на земле. Лети Таох, лети и отыщи наших родителей. Приведи их, прошу, сделай это не ради меня, а ради него! – закончила Лира и так искренне пристыженно взглянула на орла, что тот не в силах что-либо ответить, гордо медленно выпрямился и оторвал крылья от земли.

Он как следует, взмахнул ими, да так сильно, что чуть оторвался от земли. Но совсем ненадолго, на доли секунды, так как тут же из кустов выскочил Аяр с криком:

– Что здесь происходит?

На что орел тут же рухнул на землю, приняв прежнюю беззащитную позу, а Лира вовсе не испугавшись, повернулась к нему и спокойно проговорила:

– Не стоит винить его Аяр, он с самого начала увязался за нами, лишь для того, чтобы контролировать нас!

– Что?! – возмутился орел такому неслыханному обвинению.

– И вот теперь он снова «кидает палки в колеса» – все это время он водит нас по кругу!

– Аяр, не слушай ее, она тебе лжет...

– Я лгу?! Разве это я притворялась раненой?! А как выдался шанс сбежать, ты тут же не расправил крылышки.

– Да, но, я...

– И разве это я... – хотела продолжить Лира, но внезапный крик Аяра вмиг ее пресек и заставил умолкнуть.

– Замолчите! – закричал он во все горло, схватившись лапами за голову, стараясь прикрыть ими уши.

– Вы оба! Вы думаете, я настолько глуп и труслив, чтобы не заметить, что мои друзья: ты Лира, и ты – Таох, обманывают меня?! Вы вините друг друга, и сами не замечаете, как заврались. Простите меня, но теперь я вижу, что мне не по пути с вами, – скорбно и очень обиженно прокричал Аяр, отворачиваясь от орла и волчицы, которые встревоженно переглядывались и впились в него молящие о прощении взгляды.

– Но Аяр, послушай меня... Я вовсе...

– Не желала зла?! Это я уже слышал. Придумай что-нибудь поновее. Не сказать, что ты во всем виновата. Скорее это я больше виновен... Раз позволил себя уговорить, а после обмануть. Так что простите друзья, но я вынужден покинуть вас! И не смейте за мной следовать.

– Но Аяр! – хотела кинуться за ним волчица, но тот быстро преградил ей дорогу собой, выпрямившись во весь рост.

– Оставь... Меня... В покое! – тихо прохрипел он с паузами и упреждающим взглядом, да таким холодным, что Лира невольно отступила назад.

При этом Аяр и бровью не повел. Затем медленно отошел от нее и орла на несколько шагов, держа их на расстоянии своим взглядом.

– Вы стоите друг друга, – бросил он напоследок и со всех лап кинулся бежать прочь от них.

– Ты чего? – выкрикнула Лира, когда спустя несколько секунд, она опомнилась и хотела побежать за другом, но ей преградил путь орел, широко раскрыв крылья:

– Оставь его, если не хочешь снова совершить ошибку.

– Ошибку, какую? Оставить его сейчас?

– Вот именно – сейчас! Он раскусил тебя и не послушает, как и меня, ведь ты сама настроила его против нас.

– Что?! Я?! – забегала глазками Лира. – Но мы же не дадим ему уйти?

– Во все не обязательно... Его реакция, вполне предсказуема – его обманули лучшие друзья, те, кому он доверял и теперь негодует. Ему надо дать время остыть и все обдумать.

– И ты думаешь, он меня простит?

– Это будет зависеть от тебя.

– Ну и сколько же нам ждать?

– Думаю, пора, – раскрыл крылья орел и оторвался от земли, последовав по следам Аяра.

Следом кинулась Лира, которая как ни старалась, не могла нагнать парящую в нескольких метрах от земли, лавируя между деревьями, птицу. Как бы сильно она не злилась на орла, именно к нему теперь были обращены ее мокрые глаза, полные надежд и раскаяния...

«Трудно передать, то, что чувствовал Аяр, мчавшийся без оглядки по лесу, без задних лап, прочь от всего и всех. Хотя нетрудно себе представить, если вы хоть раз в жизни были преданы своим другом, которому всецело доверяли, рассказывали ему все тайны, делились мечтами и всем что было дорого и любо.

А он долгое время был предан вам, слушал и внимал вашим речам и все ради чего?

Чтобы однажды днем, при всех высмеять тебя! Поставить на всеобщую потеху?!

Чтобы подняться в глазах окружающих, которые и сами были не выше уровнем с землей?!

И он, видя, как его слова, ранят тебя, продолжает свое дело, в душе радуется этому и кичится своей «смелостью и удалью». Но, неужели, он так глуп, и не понимает, что, променяв

одного хорошего друга детства на множество других, непосредственных и временных, не заслужит ни их, ни тем более, своего уважения. И даже наоборот – найдутся такие же, «смелчаки», которые однажды поднимут и его на штыки. И может быть тогда, он поймет, каково было тому, первому другу, которого он, таким образом, предал на всеобщее посмешище...»

– Но я вовсе не злой и не хочу, зла ни Лире, ни Таоху! Не хочу, чтобы кто-нибудь когда-нибудь поступил с ними также... Да, я снова сбежал, и может быть, кто-то скажет – струсил, поджал хвост. Но злой молве грош цена и она скоротечна и надеюсь, и этот поступок будет забыт. Но как я смогу сам забыть, что на минутное предательство, я ответил бесповоротным – нет! Я раскусил их, и мог великодушно простить. Но вместо этого на их мольбы о прощении ответил: «А зачем?!» Я сам наплевал на нашу дружбу, и этому поступку никогда не будет оправдания. Я никогда не смогу забыть его и стереть из памяти. На зло я ответил еще большим, и пострадал лишь сам...

Так размышлял Аяр, бредя по темному лесу, посреди ночи, неспешным шагом, уверенный в том, что его уж точно теперь не отыщут при любом желании. Ведь он смог укрыться от преследователей днем, так почему же им отыскать его ночью, когда и звезд не видно, месяц скрылся за облаками и всюду, куда хватало взгляда, царил непроглядный мрак.

Он был так погружен в эти мрачные мысли, не светлее и не теплее, чем все, что его окружало. Ему было все равно на то, что творилось вокруг него.

На время, он ушел из этого мира в свой особенный мир мыслей, воспоминаний и пережитых вопросов, главным из которых был: «За что?»

И уж так получилось, что Аяр совсем не замечал чью-то большую тень, вышедшую ночью проведать свои территории. Заметив одиноко блуждающего волчонка, ее хозяин последовал за ним, словно тень.

Поначалу, она кралась незаметно. Затем, явно желая напугать храбреца, заплутавшего сюда, да еще ночью, стала явно заметнее и слышнее. Она всячески старалась дать о себе знать, глухим рычанием, сверкающими в ночи глазами и тяжелым дыханием. Но Аяр был слишком поглощен своими бедами, чтобы замечать все эти «мелочи», которые, услышав их – точно заставили его пуститься наутек отсюда. Тем самым это могло уберечь его от более решительных мер фигуры, на которые ей пришлось вскоре пойти. Так как волчонок, споткнувшись, встав, резко поменял направление, и явно его выбор пути был не по душе фигуре.

– Что ты здесь по-за-был? – хрипло членораздельно молвила фигура, появившаяся из тени леса прямо перед Аяром, загородив ему дорогу, в паре метров от него.

– Поди прочь! – прогремел сухой взрослый голос, отдававший хрипотцой, и говоривший далеко не о молодом возрасте своего владельца, который стал медленно приближаться навстречу волчонку.

Аяр резко остановился. Услышав здесь такой угрожающий голос, он замер на месте, не в силах и слова молвить.

– Я кому сказал?! Убирайся! – уже громче и яростнее прокричала фигура, и сделала прыжок вперед, зарывчав и ошетилившись.

– Чую-ю страх, – протянула фигура, которая оказалась взрослым волком, худощавым и совсем не молодым, и даже наоборот, почти стариком.

Точно разглядеть, конечно, не представлялось возможным, но при темном окружении, волк казался Аяру не менее страшным и грозным, чем секунду назад.

– Ты боишься? – прошипел он, начиная кружить вокруг волчонка, описывая круги, все больше сжимая кольцо.

– О-о-о, и не только меня! Я чую здесь страх одиночества... Не мудрено. Молодой волчонок, один, здесь ночью, в поисках ответов. На которые и сам мог бы ответить, если бы... А впрочем, не до них сейчас... К чему бояться того, что окружает тебя, обволакивает, о чем ты думаешь каждый день, ложаешься спать и вставая рано по утрам?! То, чем ты живешь, чем

дышишь, то, отчего не скрыться и не убежать?! – волк говорил все тише, вкрадчивее, загадочнее и неминуемо приближался.

– Твой страх – мой страх, мы чем-то похожи... С одной лишь разницей, я свой страх одолел в нелегкой схватке, а вот твой, не дает тебе взглянуть на мир своими собственными глазами. Ведь, если бы ты посмотрел, то понял, что такому молодому волчонку, не пристало быть здесь и сейчас одному, погруженному в тяжелые раздумья. Слишком тяжелые, для такого юноши, как ты! О-о-о, сколько таких, юнцов я повстречал на своем веку, и у каждого одна и та же проблема: «Как быть, что делать? Жизнь обошлась со мною несправедливо! Я заслуживаю большего, а терплю меньшее! Я не хочу, не буду, я уйду, хочу больше!». Хватит, говорю я тебе! Вот тебе мой совет, возвращайся-ка ты откуда пришел, и выбрось все эти мысли из головы! Ты меня понял? – прохрипел волк, в конце разговора, оказавшись лицом к лицу с Аяром.

– Но... но... я... не могу, – тихо промямлил волчонок, разомкнув уста, и проглотив ком в горле.

– Это еще почему? – не сводя пристального взгляда с волчонка, спросил волк.

– Мне больше некуда податься, – решил солгать Аяр, вполне быстро, но небрежно.

– Ха, – усмехнулся волк прямо в лицо волчонку. – Ложь, ложь... Как много бед и несчастий порождает ложь! Не лги мне! – оскалил зубы волк, и упреждающе лязгнул зубами, отчего волчонок одернулся назад.

– Я... я... вовсе... Хотя нет... Я... я... Убежал из стаи, потому что мой отец считает меня трусом... – выдавил из себя Аяр правду, на что волк немного успокоился.

– Отец, говоришь... Трусом... Скажи, а ты разговаривал с ним на эту тему?

– Н-н-ет, – дрожащим голосом выдавил из себя Аяр.

– Так почему же ты смеешь думать иначе?

– Я... Я... Что?

– Будь ты не трусом, ты бы поговорил с ним об этом, прежде чем бежать и обрекать себя и его на риск!

– Это верно... Я – трус, – тихо согласился Аяр, и сам прекрасно это понимая, опустил голову и продолжил:

– Мало того, что они, якобы презирали меня, я, из-за своей гордыни, глупости и страха быть непонятым... – начал Аяр, и волк, хотевший удалиться, резко остановился.

– Да, я боюсь одиночества, но еще больше – находиться в окружении тех, кто знает меня, но не понимает, кто заботился обо мне, но не любит. Тех, кто хотят быть рядом, но бояться, что я боюсь этого больше, – закончил Аяр, и в конец опустил нос к земле, склонившись до нее.

Он проговорил это, так печально и искренне, что в этом не было нужды сомневаться.

– Твои страхи мне ведомы... – начал волк. – Некогда и я встречался с ними с глазу на глаз... Но, это было очень давно, и очень тяжело, – произнес последнее слово на выдохе волк.

Не проронил ни слова больше, неспешным шагом направился прочь от волчонка, решив оставить его в покое.

Через секунд десять Аяр, поднял очи, и взглянув на удаляющегося волка, вздохнул, но не с облегчением, а со страхом, остаться здесь одному.

– Постой! погоди! – бросился он за ним.

– Чего тебе? Ступай, я не трону.

– Помоги, прошу!

– Со своими страхами справляйся сам!

– Нет, хотя бы приюти до утра.

– А-а! Ну, это можно, – немного подумав, ответил волк, заставив Аяра, боязливо озирающегося по сторонам, продрожать с полминуты от страха и пробирающего до костей ветра.

– Но! Только до утра.

– Обещаю!

– И еще – никаких вопросов, этого я не люблю. Понял?!

– Да! – коротко ответил волчонок.

Прикусив язык, он молча последовал за волком, уводящим его вглубь темного холодного леса, который теперь казался Аяру чуточку светлее и теплее...

Как бы не было сильно рвение молодой волчицы Лиры отыскать Аяра, и опытного в таких делах орла-беркута Таоха, впервые не сумевшего выследить цель, оба рано или поздно стали сдавать.

– Таох! – не выдержала первой Лира, когда после целого дня безуспешных поисков, им так и не удалось отыскать волчонка.

Она, еле держась на лапах, остановилась посреди ночного леса, не в силах больше продолжать путь.

– Знаю, Лира, ты устала, но рассвет не за горами, и мы должны найти хотя бы его следы! – спустился к ней с неба на землю Таох.

– Да... но... я... больше... не могу! – тяжело дыша выдавила из себя волчица.

– Что я могу сказать? Я же говорил! Или лучше, задай вопрос, по чьей вине все это произошло?

– Что?!

– Не смотри на меня так! Ты заварила эту кашу, тебе и расхлебывать!

– Но я...

– Ой, не надо Лира... Как принимать ответственность на себя, так мы дети, малые и неразумные, так что ли?

– Да, что ты?

– Ну, конечно, ты виновата, а мне расхлебывать?! Ты думаешь, я не устал?! Да я еще держусь в небе, так как не думаю о себе. Не то, что некоторые, – чуть ли не кричал на Лиру Таох, явно нервничая, дергаясь и очень волнуясь.

– Таох, ты что думаешь, я не волнуюсь? И совершив глупость не жалею об этом? Или у меня вовсе нет ни совести, ни сердца?

– Будь у тебя и то и другое, ты бы сейчас думала больше не о себе, а о Аяре и о своих родителях! Ты только представь каково им сейчас?!

– Я представляю...

– Вовсе нет! Ведь будь это правдой, ты бы не жалела ни сил, ни себя, ради того, чтобы отыскать друга, а вместо этого ты пыхтишь и жалуешься.

– Я?! – воскликнула Лира, и через секунду замолкла.

– Да, ты, кто же еще! Твой отец, чудесный друг и волк, и он явно не достоин того, чтобы у него была такая непослушная дочь!

– Ты прав, – тихо согласилась Лира, опуская взор на землю.

– И не смей перебивать, ведь когда я прав, то...

– Ты прав, – снова повторила тихо Лира.

– Я прав?! – немного удивленно повторил Таох, явно не ожидая, что она вот так быстро согласится.

– Я и вправду поступила подло по отношению ко всем: к отцу, к Аяру, к тебе. И я сделала это не ради него, а только ради себя! Это себе я хотела доказать, что способна на куда большее, чем готовил мне отец. Не Аяр, а я, очень боялась будущего. Ситуация с Бари показала мне, что меня ждет... И я испугалась, что вот так легко без согласия, стану чей-то волчицей... Чей-то собственностью, вещью! Я испугалась, поверь Таох, и не хотела терять единственного друга, Аяра! Страх сыграл со мной злую шутку, и я пошла у него на поводу... Прости меня, если сможешь...

– Эх, дуреха, – изменилась интонация в голосе орла. – Какой же ты собственно еще ребенок, раз не смогла разобраться в ситуации?! Ты испугалась ночных кошмаров, которые хоть и страшны, но все же они кошмары, не более! Как ты могла подумать, что твой отец, самый благородный из всех волков, который я видел и встречал, поступил так с тобой? Да он прежде покинет стаю, чем отдаст тебя другому! Он души в тебе не чаёт, а ты... – тяжело вздохнул Таох.

Подойдя к ней ближе, и подняв ее мордочку своими крыльями к себе, он продолжил:

– Эхэхэх, – увидел он на ее глазках горькие слезинки. – Ребенок, что здесь скажешь! Но ничего, вот отыщем Аяра, вернемся в стаю, и все будет по-старому...

– Не хочу по-старому, – уткнувшись носиком в перышки орла, простонала Лира.

– Я хотел сказать, что все у нас будет хорошо...

– Точно?

– Точно, точно, вот увидишь. Семьи снова воссоединятся и ты...

– Я вернусь к отцу?

– Конечно Лира, не сомневайся девочка. Я нисколько не удивлюсь, если уже сейчас Шуаш и Хое, с лап сбились, разыскивая вас. И не нашли лишь потому, что наступила непроглядная ночь... – тихо молвил Таох, успокаивая прежде всего Лиру и немного себя, не желая выдать своего собственного волнения.

В знак надежды, он поднял очи к небу, где сквозь темные черные как сама ночь, тучи прорезалась одна маленькая звездочка, свет которой рассеивался по всей земле, и достигал каждого, кто верил и надеялся...

А далеко от того места, где остановились переночевать Лира и Таох, узрев рассвет в небесах, остановилась пара взрослых волков. Один из них, явно больше ждавший этого момента, сделал пару шагов вперед, после чего задрав голову к небу, сел на землю и тяжело прошептал:

– И почему они убежали? – тихо задал он вопрос небу, но ответ последовал из-за спины, от его товарища по несчастью:

– Из-за наших ошибок, Шуаш.

– Но Хое, ведь я делал все, чтобы он был обеспечен в будущем хорошей жизнью...

– Ты слишком давил на сына, а я – слишком мало уделял внимания дочери.

– Может и так Хое! Может, я зря пригласил тогда эту старуху?

– Не надо так, она ни в чем не виновата!

– Это ее предложение, на счет этой волчицы, вскормившей барсенка, это она сбила меня с панталыку!

– Разве? Вспомни, когда ты в последний раз разговаривал с Аяром не как вожак с молодым волчонком, а как отец с сыном? Вот именно, молчишь!

– Ты тоже не лучше – распустил дочурку, вот она и выросла сорванцом! Ведь это от нее Аяр прознал про мой разговор с Виштой.

– Может и так! И пусть ты даже отказал бы ей, но ты забыл, что это не твой выбор, а наших детей. И поэтому не стоит их слишком ругать.

– Что?! Ты желудей объелся что ли?

– Вспомни свое отрочество, когда ты сбежал из стаи, побоявшись взрослеть...

– Да-а-а, как не помню... Это было еще с моим другом Сиваохом до того, как он стал таким...

– А помнишь, какое наказание применил к тебе твой отец?

– Забавно, решив, что я не готов становиться взрослым, он отдал меня на неделю к нянечкам, воспитывающим грудных волчат...

– И что было дальше?

– Мне хватило двух дней, чтобы понять, что я уже не ребенок!

– Вот именно, это и нужно осознать нашим детям.

– Но зачем сбегать? И перестань говорить таким спокойным голосом, будто у тебя не пропало дитя!

– Я спокоен снаружи, но лучше тебе не знать, что творится у меня внутри!

– Не лучше, чем у меня...

– Это правда! И я очень хочу отыскать их прежде, чем с ними произойдет беда!

– Да-а-а, беда – не лучший учитель, Сиваох хорошо это усвоил.

– Не стоит сейчас о нем, ведь он предпочел повзрослеть в плохую сторону.

– Поначалу и я был с ним.

– Но затем все изменилось... И посмотри, что стало со стаей?! Пусть сейчас она на попечении Вишты и Вихши, но она процветает. А у нас такие замечательные дети, и заботливые волчицы...

– Да уж, замечательные... Сбежали из стаи.

– Ни сколько из стаи и от своих матерей – сколько от нас и самих себя! Решив скрыться на время от всех, они решили отыскать ответы на тревожащие их с определенного времени вопросы.

– Неужели Хое, мы не могли их дать им?

– Одно дело мы, Шуаш, но манящее желание узнать все самим, познать неизведанное, испытать себя, с головой окунуться в новое приключение – вот что ими сейчас движет.

– О-о-о. Как бы мне не хотелось, чтобы оно стало последним в их жизни, – горько заметил Шуаш, и к нему подсел Хое, до того, стоявший за спиной.

– И я тоже, друг мой, я тоже...

VI Длинная ночь

Все та же ночь, все тот же лес. Задремавшие Лира и Таох, прижавшись друг к другу, ожидали рассвет, который подарил бы им новую надежду, но как на зло, ночь была длинной и холодной. А с определенного времени еще и очень шумной.

Вначале шум напоминал шорохи, затем шелест листвы. Но когда стало ясно, что это шаги, Таох, вдруг резко очнулся и прикрыл собой Лиру, которая проснувшись, мало, что поняла, и вся обратилась вслух. Оба они, скрывшись за большой тенью деревьев, затихли, как будто их и вовсе здесь не было.

Шаги становились все отчетливее и ближе. Через пару минут из чащи темного леса, показалась чья-то фигура. Казалось, она кралась, то двигаясь перебежками, то замирала на месте, кидалась за кем-то. И на протяжении всего того времени, что фигура не выходила из лесу, она не замечала орла и волчицы, которые боялись даже вздохнуть, не зная чего ожидать от столь позднего охотника. Но когда очередной выпад фигуры не принес видимых результатов, и та, повесив голову, стала выходить из чащи, и попала под сияние луны, то перед Лирой и Таохом, показался взрослый серый волк.

– Волк-одиночка! – прошептал Таох, когда понял, что он заметил их, и направляется в их сторону.

– Так, так, так... И кто это тут у нас? – хрипло, довольно угрожающе прорычал волк.

– Стой, где стоишь! – вскрикнул Таох, преградив собой дорогу, широко раскрыв крылья и оголил когти на них, упреждающе сверкнув глазами.

Волк удивленно остановился, чуть наклонил голову в одну сторону, потом в другую, а затем воскликнул:

– Ну надо же... Дичь, зазывает волка! Это что-то новенькое.

– Это мой друг, ясно! – сравнялась с орлом Лира, выскочив из-за спины орла.

– Очередное дитя?! – тихо обмолвился он, а затем громко продолжил:

– Ну, раз так, не буду мешать, – закончил он и стал быстро удаляться на радость орлу.

Но Лира, оказалась куда более сообразительной, и не прошло десяти секунд, как она выскочила вперед, с криком:

– Стойте, что значит очередной?! Вы уже встречали волчонка?

– Ничего не знаю! Уходите, пока я добрый, – бросил через спину волк, и хотел продолжить путь, но Лира не отставала.

– Почему?! – смело она преградила волку путь. – Вы не хотите говорить об этом?

– Потому что ничего не знаю.

– А мне сдается, вы все прекрасно знаете!

– Лира! – одернул ее орел, подскочивший к ней.

– А вдруг он его видел? – шепнула орлу волчица, и продолжила расспросы.

– Что вы с ним сделали? Где он, говорите! – налетела на волка Лира, решив сразу пойти в атаку, но волк оказался хоть и стар, но стойким и даже бровью не повел.

– Вы ошибаетесь, – прохрипел он, и в его голосе, зазвучали нотки угрозы.

– Но... но... – начала Лира, но на ум ничего дельного не приходило.

Таох поспешил утянуть ее с дороги волка, который продолжил путь.

– Аяр, он мой лучший друг! Мы не можем его бросить, – прошептала она орлу, провая печальным взглядом единственную надежду, так же быстро исчезающую, как и появившуюся.

– Не волнуйся Лира, как только нас найдут Шуаш и твой отец, мы вместе отыщем его! – ответил в сердцах Таох, и оба даже не обратили внимание, как волк резко остановился. Его вдруг всего передернуло, и он чуть обернулся на них.

– Другие?! – протянул он грубым тоном. – Я волк-одиночка, и не потерплю здесь гостей: ни вас, ни других волков!

– Значит, тебе придется изменить свои принципы, – бросил Таох.

Волк замер в пол обороте.

– Слышал, Одиночка?! Мы не уйдем без нашего друга!

– А не слишком ли смелые слова? – начал волк, быстро развернувшись, и приблизившись к Таоху и Лире. – Для птенца и девчонки!

– Во-первых – я орел!

– А, во-вторых, пусть я и девчонка, но мои зубы, так же остры, как у всех членов нашей стаи, – ответила смело Лира, чем заставила волка остановиться шагов в десяти от них.

Воцарилась тишина, длившаяся, казалось, вечность, и которую нарушил первым волк:

– Ваш друг, я знаю, где он, – лишь ответил он, и, развернувшись, побрел в лес.

Лира хотела пойти за ним, но Таох остановил ее:

– Ты что, поверишь ему? У него на лбу написано – опасен!

– Пусть так, но может быть...

– Нет, Лира, не стоит доверять первому встречному!

– Твой ручной орел прав, не доверяй мне! – бросил волк. – Но все же, если хотите увидеть волчонка до рассвета... – осекся на доли секунды волк, а затем продолжил. – Скажу лишь, что у этого мальчика заскок по поводу своего отца! – бросил он напоследок, и исчез в лесу.

– Это он, Аяр, это точно он! – зашипела на Таоха Лира, и тот отвечал ей так же тихо:

– А вдруг он врет и это ловушка?

– Ловушка – это то место, где мы сейчас! А это – возможно выход, – не собираясь больше тратить время на разговоры, она кинулась за волком.

Таоху ничего не оставалось, как последовать за ней, чтобы уберечь Лиру в случае чего.

Но, несмотря на все страхи и опасения, терзающие Лиру и в большей степени Таоха, на всем протяжении следования, за хранившим молчание волком, он через полчаса привел туда, куда и обещал.

– Аяр! Аяр! – кинулась со всех лап Лира, увидев, одиноко сидевшего волчонка, ожидавшего возвращения своего недавнего помощника.

Но не успел тот появиться на горизонте лунного света, как его опередила она, та, которую он явно не ожидал увидеть здесь и сейчас. Ничего не понимая, Аяр еле дыша от столь сильных и крепких объятий Лире, устремил вопросительный взор на волка.

– Не смотри на меня так, – ответил он волчонку на его взгляды. – Сама увязалась! – бросил он и прошел мимо.

– Сама?! – только и успел переспросить Аяр, как к нему и Лире, подлетел Таох.

– Таох?

– Аяр, как я рад видеть тебя в добром здравии, – недоверчиво бросил взгляд орел на волка, который поймал его, вовсе не обиделся, а даже ответил колкостью в ответ:

– Я ушел за едой. Если хочешь – он станет ею, – бросил волк, возвращаясь к волчатам, жадно поглядывая на птицу.

– Пожалуй, не стоит! – пристально взглянул Аяр на Таоха, вовсе не являясь злопамятным, и смог быстро простить все Лире.

– Слишком он тощий! – подытожил Аяр, для разрядки обстановки.

Волк, еле заметно улыбнувшись ему уголком рта, хотел отойти, но Лира остановила его:

– Спасибо вам, кем бы вы ни были!

– Не за что!

– А скажите, кто вы? И как ваше имя? – вмешался Таох, по-прежнему не доверяя волку.

– Одиночка, не более, – ответил поспешно тот и хотел удалиться, но повернувшись к волчатам боком, попал под прямые лунные лучи света, и Таох тут же подскочил к нему, загородив собой волчат.

– Твое лицо, где-то я его видел... Эти черты, этот прищуренный глаз, эти скулы, – начал размышлять вслух орел, немного пугая волчат.

– Я не прошу доверять мне. Вы сами пришли, и если не желаете рассердить меня, ложитесь и спите. Рассвет скоро, а значит и час нашего расставания не за горами, – сказал, как отрезал волк, явно немного разозлившись на орла, за его расспросы и подозрения.

Не желая больше продолжать разговор, он удалился и лег в сторонке.

– Буду считать минуты, – еле слышно прошипел Таох.

– Я тоже, – буркнул ему в ответ волк, услышав его слова.

– Таох! – одернул его Аяр.

– Что Таох?! Я ему не доверяю. Он одиночка, он страшный, и кто знает, что у него на уме, – с опаской поглядывал орел на волка, уже сомкнувшего очи.

– Если бы хотел, он давно причинил мне вред, – заступился за него Аяр.

– Аяр прав, Таох. Он привел нас к нему, он помог, – подытожила Лира, и Таох, видя, что спорить бесполезно, решил закончить эту тему:

– В одном он прав, вы должны отдохнуть, рассвет близок.

– А как же ты?

– Я пободрствую немного, – ответил орел и проследил за волчатами, которые так вымотались за весь день, что и не успели сомкнуть глаз, как уже мирно сопели.

Таох, как лицо ответственное за них, и как старший, решил не смыкать глаз, и сторожить.

Но что стоит желание с необходимостью организма во сне и отдыхе? Не успел Таох осознать, как веки его опустились и он впал в глубокий сон. И лишь ранее пение певчих лесных птичек заставило его проснуться.

Резко дернувшись, он с испугом огляделся. Аяр и Лира мирно спали. В округе царило спокойствие и благодать.

– Никого рядом... А где же волк, куда он делся? – были первые вопросы, ударившие ему в голову.

Молниеносно и тихо, словно кошка, он бросился к тому месту, где до этого располагался волк.

Но ничего, кроме следов, он не увидел. Но их было достаточно, чтобы понять – он ушел. Но куда, зачем и самое главное за кем? Эти вопросы налетели на орла, как туча разъяренных пчел, не давая покоя.

Еще раз взглянув на мирно спящих волчат, он не решившись разбудить их, последовал по следам.

В предрассветной мгле, сквозь еще ночную пелену леса, Таох, пригнувшись, шел по следам волка, тихо, осторожно и с опаской, с бешено бьющимся сердцем и полным незнанием, что ждет его впереди.

Вскоре до его слуха стал отчетливо доноситься голос волка. Он что-то кому-то говорил грозно, твердо и отчетливо, явно не боясь, что его услышат. Но кто был его собеседником, чей голос был тише, спокойнее и еле слышным – это и решил разузнать Таох, прокравшись ближе.

– Выйди, выйди ко мне! И говори, не прячься, – раз за разом повторял волк, а в ответ лишь было тихое сопение.

– Покажись, если не трус!

– Трус, я? – послышался тихий голос, по мере приближения орла к источникам голосов, и он стал красться еще осторожнее.

– Ты, ты?! – замер в оцепенении волк, после того, как его собеседник решил показаться ему.

Но Таох, укрывшийся за деревом, никак не мог увидеть хозяина второго голоса. Приблизиться ближе не было возможности, и он засел здесь, решив хоть подслушать, о чем будет идти речь.

– Но это не возможно, ты...

– Я умер?! Весть о моей смерти была ложной, и долгое время служила мне щитом от тебя, и тебе подобных...

– Но как?! Раз ты жив? Почему, почему не пришел, не помог, когда я так нуждался в тебе?!

– Ты нуждался во мне, лишь, когда был ребенком, так что не стоит обманывать себя!

– Но, ты... Я искал тебя долгое время!

– Я знаю.

– Ты, ты, просто не достоин называться другом!

– Другом?! Это слово и все, что оно значило, умерло в тот день, когда погиб Гишти!

– В этом не было моей вины!

– Конечно, как и в последующих смертях!

– То вина человека!

– Человека, говоришь?! И ты еще смеешь винить его? Ты – предавший друга, изгнавший его мать, и всех кто был верен ей, не успело остыть тело нашего друга! Ты, съедаемый ненавистью и злостью, обрушивший ее на людей, и не сумевший ничего добиться, переключился на меня?

– Я искал тебя, но вовсе не из-за этого, мне и вправду нужна была помощь!

– Помощь?! О помощи просят, а не преследуют, нагоняют, убивают, чтобы навязать ее!

– Убивают?! Но ты жив, а значит...

– А значит, что ты по-прежнему виноват! Ты думаешь, я просто так симитировал свою смерть на глазах твоих волков? Нет, за день до этого, они вторглись в мой дом, перепугали мою... – осекся голос, чуть не выдав ту, что защищал.

– Но самое главное, когда я хотел удалиться, так как они вели себя, не лучше твоего, они... Они... – тяжело хрипел хозяин второго голоса.

– Ты хоть знаешь, что произошло тогда?!

– Да, они упоминали о каком-то коте, который ринулся тебя защищать, и...

– О каком-то коте?! – зарычал собеседник волка.

– Вижу, ты вовсе не изменился! Это был Ярси, тот самый рысенок, мой первый и верный, добрый друг! После стольких лет разлуки он вернулся, чтобы повидать меня... У него была семья, уже трижды был отцом, его ждала любимая, но ей так и не суждено было дожидаться его... Он кинулся на мою защиту, когда твои волки стали силой волочить меня и мою воспитанницу по твоему приказу к тебе! Этот, «какой-то кот», пожертвовал собой, чтобы мы могли убежать... Его раны, были слишком глубоки, а силы истощены в схватке с матерыми волками, чтобы выкарабкаться... Этой же ночью он издал свой последний вздох, – крайне тяжело давались воспоминания тех ужасных дней собеседнику волка.

– И ты скажешь, что не знал, ни кем он был, ни что с ним случилось?! И как ты после всего этого смеешь называть меня другом? – не говорил, а кричал второй голос, порой переходя на шепот и скрежет.

– Я... я...

– Полно тебе, Одиночка, или как ты себя нынче называешь? Я пришел сюда не ради того, чтобы выслушивать твои запоздалые извинения!

– А для чего?

– Я слышал, твой собственный сын, поступил с тобой также, и занял место вожака стаи. Как видишь – зло вернулось к тебе...

– Так ты пришел позлорадствовать?

– Все нет! Я чувствую, что дни мои скоро закончатся и решил в последний раз встретиться лицом к лицу со своим ночным кошмаром! – произнес он, и волк, явно сгорая от пристального взгляда своего собеседника, попятился назад.

– Ты прав старик...

– Я не более стар, чем ты!

– И опять прав! В прошлом я совершал ужасные вещи: убивал, изгонял, предавал своих же сородичей и друзей... Так продолжалось очень долго, пока у меня не появился сын. С самого детства он всегда старался походить на меня, во всем. Тогда я и стал замечать черты, которые сам бы не заметил в себе. Мой сын рос не только как волк, но и как кровавый убийца. Это проявлялось в его манере играть – он до крови грыз пятки сородичей, а также в охоте – нагнав добычу, он подолгу мучал ее, прежде чем съесть. Бремя власти давило на меня, но на него еще сильнее. Тогда-то я и вспомнил о том славном учителе, который некогда учил нас волков – верности, любви, дружбе...

– Как видно, плохо, раз ты все забыл?!

– Я помнил, помнил, но глубоко внутри! И вот тогда я пошел со всей стаей на твои поиски. Через пару месяцев мои разведчики вышли на тебя. И я, о горе, мне, послал девять волков за тобой...

– Но их было десять!

– Десятым еще совсем мальчишкой был мой сын! – печально, даже прискорбно молвил волк. – Тогда я думал, что отправляя его вместе с ними, одного, я сделаю его в своих и моих глазах старше. Но, свет луны, что же я наделал? Через пару дней они вернулись, сказав, что ты умер. Но больше всего меня ужаснули рассказы моего собственного сына, как он, после всех, последним впился в шею рыси, и именно его укус был смертельным для него. Это было боевое крещение, через которое проходят все волки, но не в столь раннем возрасте. И не с такой жестокостью. Вне себя от гнева, злости, переполнивших меня, скажу по правде по поводу утраты тебя, мой старый друг, я так отходил своего сына на глазах всей стаи, что он на всю жизнь запомнил это! И когда, уже повзрослев, я приболел, он объявил меня слабым, бросил мне вызов. Я не мог победить его, ведь он был мой сын. Закон стаи гласил —проигравшему в бою ждет смерть. На что я не мог пойти... Не смог и он... Мой собственный сын попросту изгнал меня...

– Ты сам заслужил это! Ведь не он, а ты послал его и остальных за мной.

– Да, как ты не поймешь, я и не виню его! Все эти годы в изгнании, я корю за то решение только себя! не из сына я хотел вышибить всю дурь тогда, а из себя! Ведь тогда я лишился не только тебя, сына, но и самого себя, и до сих пор я брожу здесь в поисках... – осекся волк, роняя на землю старческую слезу, пусть одну, но самую при самую настоящую слезу раскаяния, боли и отчаяния.

– Не ты один в тот день потерял все... Я потерял друга детства, частичку самого себя и веру в дружбу...

– Прости, прости, я не заслуживаю жизни! Но все же вот он – я, доживаю свои деньки здесь в одиночестве и ничего не могу сделать, чтобы изменить прошлое...

– Мой кошмар... Я ожидал увидеть нечто другое... Но и на том спасибо, – попрощался голос, и Таох увидел сквозь деревья, как там мелькнул чей-то пушистый серый хвост.

– Постой, прошу, не покидай меня сейчас! – кинулся ему наперерез волк, и теперь оба скрылись из поля видимости орла.

Ему лишь оставалось довольствоваться отголосками, обрывками их дальнейшего разговора:

– Зуб за зуб, око за око, – говорил голос.

– Хочешь?! Убей! Если ты не сделаешь этого – я сам!

– К чему?! Лучше оставь все как есть...

- Но это невыносимо, каждый день...
- Я – не ты! И не знаю так помочь...
- Но все же, прошу, не оставляй меня, не отказывайся, как это сделал много лет назад!
- Тогда ты приказывал, и это привело к смерти! Теперь все иначе, ты просишь, умоляешь, но я приказываю!
- Все, что угодно!
- Ступай откуда вылез, и не показывайся более, никогда! Здесь уже ничего не исправить...
- Ничего не исправить, ничего не исправить, – как помешанный повторял себе под нос волк, несущийся со всех лап по ночному лесу, к себе в логово, забыв, что оно не пусто нынче. И об этом ему ясно и твердо напомнил Таох, приземлившись с небес прямо перед ним:
- Повторяй это еще и еще, Ваох!
- Я... я... – резко остановился волк, испугавшись своего имени.
- Я сразу понял, что ты мне знаком, и я не ошибся. Твои черты, унаследовал твой сын Сиваох! С которым я имел несчастье быть знакомым.
- Чего ты хочешь?
- Хочу, чтобы ты убрался отсюда, и чем быстрее, тем лучше!
- Но как же волчата, я обещал Аяру, помочь?!
- Обещал прежде, чем узнал, и замыслил месть тому, кому приходится Аяр сыном?!
- Послушай, я не желаю зла...
- Вот и не желай его в другом месте, а иначе я приведу всю стаю, и тогда посмотрим, как ты запоешь!
- Ты не сделаешь этого!
- Почему нет? Ты убийца и тиран, к чему мне тебя жалеть, когда ты хочешь только одного – убить!
- Нет! – кинулся волк к орлу, но тот, сильно ударил волка когтем по лицу, отчего расцарапал его до крови, прежде успев взлететь в небо.
- Я – другой, другой! – взвыл волк, но Таох был так сильно напуган услышанным разговором, а затем и действием волка, что улетел не оборачиваясь, и в совершенно противоположную сторону, нежели та, где он оставил волчат...
- Я другой, другой, слышишь?! Я докажу им, я докажу себе, что я могу быть другим, – говорил себе под нос волк, издали, наблюдавший за двумя волчатами, спавшими по-прежнему без задних лап, несмотря на утреннюю зорьку.
- И пусть они убьют меня! Мне не жалко моей жалкой жизни, но их я уберегу, – продолжил он, приближаясь к волчатам с горящими глазами, весь дрожа и слизывая языком кровь с лица...

VII «Там – мой Дом!»

«Терпение... Что мы можем сказать о нем тому, кто долгое время только этим и занимался, причем сам не понимая, что это за штука.

Всюду, куда не брось взгляд, ему говорили: «Терпи, так нужно, еще немного и жизнь наладится!»

Но проходит время, а воз и ныне там! Ты садишься в уголочке, вдали от злых глаз, и понимаешь, что твое терпение послужило лишь им, а не тем, ради кого ты на все это пошел. Твои родные, семья – вот ради кого ты шел на все это. Но именно этим и пользовались «злые языки». Зная, в каком ты положении, они охотно издевались, одергивали, бранили тебя, а ты все терпел. Терпел молча, послушно, как раб, возле господ, которые позволяли тебя бичевать.

Но все ради чего?! Ради семьи – ответишь ты! И ты прав, ради тех, кого любишь, можно и потерпеть. Но все должно быть в меру. Ведь почувствовав безнаказанность, твои господа вскоре в конец облагодетельствуют, если уже не облагодетельствовали. Они позволяют себе многое.

Но почему одним позволено издеваться над другими безнаказанно, а другим суждено терпеть, и преклонять перед ними голову?! Неужели те, кто умеют больше и лучше, должны слушаться тех, кто имеет больше? Этот вопрос преследует всех нас еще с незапамятных времен, и ясного ответа на него до сих пор пока нет...

Конечно, сейчас скажут: «У тебя есть выбор! Не нравится – уйди!».

Но куда? Поменять одного злыдня и жадину на другого? Есть ли смысл? Конечно, в мире полно негодяев, жадных и сварливых, жестоких и сухих, алчных и мелочных людишек, но есть, я верю в это, и такие люди, которым можно довериться. Те, кто не заставит тебя терпеть, и заслужит твое доверие словом и делом, тот, кто поддержит и поможет.

Может это сказка? Думаю, что нет! Просто мы так долго и сильно привыкали терпеть, что другая жизнь кажется нам нечто на подобии фантастики, со счастливым концом. Мы так погрязли в будничной рутине, что и не видим окружающих, тех, кому наша помощь может пригодиться, и кто сможет помочь тебе. Замкнутость мировоззрения, внутреннего мирка, сознания и поведения, делает нас рабами терпения. Наша жизнь нас не устраивает – терпи, наша работа тяготит – терпи, тебе ничего не мило – терпи.

Терпи, терпи и снова терпи! И до какой поры мне терпеть – до гроба?! Тогда, это не жизнь, а одна мука, которую надо перетерпеть... А что дальше, а дальше – ничего! Кончилась жизнь – кончилось терпение.

Не знаю как вы, но я не согласен так жить! Это и не жизнь вовсе, а существование! Но так нельзя, такой образ жизни ни к чему не приведет: вы никого не устроите, ни с кем не сойдетесь, всю жизнь проведете в одиночестве, и все ради терпения! Терпение уместно, когда больно, но как только боль проходит, надо брать жизнь в свои руки, перестать быть рабом привычек и глупо повиноваться.

Зачастую мы сами говорим себе – терпи, когда попадаем не в лучшую ситуацию. Но вместо того, чтобы что-то сделать и выбраться из нее, мы начинаем привыкать к ней, называя ее терпением. Мы начинаем привыкать терпеть, и вносим терпение в ряд своих привычек. Может быть, у нас мало тех, кто недоволен жизнью, но по-прежнему упорно терпящих ущербность.

На эту тему можно еще долго и упорно рассуждать, но решать Вам...»

Так решил для себя наш юный барс Шусик, вина себя во всем, когда до него вдруг дошла одна мысль:

– А да ну их всех!

Самый простой способ избавиться от проблем – махнуть на них лапой. Простой, но не лучший.

Решив отмахнуться от своих проблем и тяжелых дум, Шусик не понял одного, что нельзя повернуться самому к себе спиной и просто уйти. Вконец он и вовсе потерял ту нить, связывающую его с прошлым, забыл про наставления. Ощущая внутри себя непомерную пустоту, он просто брел неспешным шагом вперед, не понимая, что у его пути не будет конца.

Его трудно винить за такое отношение к себе и другим, ведь всем нам порой хочется скрыться от своих бед, и от самого себя, где-нибудь, где нас никто не найдет. Кому-то для отдыха нужна шумная компания, а кому-то, просто побыть одному.

Шусик предпочел не только отстраниться от невзгод и всех, с кем они были связаны, но и от тех, кто вызывал у него теплые чувства. Решив для себя, что у него почему-то нет ни одного шанса, он предпочел выкинуть из памяти ту самую, которую повстречал недавно, и с которой он больше не надеялся встретиться. Увидеть ее вновь, это было бы слишком неправдоподобно и чуждо его мыслям. Он даже не подозревал, как его собственный разум, играл с ним в злую шутку.

Услыхав от тех, кому он доверял, что он безнадежен, он почему-то винил в этом себя. Он раз и навсегда согласился с их словами вместо того, чтобы бороться, измениться самому и исправить все в округе. Шусик попросту сдался, упустил лапы, и как часто все мы совершаем эту ошибку – начинаем попросту терпеть все то, что по-нашему мнению преподносит нам судьба.

Но та боль, которую пытался прогнать Шусик, отступила лишь на время. А когда вернулась, стала в десять раз сильнее. Непонятная, навязчивая злость, без всякой на то видимой причины стала спутницей барсенка. Он злился на все и вся в округе – на ветку, что хлестала его, на дерево, внезапно выросшее на его пути, на пение птиц, на ветер, на воздух, на себя! В большей степени конечно на себя.

Ему казалось, что он сейчас занят совсем не тем делом. Что его путь совершенно бесполезен, и никому не нужен. Что он может больше, но не здесь, и не сейчас. Ему хотелось попасть в такое место, где бы его оценили, а усилия принесли бы реальную пользу, а не видимость занятости.

Его крайняя раздражительность сделала его менее внимательным, бережливым и чутким, что, в конце концов, могло привести его до беды. Только он бы и не понял разницы, попав в беду, так как был уже давно в ней, но внутри себя. Можно сказать, он сам, без чьей-либо помощи запер себя в «темной компании» и предпочитал Ее – чистому и вольному простору, свежему воздуху и жизни. Ему ничего не оставалось, как ежеминутно тяжело вздыхать, смотря вперед пустым взглядом, и идти, не сворачивая по дороге в никуда.

Но порой, когда мы думаем, что никому не нужны, что все нас бросили и мир повернулся к нам спиной, мы забываем оглядеться вокруг. Ведь тогда наверняка найдется тот, кому ты не безразличен, кто поймет тебя, поддержит и заставит взглянуть на мир по-новому, доселе неведомому и ждущему открытий. Всегда найдется тот, кто поймет тебя, всегда...

– Стой, остановись, сверни... – доносился вдалеке чей-то глухой голос, похожий на голос разума, в голове барсенка, и которому он не придавал особого значения.

– Раз я уже слышу, голоса, значит, я не одинок и разум не покинул меня, – так рассуждал он про себя, по-прежнему ступая вперед тихой размеренной походкой.

Даже услышав голос, не Зло советующий, Шусик, не был в силах выслушать, поверить в него, остановиться, оглянуться и понять, куда привело его отчаяние и печаль – две спутницы, неразлучно следовавшие за ним.

Но то, до чего нельзя достучаться силой разума и слов, можно пробиться через силу. Именно так и произошло с Шусиком, когда спустя пару минут затишья, он получил сильный толчок со спины, поваливший его на землю. Прежде чем он успел что-либо понять, и начать орать на того, кто это сделал, на него как из ведра, полился пронзительный крик чуть ли не прямо в уши:

– Ты что совсем оглох? Я тебе кричу, кричу?

– Ты?! – поднимаясь на лапы, впил ошарашенный взгляд Шусик в крикунью, оказавшейся той самой барсихой, с которой он совсем недавно расстался.

– Ты, что, думал спас мне жизнь и это останется незамеченным? Но я не ожидала, что нагнав тебя, я тоже отплачу тебе тем же. Смотри! – не умолкала она, не давая Шусику и рта раскрыть.

Не теряя ценного времени, она подскочила к ближайшему к нему кусту. Одернув листву, барсиха представила ему наглядное доказательство своих слов.

– Петля?! – тихо сорвалось с уст барсенка, невольно попятившегося назад.

– Я бы и этого не советовала! Пока ты летал в облаках, ты и не заметил, как вступил в охотничьи угодья. Здесь за каждым кустом капкан, петля, а впереди тебя ждала яма! – и снова барсиха сопровождала свои слова фактами, от которых барсенок и вовсе растерялся и потерял дар речи.

– Ты шел по тропе к водопою, безопасного, но не здесь и сейчас. Если ты думаешь, что сбежав со стоянки людей, ты будешь в безопасности, ты крупно ошибаешься. Ты лишил их желанной добычи, и теперь они этого так не оставят. Уж ты мне поверь! – попыталась она заглянуть Шусику в глаза, но те были пусты, без огонька, затуманенные думами, печально смотревшими на все и всех, и не находившие ни в ком отдушинки.

– Не знаю, как ты, а мне здесь не по себе. Идем, я знаю место, где можно переждать, отдохнуть и зализать раны, – попыталась она подойти ближе и указать на раны и порезы на его теле, но Шусик шархнул от ее лапы, как от огня, и та неловко положила ее перед собой.

– Послушай, если мы останемся здесь, еще хоть на час, люди отыщут нас по следам. А мертвым страх неведом, – закончила она, приглашая взглядом его пойти за ней.

Пусть Шусик и находился еще в состоянии аффекта, но все же внял ее мудрым словам. Чувствуя, как его тянет к ней, он последовал за ней.

– Не знаю, каковы их планы, – рассказывала барсиха, свернув с тропы увлекая Шусика все глубже в лес.

– Я в здешних краях недавно, но все же заметила и увидела, как редуют животные в округе. Вначале мелкая дичь, затем зайцы и лисицы, а недавно люди принялись охотиться на всех подряд. До того, как я попала им, они несколько дней шли по моим следам, пока не догнали... – осеклась она и, видя, что барсенок по-прежнему молчалив и безучастен, перевела тему.

– Прости, я не представилась, не тогда, не нынче... Меня зовут Маля. Имя, данное родителями, звучало иначе, я сама чутка изменила. А как тебя назвали родители? – спросила она пытливо, на что Шусик, недовольно буркнул:

– Наверное, Шус-ик!

– Наверное? Ты, что не знал их?

На что барсенок поднял взгляд, и посмотрел ей прямо в глаза. После чего твердо и холодно ответил:

– Нет!

На что Маля немного осеклась, понимая, что задела за живое.

– Может это и лучшему... Мои – только и поучали меня всю жизнь, – начала она, но барсенок оборвал ее на полуслове.

– Все нет! – еще тверже и суровее произнес он, уже не смотря на нее.

Маля понимая, что пропасть между ними увеличивается с каждой секундой, продолжила:

– Прости, прости, я не хотела! Конечно, ты и я – разные судьбы. Но я уверена, ты также любил своих родителей, как и я...

– Ты права – я не ты! – снова перебил ее Шусик, начиная терять терпение.

– Прости, – печально протянула она. – Но тебе вряд ли приходилось покидать отчий дом и бежать без оглядки многие и многие дни, лишь потому, что в наших краях поселился человек. А вместе с их приходом, пришли и беды! Как и здесь, все началось с беззаботной вырубки леса. Затем с обнищанием добычи. А после и вовсе с ее исчезновением. А когда они поднялись в горы, нам с матерью стало ясно, что рано или поздно человек доберется и до нас! Это был лишь вопрос времени... Не в силах терпеть, мы решили бежать... То было ночью и луна была не на нашей стороне... Когда мы спустились в предгорье, мы угодили прямо им в руки... Лишь ценой вечной любви и жертвы, мне удалось спастись... – сделала паузу Маля, остановившись, не в силах говорить и вспоминать спокойно события того рокового дня.

Опустив голову, она продолжила:

– Прошло еще немало дней, прежде чем мне удалось оторваться от преследования... Без оглядки я кинулась прочь от них и тех мест, где все это случилось. И вот я здесь... И знаешь что?! Я никогда не оставляю надежды на возвращение в родные края. Почему спросишь ты? – подняла она глаза на Шусика, которые были влажными от слез.

– Потому что там – мой дом! – философски закончила она.

Поймав понимающий взгляд собеседника, барсиха поспешила вперед.

– Идем, то место уже совсем неподалеку! – опередила она его, пряча свое лицо, так как от воспоминаний ее глаза, заструились слезами, которые лишь пробежка могла осушить...

– Где это мы?! – нарушил свое молчание Шусик, когда спустя полчаса, Маля привела его на возвышенность, совершенно голую, лишенную растительности.

– Это место... – начала Маля, оглядываясь по сторонам. – Я наткнулась на него совершенно случайно. Только отсюда я поняла, что за мной больше не гонятся.

Посмотрела вдаль Маля, на юг до самого горизонта. Шусик и вправду заметил то, что отсюда открывался вид на всю долину, во все четыре стороны.

– Зачем?! – печально спросил он.

– Зачем я тебе все это рассказала? – взглянула на него молодая барсиха, а затем вновь устремила свой взор на горизонт.

– Потому что я увидела в твоих глазах, похожую беду, постигшую некогда меня... Ведь ты тоже потерял родителей?

– Я их... и... Ни разу не встречал, – отвечал Шусик, не слишком многословно, но и этого хватило Мали, чтобы понять, что у него на сердце.

– Я помню то состояние, в первые дни, после потери... Это отчаяние, пронизывающее насквозь, полная безнадежность, пустота, как будто из меня высосали жизнь, и осталась лишь оболочка...

– А еще злость, не знаю на них или на себя, но злость и гнев...

– На то, как мало вы успели вместе... А могли многое совершить, не случившись того, что произошло! – закончила мысль барсенка Маля и оба умокли, не зная, что еще можно добавить.

– Хотела сказать тебе... – начала Маля и хотела дотронуться своей лапкой до барсенка, но Шусик вновь одернулся от нее.

– Ни к чему лишние слова, – недовольно буркнул Шусик, тут же отвернувшись от нее.

– Но так нельзя, ты сам понимаешь... Ты и я, мы похожи, и над нами повисла одна беда!

– Люди уже позади, а что до остального – я путешествую один.

– Ты гонишь меня?

– Нет!

– Нет, нет! Ты гонишь! Как будто я не замечаю! Сначала ты спасаешь меня, затем уходишь, и сейчас – тоже самое!

– Нет!

– Не нет, а да! Послушай малыш...

– Не называй меня так.

– А, как?! Имени я твоего не знаю.

– Шусик.

– Хорошо, Шусик, хоть с этим ты определился. Так вот, думаешь, ты один прошел через такое?! Только тебе одному плохо и одиноко?! И только ты один боишься заводить друзей, и в следующую секунду потерять, как некогда потерял любимых?!

На что Шусик ничего не отвечал, но уже чуть повернулся к Мали лицом, исподлобья, заглядывая ей в глаза.

– Твои страхи не новы, и я прекрасно понимаю тебя... Но вот тебе совет от той, кто переборола все беды, и решила во чтобы то ни стало, продолжить жить. Всему, что ты знаешь, умеешь, ты обязан им, и было бы не справедливо и нечестно, по отношению к ним, если бы ты отрекся от всего этого, выбросил из головы, махнул лапой. Ведь так ты только предашь их, уничтожишь все те труды, надежды и мечты, что они возлагали на тебя! Не позволяй невзгодам управлять тобой! Возьми их за горло, сожми крепко лапой и пусть они – приутихнут! Покажи им, в чьих лапах твоя жизнь, судьба и счастье. Жизнь – твоя!

На этом Маля многозначительно взглянула на Шусика, которого ее слова очень тронули и он ушел с головою в их обдумывание.

– Прости, я вовсе не хотел тебя обидеть, – молвил озабоченно Шусик, очнувшись, когда Маля пошла вниз обратно в лес, одна без него.

– Я знаю, Шусик, и не держу обиды.

– Так куда ты?

– Близится вечер, время охоты.

– Я с тобой.

– Судя по твоим бокам, ты не ел больше недели.

– Две.

– Тем более. Отдохни здесь, я скоро вернусь. И не бойся, тебя здесь никто не будет искать – слишком открытое место – им и в голову не придет, – бросила напоследок Маля, и ускорила шаг.

Шусик не зная, как поступить: бежать или остаться, чувствуя невероятную усталость. Смыкающимися произвольно глазами, он проводил Малю до лесу. Когда она исчезла в нем, ему не на чем было больше концентрировать внимание, и он рухнул на живот, от усталости, голода и переохлаждения, после дождя. Не прошло и полминуты, как он уже тихо и немного нервно засопел, порою вздрагивая от внутреннего озноба, ставшего результатом крайней умственной и физической напряженности.

VIII Бояться или Жить?

День, а за ним и вечер пролетели на удивление быстро. Особенно для тех, кто провел их в нескончаемом пути, полном ожидания того, кто, по словам их провожатого, мог им помочь.

С наступлением первых сумерек одинокий волк остановился, чему несказанно были рады Аяр и Лира, которые от усталости с лап валились.

– Продолжим путь утром, – молвил сухо волк, и, осмотревшись, направился вглубь леса.

– Ты что, оставляешь нас? – спросил тихо Аяр.

– Если вы не голодны, я не стану ловить на вашу долю.

– Нет, нет, мы очень хотим есть! – оживилась Лира, которой почему-то не терпелось препроводить волка.

– Но Одиночка, не опасно ли это? – снова прошептал Аяр.

– Не бойтесь, этот лес наша вотчина, – молвил напоследок он, и исчез в лесу.

– Что он хотел этим сказать – наша? – тихо перевел взгляд с леса на Лиру Аяр.

– Мне все равно, что он говорит. Я ему не верю! Он лжет и чего-то не договаривает. Мало того, разбудил с утра пораньше, так еще и гонит нас невесть куда на протяжении всего дня. И это еще что – ты заметил шрам у него на лице?

– Конечно, Лира! Не очень вериться, что это он веткой.

– Я говорю... – начала Лира, за тем испуганно осмотрелась и продолжила, еще тише:

– Я говорю, это следы от когтей Таоха.

– Очень похоже. Но где он сам?

– Одиночка, может говорить, что угодно, но я ни за что не поверю, что орел просто взял и улетел. Здесь точно, что-то не чисто.

– Если это так Лира, мы в беде! Он избавился от Таоха.

– Типун тебе на язык.

– Ну или прогнал – надеюсь. Так что он тянет с нами?

– Не знаю Аяр, что он задумал... Помнишь, как он разозлился, когда мы хотели пойти на поиски Таоха?

– Конечно, он чуть не наорал на меня.

– Говорю, он точно, что-то замышляет.

– Может он решил нас сожрать?

– Мы шли весь день, если бы хотел – давно слопал бы.

– Ты права Лира, тогда – что?!

– Не знаю Аяр... И я вовсе не собираюсь ждать своего конца и хочу все разузнать.

– Но это опасно!

– Не больше, чем ожидать его возвращения здесь. Вдруг охота пройдет неудачно, тогда мы станем его и первым и вторым блюдами.

– Я с тобой! – испуганно вскочил Аяр, и двинулся за Лирой смело пустившейся по следам Одиночки...

Сквозь серую пелену вечера, опускающегося на землю, незаметно, крадучись, постоянно поглядывая по сторонам, продвигался вглубь леса старый одинокий волк. Шел он с опущенной головой, еле волоча лапы, и по одному его виду, можно было сразу понять, что эта дорога была для него очень трудна, ни сколько физически, сколько эмоционально. Возможно, именно по этой причине, он не заметил за собой слежку, организованную молодыми волчатами, серыми, как и все в округе. Побаиваясь волка-одиночку, они держались от него на приличном расстоянии, не упуская его из поля видимости. И ускоряли шаг, когда тот, на миг исчезал за поворотом.

Спустя некоторое время Одиночка пошел еще медленнее. Казалось, каждый шаг давался ему через силу и боль. Вскоре, таким темпом он вышел на совершенно глухое местечко, глубоко в самой чаще леса, возле небольшого болота с одной стороны и глубокого оврага с другой. А в центре лежало поваленное дерево, точнее то, что от него осталось за столько лет гниения. Эта коряга ростом с медведя с торчащими во все стороны корневищами, могла испугать любого, кто забрел бы сюда невзначай. Но Одиночка вовсе не испугался и даже наоборот выправился, глубоко вздохнул и направился прямо к входу в полый ствол дерева.

– Эй, там, выходи, посмотри, кто пришел? – громко заговорил Одиночка, остановившись у входа, и говоря прямо внутрь.

Но как бы он громко не говорил, волчата все же не могли расслышать его и продолжали красться вперед.

– Как ты посмел нарушить мой покой? – донесся изнутри недовольный голос. – Убирайся отсюда!

– Может, выйдешь и скажешь мне это в глаза?! Или это тебе не по плечу?! Ах, да, я и забыл, ты умеешь нападать только из-за спины, и то, когда уверен, что противник слаб.

– Хе-хе-хе! Ты все-таки не забыл, – кряхтя и ковыляя на лапу, вышел из темноты еще один волк, моложе Одиночки. Но жизнь здесь явно его потрепала, и он местами был облезлый, а кое-где и вовсе плешивый. Страшный вид дополнял его голос, ставший из-за сырости болота вечно хриплым, переходящим в сырой кашель.

– Дорогой папочка! – закончил мысль волк, показавшийся перед Одиночкой во весь рост, выйдя из-за тени дерева.

– Ты я вижу, совсем захирел здесь... Я рад!

– Тебя тоже старость не обошла стороной – седеешь на глазах. Я тоже рад! А теперь скажи на милость, какого лешего ты забыл здесь? В моем доме?

– В доме?! Ха! Если бы ты тогда не воспротивился мне, и не напал исподтишка, сейчас стая была бы домом нам обоим...

– Как я посмотрю, кто-то не привык проигрывать,...

– Я не свыкся с предательством своего собственного сына, которого как я слышал, и самого постигла та же беда!

– И что?! Лишний раз пришел позлорадствовать?! Тоже мне – нашел потеху!

– Ты сам накликал на себя беду, не стоит злиться на меня!

– Ну, конечно, каков отец, таков и сын! Два сапога пара! Изгой и Одиночка, которым больше некого помучить, как приходиться друг к другу в гости.

– Вообще-то ты ни разу не проведаль меня с тех пор, как тебя...

– Не стоит стесняться, батя, я умер для всех и каждого. Так к чему же мне выходить в свет? Поболтать с тобой?! О чем?! Об ошибках прошлого? Хе! Не надо, не сейчас...

– А если я скажу, что у тебя появился шанс все исправить?

– Я скажу, что сны снятся! Поди прочь, не хочу на тебя смотреть! Твои глаза лишнее напоминание...

– О прошлом?! Именно благодаря ему я еще жив! Скажи, помнишь ли ты своего друга, Шуаша?

– Ты издеваешься?

– Вижу, что, да. Так вот, я здесь, чтобы сказать, что его сынишка сбежал от отца!

– И я его понимаю!

– Ну, конечно, только в отличие от тебя, он сам убежал, а не прогонял отца!

– Ладно, ладно, хватит заливать батя! Давай уж договаривай.

– Он не только сбежал, но и сейчас находится неподалеку со мной.

– Тебя что, мучает голод, или ты умом тронулся? Его отец найдет тебя, вернет сына, и тебя накажут...

– Хуже, чем сейчас не будет! Тем более я желаю, чтобы они нас нашли!

– Постой, постой, может просто уьем их и съедим, ради мести?

– Сива, ты можешь поступить с ними, как вздумается, – начал Одиночка, и не подозревая, что наконец-то волчата подползли ближе и им стал слышен разговор волков.

– Хочешь убить – убей, хочешь съесть – ешь, мне все равно... – было последнее, что смогли услышать обрывками волчата, но и этого хватило, чтобы все понять, и недолго думая, оба пустились бежать прочь.

– Как ты поступишь с шансом вернуться в стаю! – договорил Одиночка.

– Хе, отец, ты вечно летал в облаках! А теперь, я вижу, что и вовсе замечтался... Мне проще прибить волчонка, чем вернуться в стаю. Да и зачем? Если отныне, я – Никто, изгой-одиночка, про существование которого никто, ни слухом, ни духом. Та жизнь в прошлом, батя, и ты не смеешь тащить силой меня обратно!

– Но это выход, из всего этого...

– Все Это – отныне мой дом! И я не хочу больше говорить об этом, как и видеть тебя. Проваливай со своими волчатами, хоть на все четыре стороны, – развернулся волк и быстро скрылся в темноте ствола.

– Но послушай, ведь это реальный шанс все изменить.

– Ничего я не собираюсь менять! Меня все устраивает! А если ты так печешься о нем, так меняй свою жизнь и меня больше не трогай!

– Сынок...

– Не называй меня так! Ты перестал быть мне отцом с тех пор, как... Она... Поди прочь!

– Можно подумать, я хотел этого больше всего! – закричал в гневе отец на сына. – Да и ты хорош! Случись беда, тут же во всем обвинил меня...

– Короткая память у тебя, папаша, это ты взвалил на меня всю вину! Этого я тебе не прощу! Никогда – слышишь?! Никогда...

«Страх порой заставляет нас совершать безумные вещи, но еще больше, он заставляет нас остановиться и не делать того, чего мы боимся. Вот и получается, что тот, кто подвержен страху, зачастую сидит на месте, не думая ни о чем, кроме как состариться от бездействия.

Все новое и необычное пугает нас, и нам порой трудно отказаться от привычной жизни, распорядка, порядка, круга общения, заставляет отбрасывать любые мысли о смене обстановки. Для нас это становится чем-то слишком сложным, опасным предприятием и мы зачастую не понимаем, что, не попробовав – не узнаешь. А вдруг, то чего мы так боимся – перемен, необходимы в жизни?! Ведь без них не обойтись, уж так устроен наш мир. Он изменчив, как и все нас окружающее. И если не приноровиться к переменам, можно и вовсе сгинуть.

Порой течение несущее всех, несет свои воды вовсе не в ту сторону, и мы боимся, что став поперек его, нас вовсе смоеет, а то и выбросит из потока. Из-за нашего страха, мы начинаем бояться становиться и быть индивидуальностью, творческой и мыслящей личностью. И все больше стараемся походить на других, чтобы не выделяться, найти свою струйку в течении, и плыть вместе с ними по дороге в никуда.

Вы спросите, к чему я это начал? Отвечу. В нашем современном мире, нас так часто пугают, навязывают страх, запугивают и учат ему, что мы и вовсе забываем, каково это жить без него. Каково это пройти босиком по траве, не боясь пораниться, вдохнуть полной грудью свежего утреннего воздуха, не боясь, что он заражен выхлопами или попить чистой воды, не боясь подцепить кишечную инфекцию. Мы забываем каково это – Жить, и что представляет из себя Жизнь, без страхов и оков, которые мы сами создаем и укрепляем. Мы становимся рабами случая, который порой длится всю нашу жизнь. И лишь под ее закат, мы осознаем, как некогда были молоды и заблуждались относительно всего, а в особенности – жизни.

Но страх имеет и вторую сторону. А именно, когда мы очень чего-то боимся больше, чем другого, то сильнейший из них побеждает. Частенько это лишь усугубляет положение. Но в исключениях – бывает и наоборот...»

Именно страх, быть растерзанным и попросту погибнуть, заставил двоих еще молодых волчат нестись всю ночь напролет далеко на восток, не щадя ни себя, ни лап. Страх не оставлял их ни на минуту, и им все чудилось, что за ними гонятся.

Они не успокоились и с приходом рассвета. И даже глазом не моргнули, и не остановились, когда им преградила путь широкая на первый взгляд, река. Ни бурное течение, ни морозящая вода, что неслась, сметая все на своем пути, не могли остановить волчат. Они, недолго думая, бросились в бушующие воды, и лишь спустя некоторое время им после невероятных усилий удалось достичь противоположного берега реки.

При этом их довольно прилично отнесло течением реки, на север, по направлению течения. Еле дыша, дрожа всем телом и изнемогая от холода, голода и усталости, волчата, по-прежнему подгоняемые страхом, из последних сил опираясь друг на друга, отправились дальше в лес, подальше от открытых песчано-каменистых берегов, где они были, как на ладони...

«Просыпаясь рано поутру, мы все устремляем свой взгляд наверх, и задерживаем его на одной точке, пытаемся отделить сон от реальности. Если бы то, что приснилось, было явью, ты бы вскочил и побежал, не задумываясь, ведь об этом можно было только мечтать. Так может быть сон, и есть явь, а явь – сон, кошмарный, тянувшийся долго и мучительно. Но если так, значит большую часть нашей жизни, мы спим, и лишь, по ночам, высвобождаем наш разум и отпускаем его на волю. А все остальное время, держим в заточении, пытаюсь подчинить его и себя чужим правилам и законам.

Но как бы нам не хотелось, чтобы сны, особенно счастливые, полные доброты и тепла стали явью, частью нашей жизни, большую часть мы вмиг забываем, когда возвращаемся в реальность.

Но может быть сны куда более реальны, чем та хмурая и однообразная реальность, окружающая нас? Все мы любим счастливые сны, и боимся кошмаров. Так почему со страхами в реальной жизни мы боремся, кто, как может, а за счастливые – редко кто сражается до конца?

Наверное, это связано с тем, что мы считаем, сны чем-то несбывшимся, возвышенным, а нашу жизнь – слишком низменной, чтобы стремиться к лучшему. Но это не так! Каждая жизнь хороша по-своему. Каждый из нас должен из кожи вон лезть, чтобы сделать ее похожую на сон. Сны приближать к мечтам, а мечты устремлять на более возвышенные горизонты!

Трудно уловить нить моих слов, но я просто хочу сказать, что несмотря ни на что, нельзя перестать мечтать, видеть чудесные сны, и претворять пусть частично, их в жизнь...»

Именно так и хотел поступить Шусик, лежа на земле. Пригреваемый солнечным светом, вдыхая свежий утренний воздух, он улыбался, раз за разом, прокручивая в памяти тот чудесный сон, что увидел этой ночью.

«Но как часто это бывает достаточно оторвать нам голову от места ее покоя, как вся легкость тут же исчезает.

Первое, что мы видим, это нашу жизнь, ту привычную обстановку, которую вы бы и рады изменить, но не имеете возможности это совершить. После ярких красок сна, мы натываемся на серость будней. Мы поднимаемся, просыпаемся окончательно и бесповоротно. Уже через некоторое время забываем про сон, про мечту, про жизнь.

Нам кажется, что отбросив все мечты и фантазии, нам станет проще и легче жить. Проще быть может?! Но не лучше и не легче. Проще – значит, тоньше, прозрачнее, а значит, больнее и уязвимее. Жизнь, лишённую снов, оттенков легче всего скомкать, разорвать, растоптать и уничтожить».

Широко зевнув, Шусик, огляделся по сторонам – никого! Его счастливая улыбка слетела с лица, и заменилась серым выражением озабоченности. Он не нашел взглядом ту, с которой

ему так хотелось поделиться своими снами. Через миг, он отбросил эту затею, как наивную, пусть даже она и появится сейчас.

Но ни через полминуты, ни через пять, Маля не показалась. Это обстоятельство вызвало у барсенка сначала беспокойство, перераставшее в безнадежность своего нынешнего положения. Как по зову, к нему тут же вернулись все тяжелые мысли и весь негатив, терзающий его вчера.

«Так что же лучше – жизнь или сон? Бояться проснуться или боязнь жизни? Жизнь – это может быть со?! Только у сна мы не боимся увидеть конец, а у жизни – поскорее стремимся к нему, не понимая, что если постараться можно и из нее сделать Чудо, что видели только во сне».

Прождав Малю еще минут пять, Шусик поднялся на лапы, и стал обходить возвышенную лысую гору, взад и вперед, то и дело, смотря по сторонам. Но так ничего и не случилось: ни чуда, ни картинок из сна.

Тогда Шусик остановился и, опустив голову, недовольно, с горечью обиды, ударил лапой с когтями по земле. Не поднимая головы, он начал спускаться вниз. Еще до конца не зная, что делать дальше, но точно решив, больше не придаваться мечтаниям.

«Коря судьбу и провидение, мы порой и не замечаем, что все, что с нами случилось дурного, произошло вовсе не по их воле, а из-за наших собственных действий. Но в большей степени – бездействия. Именно, его мы часто любим покрывать, перенося всю вину со своей лени на судьбу, злой рок, или еще чего-нибудь».

Нам трудно порой решиться на что-то совершенно кардинально меняющее нашу жизнь. Пусть даже мы и знаем, что это в будущем принесет нам благо. Нас постоянно останавливают наши сомнения, нерешительность, робость, страх. Но нельзя забывать: «Что, не попробовав, не узнаешь». Спустя много лет, задумывавшись: «Что случилось бы, если...» – мы будем корить себя, за то, что не рискнули тогда и не изменили свою жизнь».

Оставшись снова один, Шусик решил раз и навсегда покинуть эти земли, в которых он повстречал, как ему казалось, столько бед. Он так мало знал о настоящей жизни, впрочем, как и каждый подросток, считающий свои проблемы важнее и труднее остальных. Но, к сожалению, с ним не было никого рядом, кто мог ему помочь во всем разобраться.

Еще с горы он приметил русло реки, что тянулось вдоль всей открывающейся взору части леса, уходившей далеко на север. Он прекрасно помнил рассказы из детства, и не хотел идти к озеру. Поэтому решил отправиться через реку, на другой берег, в надежде, найти там то, что не смог отыскать здесь.

Но как часто бывает, желанное нами порой не всегда правильно и несет больше бед и невзгод, чем пользы и добра. К сожалению, мы узнаем об этом лишь после времени. И как бы в качестве последнего шанса, порой сама жизнь протягивает нам руку. А ухватиться за нее или проигнорировать – дело каждого.

Так случилось и с Шусиком. Не поднимая головы, пробирался сквозь лес в сторону реки, он вдруг наткнулся на пару молодых волков, которые также не заметили его издали, по той же причине. В пятнадцати шагах друг от друга, они резко остановились, подняли головы. Не сводя глаз друг с друга, все замерли на месте, зрительно оценивая опасность, преградившей им дорогу. Столь молодые волки не пугали Шусика, который при таком же возрасте был выше и больше них. Но волчат было двое, а значит, силы уравнивались. Волки же, в свою очередь, чувствуя свое численное превосходство, все же видели в барсе опасность, из-за их способности в один прыжок достигнуть цели и вцепиться в нее когтями насмерть.

– Отойди с дороги! – воскликнула Лира, которой игра в молчанку порядком надоела.

– Лира, что ты делаешь? Это ирбис, – прошептал Аяр.

– Вот именно, а мы – волки! Уступи! – проговорила она еще громче.

Сами тем временем не двигались с места. Шусик, грозно храня молчание, нахмурил брови, и впился холодным взглядом в нахалку.

– Глухой что ли?! Поди прочь! – повторила уже громче Лира, на что Шусик чуть прижался к земле, давая понять, что с места не двинется.

– Обойдем, Лира, – предложил тихо Аяр.

– Ну, уж нет, я не собираюсь уступать, невесть кому! Идем! – потянула она за собой Аяра.

Оба волчат стали приближаться к барсу. С каждым шагом их сердца сжимались все сильнее и колотились все чаще. У них дух перехватило, но ни тот ни другой старались не выдавать внутреннего страха.

Нечто подобное ощущал и сам Шусик, который впервые в жизни столкнулся с реальной угрозой, а не из рассказов. И пусть хоть от волчат, но совсем близкой. Совершенно не зная как поступить, он замер на месте. И пусть с виду был мрачен и спокоен, внутри – все таяло, дрожало и разваливалось на куски.

Но, несмотря на взаимный страх, ни та, ни другая сторона, не собирались уступать. Ведь именно это стало бы, по их мнению, признаком слабости и страха. Но все же Аяру и Лире, пришлось остановиться, когда они достигли барса. Застыв в десяти шагах от него, наступила неловкая тишина, за которую обе стороны пытались победить друг друга взглядами. И не известно, чем бы все это закончилось, если бы вдруг на них не выскочила еще одна кошка.

– Шусик! – тревожно выкрикнула она, и подскочила к барсенку.

Тот гордо выпрямился, расправил плечи, понимая, что перевес отныне на его стороне.

– Что ты делаешь?! Пропусти их!

– Что?! – уставился на нее Шусик, ожидая поддержки, а не призыва к уступке.

– Подрагаться вздумал?! Не время сейчас!

– Вот именно, нам некогда, – вставила свое слово Лира.

Шусик, перевел озадаченный взгляд с Мали на волчицу и встретил на ее лице, ухмылку и даже издевку. Закипев внутри, он все же отошел в сторону, недобрый взглядом провождая торжествующую волчицу и опасливо поглядывающего на них волчонка. А когда те стали удаляться, Шусик перевел возмущенный взгляд на Малию, которая, не обращая на него внимания, провожала глазами волчат.

– Постойте! – воскликнула она, когда волчата были уже в двадцати шагах от них. – Хочу предупредить вас, что в той стороне, в которую вы направляетесь, вас ждет опасность.

– Хорошо, спасибо! – саркастически ответила Лира через плечо.

– Слыхала?! – шепнул ей Аяр.

– Я говорю вам правду – там люди! Ну же Шусик, скажи им, что я не лгу! – взмолилась она, впив в него молящий о поддержке взгляд.

– Проваливайте уже поскорее! – сердито бросил Шусик в сторону волков, начинающим было прислушиваться к словам Мали.

– Люди – не люди, нам все равно! – бросила Лира, напоследок и пошла дальше.

– Лира, а вдруг они говорят правду, и... – протянул Аяр.

– Они?! Ха! – усмехнулась Лира. – Да лгут они все! Пытаются нас запугать, но не выйдет, – громко ответила она, чтобы барсы услышали.

– Погодите! – хотела кинуться за волками Малия, но Шусик, как бы невзначай, преградил ей дорогу.

– Вернитесь!

– Да, да, конечно! – отмахнулась Лира, уже еле слышно издали.

Малия вся вытянулась и провожала их обеспокоенным взглядом, непонятным для Шусика.

– Малия, да брось ты! Нашла о ком беспокоиться, – молвил не подумав Шусик.

И уже через секунду пожалел о том, что сказал, так как та налетела на него с криком:

– Как ты не понимаешь, они идут прямо им в руки! Это мы нужны им живыми, до поры до времени, пока не снимут шкуру. А на таких как они, люди лишь тренируются в меткости стрельбы! – выпалила все как есть Маля, но Шусик хоть и опешил, все же не было в его глазах проблеска сочувствия и понимания.

– Тебе все равно, верно? – спросила, опустив глаза Маля, уже тише, и спокойнее.

– Ты слышала их? Они сами так решили.

– Нет, не смей, прикрывать отсутствие сочувствия их словами! – воскликнула она. – Они сами не знают, на что идут! Как и ты?!

– А я здесь причем?!

– Ты чуть было не озверел...

– Сами нарывались!

– Драться глупо, особенно в такое время...

– В какое время, ты о чем? И перестань говорить загадками, – повысил голос Шусик. – Я не понимаю.

– Вот именно, Шусик, ты еще так мало понимаешь. И что еще страшнее – не стремишься к этому!

– Что?! Я! На себя погляди! Взяла утром и ушла, незнамо куда. Что мне оставалось? Сидеть и ждать?

– Это лучше, чем бояться и не жить!

– Что? Может, хватит уже делать из меня виноватого. Это все ты – ты во всем виновата!

– Я?!

– Да ты и твоя забота о других! – закричал Шусик, даже не зная, что он делает.

А Маля тем временем, резко погрузилась, отпустила взор, и чуть отвернулась от Шусика:

– Ты думаешь?!

– Добром не спасешь жизнь, не убережешь от людей, ей нет места в нашем мире! – философски закончил Шусик, задрав нос, гордясь таким выражением, ожидая от Мали подобной реакции.

– Так, скажи... – повернулась она к нему, и пристально посмотрела прямо в глаза. – Почему ты спас мне жизнь?

– Я... я... – немного занервничал Шусик, чувствуя мелкую дрожь во всем теле.

– Просто спас и все! – выдавил он из себя, прекрасно понимая, что противоречит сам себе.

– Просто и все... – повторила грустно Маля. – Как низко ты ценишь жизнь, как свою, так и других! – ответила она, повернувшись, и отправилась по следам волчат.

– Постой, что я сказал не так? – дернулся за ней Шусик.

– Когда поймешь, тогда может и увидимся, – остановила она его этими словами.

Не проронив ни слова более, она пошла дальше, неспеша, медленно, в надежде, что до Шусика дойдет, и он одумается, бросится за ней, остановит, извиниться и измениться.

Но Шусик стоял молча, как истукан. Он не шевелился, и провожал ее взглядом, пустым и без единой искорки, как и вся его, казавшаяся на тот момент бесполезная жизнь – без стремлений, цели и смысла.

IX «Стойте! Не туда!»

Сквозь сладкую дрему, уткнувшись в мамину титю, ловил сладкие сновидения маленький волчонок. И ни что не предвещало конца этой семейной идиллии ребенка и ее матери. Но вдруг с первыми лучами солнца, тишину и спокойствие нарушил чей-то пронзительный голос:

– Пора! – прогремел он в тиши, и как по дуновению ветра ушли все сны, испарилось тепло, ушла мать, остались лишь холод и одиночество...

– Куда вы? – резко сменилась картинка, и вот уже волчонок проснулся, и стоит перед могучим вожаком его стаи.

– Пришло наше время! Пришло прогнать их с наших земель раз и навсегда! – говорил поверх волчонка волк, обращаясь ко всей стае. – Они слишком многое себе позволяли, и теперь мы, нанесем ответный удар. Мы проберемся прямо к их жилищам, подкараулим их и...

– Па-па, папа, а вы скоро вернетесь? – прервал волка на полуслове волчонок.

– Да, да! – отмахнулся от сына волк, и продолжил: – Мы возьмем свое!

– Возьмем свое! Возьмем свое! – загалдели все остальные волки в округе.

– Папа, папа, а мама тоже уходит?

– Сынок, – наконец-то нашел время отец на сына и перевел на него свое внимание, но лишь на некоторое время.

– Мы вернемся, обязательно скоро вернемся! – коротко молвил он и умчался прочь, а следом за ним остальные волки.

Последней ушла его мама, воспользовавшись всеобщей толкучкой, она подбежала к нему и прошептала на ушко:

– Будь сильным! – и лизнув ему лобик, побежала за всеми.

– Ма-ма! – тихо прокричал волчонок, не в силах сдержать слез.

Вытянув лапу в ее сторону, он замер в таком положении до тех пор, пока одна из нянечек не подошла к нему и препроводила в детскую...

– Что случилось, что случилось? – снова резко поменялась картинка и вот уже волчонок после долгого времени ожидания, кинулся навстречу возвращающимся волкам.

Но встретив лица, на которых читалась лишь боль и страх, он замер на месте, и повторял одно и то же, каждому проходившему мимо волку:

– Где? Где? Где? – и с каждым сказанным словом, его ощущение, что что-то случилось, росло и перерастало в смятение и ужас.

Последнему он задал этот вопрос, одиноко ковляющему волку, лицо которого было до поры до времени скрыто пеленой тумана, что сгустился ближе к ночи.

– Где? – еле прошептал он, увидев перед собой отца, раненого снаружи и убитого внутри. Его глаза говорили красноречивее, чем его уста, и пусть те ввали, волчонок все понял.

– Это все он, сынок – человек – наш враг! – лишь ответил он и пошел дальше к остаткам стаи под пристальным взглядом своего сына...

– Мы сегодня же отправимся в путь! – начал волк, в новой сменившей прежнюю, картинке, нависнув над волчонком, который не то, что разговаривать с ним, видеть его не желал.

– Здесь оставаться опасно! И не вздумай мне перечить! – чуть ли не крича, говорил волк, который был так разбит горем, что и не знал, как иначе выплеснуть эмоции, хотя сына, это заботило меньше всего.

– Мы отыщем того, кто сможет нам помочь, сможет помочь тебе! – зарычал волк и потянулся к сыну лапой, чтобы погладить, как раньше по головке. Но от его прикосновения, сын дернулся и тут же резко проснулся...

Это был всего лишь сон, воспоминания из прошлого, но то холодное прикосновение своего отца, Сиваох ощущал на себе как наяву. Ему самому стало так не по себе от всего этого. Он испуганно вскочил на лапы и часто дыша, стал оглядываться по сторонам.

Никого не было. Его убежище по-прежнему было одиноким и холодным. Отец ушел еще вчера, но после его прихода, остался всепоглощающий страх перед прошлым. Он знал, что отец уже далеко, но все равно чувствовал чье-то присутствие, кого-то или чего-то, что вселял в него неопишуемый ужас. Не в силах с ним бороться, волк выскочил из своей коряги, и был просто поражен. Со всех сторон, на него смотрели огненно-зеленоватые глаза, приближающиеся к нему, как только тот появился.

– Н-е-е-т! – захрипел сдавленным голосом волк и бросился бежать, куда глаза глядят, прочь от глаз, за которые он принял, всего-навсего паривших в воздухе светлячков.

Истину говорят: «У страха глаза велики». И именно им был охвачен волк, несущийся прочь сквозь чащу леса, сшибая все на своем пути. И ничто: ни хлещущие его хвойные ветки по лицу, ни изодранные в кровь лапы, не могли остановить бегство.

Ничто, кроме внезапно разверзнувшейся перед его лапами земли. Глухо хрипя, он кубарем покатился вниз по склону оврага, который казался для него в те мгновения, бесконечно крутым. По правде же, это был овраг с немного крутым склоном, уходящим вниз под склон холма.

Его «нескончаемому падению» все же наступил конец. Не в силах, что-либо предпринять – так сильно боль сковала все его тело, а разум – страх, еле поднявшись на лапы, волк замер на месте. Так как перед ним вырос тот, кого он меньше всего ожидал увидеть здесь и сейчас. Вскочив на лапы, от приближающегося ночного шума, он также замер на месте, когда перед ним неожиданно вырос волк.

– Хр-хр-х-х-р-р! – захрипел глухо волк, впив в него свой помутневший от пробежки и падения взгляд, силясь сказать хоть слово, но он явно был чем-то напуган и язык его не слушался.

– Ты... ты... я... – начал волк, выдавливая каждую букву через силу, тяжело дыша, на выдохе.

– Снова... ты... пришел за мной... – говорил волк членораздельно, а тот к кому он обращался, хранил молчание.

Не двигаясь, он совершенно замер и казался тенью.

– Нет! Н-е-е-т! – протянул волк, начиная пятиться от тени.

– Ты... ты... Чего ты молчишь? Или... может быть... Нет, только не это... Я уже близко... нет... Я не могу... Я не хочу... Убирайся барс, поди прочь от меня... – кричал волк давящим голосом, переходящим на визг.

А его слушатель, которым оказался не просто барс, а Шусик, после пересечения реки и долгого бега, решившего переночевать в глухом лесу, ничего не понимал и от страха врос в землю.

– Поди прочь! – захрипел волк и сделал рывок вперед, в надежде испугать того, кого он считал здесь нет, но Шусик лишь моргнул, но не пошевелился. Ужас сковал все его тело.

– Ты... ты... Прошу, оставь меня... Прошлое, уйди прошу... Я и без твоих напоминаний все помню! Уйди... – завизжал волк от отчаяния, переходя на слезы.

– Спрятавшись здесь, я думал, ты не вернешься! Я хотел забыть тебя, забыться сам, но ты, ты всегда, был со мной! Чего... чего ты хочешь? – закричал волк, утерев нос.

– Разве тебе мало того, что случилось со мной? Знаю, я заслужил все это, но... но... Я... Измени... – осекся на полуслове волк.

– Нет, это не возможно, я обманываю себя, я по-прежнему все тот же жестокий волк! И ты пришел мне напомнить об этом! Как бы я не бежал от тебя и от моих снов, ты всегда следуешь за мной! Но... теперь ты в облики этого барса. Хех, ты пришел наказать меня!

Так убей и покончим с этим! Прекрати мои мучения. Ну же, давай, мне все это надоело! – распростерся ничком волк перед Шусиком.

– Ха-ха-ха-ха! – истерически засмеялся волк.

– Даже ты – мое прошлое, меня презираешь, и не собираешься прекращать мои муки! Конечно, я заслужил это! Я убивал, предавал, бросал и изгонял, и все это делал с наслаждением, и теперь ты пришел насладиться моими муками! Нет, – вскочил вдруг волк.

– Нет, нет, хватит, я говорю хватит! Это моя жизнь, пусть загубленная, но моя! Ты не получишь меня! Слышишь, не получишь! – завопил во все горло волк, и бросился бежать от барса, крича, как псих на весь лес.

– Ни-за-что! – повторял он раз за разом, и его голос, становился все тише, дальше и глуше.

Шусик, в конце, не выдержал напряжения, рухнул на землю, и испытал глубочайший страх, не в силах был сдержать себя и заплакал горькими слезами...

Что может быть лучше проснуться утром, увидеть перед собой чистое небо, вздохнуть свежего утреннего воздуха, под пение лесных птиц, жужжание мошканы и шелест листьев?! Но даже, все эти прелести такого чудесного утра, не могли согнать хмурость, крайнюю озабоченность и некую нервозность с лица одного человека.

Встав раньше остальных в лесном лагере, он, продирая глаза руками, совершенно не выспавшись, так как всю ночь ворочался и уснул под утро, всего на пару часов, тут же проснулся от неведомого чувства тревоги, не оставляющей его вот уже на протяжении долгого времени. Не зная, куда себя деть, пока не наступил рабочий день, приближение которого он побаивался, не меньше наступления вечера, он отошел в сторону. Прислонившись к дереву, человек прижал голову к стволу и застыл. И пусть сам он был здесь, все ощущал, видел, дышал этим воздухом, но сердце и душа его были совсем далеко от всего этого. А разум был занят совершенно иными мыслями: о семье, доме, близких и родных.

– Скучаешь, Сережа? – тихо донесся голос позади молодого парня.

Очнувшись, он повернул голову через плечо.

– Есть немного, Петр Михайлович, – ответил Сергей, еще не до конца придя в себя.

Бросив пустой взгляд на Петра, он вновь опустил взор на землю, а в голове вертелась одна и та же тревожная мысль, или вернее воспоминания наяву, отчего ладони сами сжимались в кулаки, и он готов был пустить их в дело.

– Как я тебя понимаю... Мне тоже сначала было нелегко и непривычно, – продолжил человек средних лет с бородой, одетый, как и все работники здешней новой базы, в темно-коричневые штаны, темно-зеленую майку и ветровку, пятнистого окраса.

– Особенно, когда я лишился основной работы в своем селе, и был вынужден устроиться сюда, – видя, что Сергей не откликается, Петр решил использовать «ход конем».

– Если честно, Сергей... В том было не малая вина этих «защитников леса» – Ларисы и ее сыночка.

– Правда?! – откликнулся Сергей, наконец-то услышав от кого-то еще то, о чем сам задумывался.

– Конечно, это их рук дело! Только никому, – перешел на шёпот Петр.

– Эти богатеи, говорят, приехали к нам, аж из самого района, где и выбили под все это разрешение...

– Но как?!

– Как обычно бывает: подкупили, кого надо, пообещали, чего надо! А мы вынуждены выполнять их приказы, – тяжело вздохнул Петр.

– А куда нам деваться?!

– Конечно, у них деньги, у нас нет. У нас есть руки, а у них – куда их приладить.

– На то, чем мы занимаемся... – начал Сергей, готовый излить душу.

– Знаю, иначе, как браконьерством не назовешь! Пока мамаша Лариса, гоняет всех на базе, а ее сынок рыбачит... Мы рубим для них лес, охотимся на зверей...

– Кстати, не знаю, хорошо это или нет, но за последнюю неделю мы никого не поймали.

– А ты думаешь Сергей, нам это надо? Да будь все здесь настоящими охотниками, давно бы изловили пол леса!

– Что вы хотите сказать?!

– Так уж получилось, что я выбирал каждого члена нашей группы, и ни кто из нас никогда не охотился на зверя крупнее курицы.

– Что, правда?!

– Правда, Правда! А ты думал, что за такие шиши к Ларисе повалят матерые охотники? Да они за один улов получают больше, чем мы за сезон! Поэтому никто и не старается особо.

– И то верно! – снова тяжело вздохнул Сергей и поник головой. – Но если мы вернемся с пустыми руками, Лариса последнее отберет.

– Ну-у, зарплаты ей у нас не отнять, на крайний случай пошлет всех валить лес.

– Но Сергей Блинов, обещал, что будет премия, если я...

– Если ты выследишь зверя?! И ты ему поверил?! Премия, конечно, будет, с пол рубля накинут не более, это обычная такса за «службу».

– Значит все зря?

– Не говори так, Сергей. У тебя есть работа, будет зарплата, а это самое главное. Многие из нас месяцами сидят без денег, вот и приходится заниматься браконьерством. А тут такой шанс – заработать собственным трудом, а не охотой за наживой!

– Согласен, это лучше, – все равно разочарованно тихо согласился Сергей.

– Надо ценить то, что имеем. Пусть самую малость! – похлопал по плечу Петр Сергея и оставил наедине с самим собой и своими мыслями.

С одной стороны Петр был прав, и у Сергея появилась хоть то небольшое, которого порой лишены другие. Но с другой – в нем говорили совершенно противоречивые чувства: жажда заработать больше, проявить себя, не ради начальства и работы, которая не приносила особого удовольствия, а ради тех, кто был для него дороже всего, и от которых его отделяли многие сотни километров. Но, несмотря на это, он помнил их, видел и представлял наяву. А самое главное, поскорее мечтал вернуться к ним. Но было одно но, задерживающее его здесь...

Отдалившись от реки, пара друзей волчат – Аяр и Лира не спеша шли по лесу, уверенные в том, что теперь их точно не обнаружат, ни родители, ни другие нежелательные путники. Всюду здесь царила такая мирная тишина, что и не верилось. Они по своей подростковой наивности, даже и не подумали, что тишина таит порой не меньше опасностей, чем жуткое место схватки. Второе, по крайней мере, видно и слышно, издали, а здесь, каждый шаг мог стать роковым.

– Лира, а может, все же повернем? – молвил обеспокоенно Аяр, поглядывая назад.

– Ха, вот еще!

– А вдруг, та барсиха права и здесь...

– Стой, – прервала его Лира. – Перестань паниковать! Ты лучше насладись свободой, тишиной и воздухом.

– Я бы с удовольствием, но ее слова, никак не вылетают у меня из головы.

– Аяр, хватит! Не будь мы знакомы, я бы давно кинула тебя здесь.

– Что?!

– Не бери в голову, Аяр. Прошли уже сутки и никого. Хватит уже трястись от каждого дуновения ветра! Это наш путь, помнишь, мы выбрали его вместе, и вместе закончим.

– Да, помню я, помню, – неохотно согласился Аяр, немного задетый словами Леры, но все же ему не хотелось конфликтовать, и поэтому он молча проглотил ее упреки и замечания.

Но лишь ненадолго, так как вскоре они вышли на утоптанную лесным зверьем тропу, ведущую наверняка к месту, где можно было утолить жажду.

– Какая удача, освежиться нам не помешает, – подметила Лира и смело шагнула по тропе, за ней с неуверенностью направился Аяр.

– Вот увидишь, попьем студеной водички и полегчает. А то эта жара способна убить кого угодно, – продолжила она, подняв глаза к небу, где не было ни единого облачка и намека на так долгожданный для всего леса, дождь.

Жара и впрямь стояла невыносимая и прибавала к земле. Воздух с каждой минутой терял живительную влагу, что скапливалась на протяжении ночи, и в лесу становилось все более душно.

Удивительно, тропа оказалась довольно широкой, и спрятаться в тени деревьев, не было возможности. Несмотря на жару, горячий лесной воздух, благоухающий разнотравьем, жажда, голод и усталость – ничто не могло остановить Лиру, продвигающуюся все дальше в лес, полной надежды, что вот за этим холмом течет родничок воды, где можно будет передохнуть. Но холм следовал за холмом, тропа не кончалась, а беда не дремала.

Все эти факторы, в скупе, сделали свое дело. Аяр и Лира стали менее внимательны и разборчивы в пути, и не собирались сворачивать с дороги, сулящей немало бед.

Все это прекрасно понимала та, что неотступно следовала за ними, на безопасном расстоянии. Это была та самая барсиха, предупреждающая их об опасности, что ждет на востоке. Но волчата не послушали ее тогда, и вряд ли прислушаются сейчас. Ей ничего не оставалось, как следовать за ними, словно тень, бесшумно и незаметно. И у нее это отлично получилось. Они бы ни за что не догадались о ее присутствии, если бы она сама не выскочила прямо на них. Причем так внезапно, как для волчат, так и для себя.

Появившись у них на пути, она первые секунды только шевелила губами, силясь что-то сказать, но резкая волна страха сковала ее уста, осушила рот, и лишь глаза говорили о надвигающейся на них на всех опасности.

– Б-б-близко... – лишь прохрипела барсиха, не сводя глаз с одной точки леса, позади волков.

– Опять ты?! – только и успела недовольно заметить Лира, как за ее спиной слева от пути, послышался резкий треск сломанных веток.

– Люди! – вскрикнула Маля, увидев человека, высывающегося из-за дерева, и наставляющего ружье на волков.

Лира и Аяр, позднее всех сообразив, что к чему, обернулись на треск. Увидев человека, они замерли в ужасе, не в силах и пошевелиться. Им так много рассказывали о людях, но никогда еще столь опасный зверь, не оказывался к ним так близко.

Раздался выстрел и пуля бы точно угодила в цель, если бы Маля, кинувшаяся за доли секунды до выстрела на Лиру, сбила ее с лап. Оказавшись над нею, она тем самым спасла ее.

– Ты! – отшвырнула ее Лира с себя. – Ты привела их! – лишь успела возмутиться волчица, как услышала, что человек передергивает затвор.

– Бежим! – крикнула она Аяру, который от выстрела весь оцепенел и побледнел, как поганка.

Кинувшись бежать дальше по тропе, Лира, одернув Аяра, повела его вперед.

– Стойте! Не туда! – закричала во все горло им вслед Маля, но они не слушали и лишь Аяр на бегу обернулся на нее. По ее выражению лица, ее взгляду, он понял, куда ведет его Лира.

Прозвучал второй выстрел. Маля вовремя успела отскочить в кусты, а человек, стреляющий, тут же схватился за рацию и проговорил скороговоркой:

– Барс ушел, за ним позже! К тебе бегут волки!

– Хорошо отец, понял! – послышался ответ в рацию, и человек быстро схватившись за ружье, исчез в лесу, направившись по следам волков.

– Лира! Лира! Лира! – не переставая, кричал ей вдогонку Аяр, предчувствуя беду, испуганно и затравленно озираясь по сторонам, не зная с какой стороны ждать беды.

– Лира! Лира! – все громче и панически кричал Аяр, чем вконец, надоел ей и она на бегу обернулась на него:

– Чего тебе, трус?!

Но в этот самый момент на тропу, впереди в шагах тридцати от них выскочил из лесу второй человек. Приняв стойку для стрельбы, поудобнее присев на одно колено, он поднял ружье и нацелился прямо на бегущую со всех лап на него Лиру.

– Впереди! – закричал Аяр, резко затормозив.

Лира, осознав, что он не шутит, тут же повернула голову вперед. Завидя, что курок уже взведен, она попыталась затормозить и повернуться к Аяру. Но в этот момент прогремел выстрел, за которым последовал истошный крик человека, крик боли и клич о помощи Лире, сшибленной с лап, и покотившейся по направлению к человеку.

Человек, стрелявший знал свое дело и, ни за что бы, не промахнулся с десяти-то шагов, но не в этот раз. Так как в самый момент нажатия курка, на него с правой стороны дороги неожиданно для него, выскочила барсиха. Она успела опередить пару волчат, прежде чем случилось непоправимое. Но решившись на это, она и не подумала, что человек окажет жестокое сопротивление.

Оказавшись сваленным на бок, он потерял ружье, но руки его были полны сил и он сам первым набросился на упавшую рядом барсиху. Схватив ее за горло, он с неистовой силой принялся сдавливать шею, намереваясь тем самым удушить. Но Маля оказалась куда более выносливой. Несмотря на удушье, темноту в глазах, боль в висках и головокружение, она пустила в ход свои передние лапы и когти. Оцарапав ими все руки человека по плечи, она попыталась скинуть его с себя, но окончательно вырваться не успела. Так как человек быстро подмял молодую барсиху и, вдавив ее в землю своим весом, стал наносить ей по голове удары локтем раз за разом, до тех пор, пока она оказалась не в силах поднять головы. Но человека обуяла жестокость, и он не мог остановиться и разбивая себе локти в кровь об звериные зубы, продолжал дубасил ее, что было сил.

Через полминуты он бы точно забил ее до смерти, если бы не людские крики, доносившиеся до него, идущие откуда-то совсем близко. Быстро сообразив, узнав кто это, человек отскочил от барсихи, схватился за ружье и сидя на земле, нервно переводил дуло то на нее, то туда, откуда доносились голоса. Наконец, когда они стали совсем близко и человек понял, что они не одиночные, он нервно обернулся назад, на поверженную волчицу. Прямо на глазах у Аяра, который до такой степени перепугался и впал в оцепенение, человек подполз на четвереньках к Лире и схватил ее за задние лапы.

– Аяр, по-мо-ги! – взмолилась еле слышно Лира, еще находившаяся в сознании и устремила глаза полные мольбы о помощи на единственного, кто мог помочь.

Мог, но ни только не предпринял ничего, так еще и дав деру, когда голоса стали еще ближе.

– Аяр! – захрипела Лира, когда человек, понимающий, что времени в обрез, оторвал ее от земли за заднюю лапу и швырнул ее рядом с собой, подложив под нее свое ружье. Сам тем временем, быстро перекатившись по земле, не вставая, схватил барсиху за шею. взвалив ее на себя, он стал бороться с нею, громко крича и кряхтя:

– А-а-а! – кричал он, что было сил и когда из лесу показались первые люди, он завопил еще громче.

– Стреляйте! Ну же! – но тот, кто выскочил из лесу первым, оказался молодой человек. Вид схватки его озадачил и он, держа ружье в руках, не торопился поднять его.

– Стреляй! – не успокаивался человек.

Промедление его спасителя, пошло на лапу Мали. Очнувшись, все еще не разбирая, где кто, и что с ней, она одним ударом лапы отбилась от лежащего человека и хотела кинуться бежать. Но ей и невдомек было, что за ее спиной стоял еще один человек, на которого она налетела и сшибла с ног. Молодой человек, со страху все же успел спустить курок. Раздался глухой выстрел и барсиха распласталась на его груди.

– А-а-а-а! – часто гортанно зарычал парень, тут же выбравшись из-под барсихи и не выпуская из рук ружье, сидя на земле, скукожился и судорожно задергался.

– Что здесь происходит? – послышался голос третьего человека, появившегося вскоре.

Увидев всю картину собственными глазами, он подошел к парню и схватил его ружье за дуло рукой, крепко сжал и молвил:

– Впервые, Сергей? – на что Сергей, судорожно закивал.

– Я-я-я... Прогуливался здесь и вдруг эти волки! Они напали на барса! Я попытался отогнать их, но им не скажешь, что я желал им добра! – запыхавшись с дрожью в голосе начал первый человек, еле подымаясь на ноги.

На что пришедший уже не молодой мужчина, бросив на него немного странный, подозрительный взгляд. Затем подошел к барсихе, склонился над нею, и молвил Сергею:

– Все в порядке, она дышит. Пока, – быстрым взглядом осмотрел он ее увечья, нанесенные явно не волчьими лапами.

– Что?! – как ни в чем не бывало, подскочил первый человек.

– Так она еще жива? – завопил он, и в его глазах сверкнула искорка алчности, которая не смогла скрыться от мужчины.

– Конечно, жива! Мы не применяем на работе боевые патроны, только со снотворным, – при этом он бросил взгляд на Сергея по-прежнему сидевшего на земле, и не сводившего глаз со своей, как он думал, первой жертвы.

Но услышанные слова удивили Сергея и он, поднял взор на говорившего.

– Конечно, ведь иначе, это называлось бы браконьерством! – закончил мысль человек и оставил в размышлении спасенного ими горе-охотника, подходя к Сергею.

– Прости, что не сказал раньше, – тихо молвил он, помогая подняться Сергею на ноги.

– Петр Михайлович, я все понимаю. Спасибо.

– Сергей Блинов, ей нужна медпомощь, – молвил Петр Сергеевич, на что тот ответил:

– Конечно, конечно, мы возьмем бедную кошку в лагерь. Вылечим ее, а затем отпустим.

– Не сомневаюсь, – бросил тихо в его сторону Петр.

Взяв Сергея под локотки, помогая ему опереться на свое плечо, он повел его в сторону лагеря, до которого было не меньше часа пути. Сергей Блинов, не услышав или не захотев услышать слова Петра, тут же принялся раздавить команды, подоспевшим после времени остальным членам группы разведчиков. И в основном – они были направлены на то, чтобы аккуратно донести «груз» до места его дальнейшего пребывания.

Вскоре они закончили и ушли, вместе с барсихой. Но ни ее дальнейшая судьба больше всего беспокоила спрятавшегося глубоко в зелени леса, волчонок. Он с широко испуганными глазами с болью в сердце был вынужден наблюдать как его подругу Лиру, уносили вместе с барсом прочь. Аяр, так и не набравшись смелости, что-либо предпринять и даже не вышел из кустов, когда люди удалились. Еще долгое время волчонок просидел там один на один сам с собой и со своими страхами.

Х «Остаться незамеченным...» и «Не переставать пытаться...»

На время оставим повествование о волчатах и барсах, и обратим внимание на одну волчицу – сильную, выносливую, посланную самой Виштой, а также Итой и Вихшей. Она с первых дней пути следовала за горе-отцами – Шуашем и Хое, которым не слишком везло с поиском своих детей. Она всюду следовала за ними, следуя основному приказу – оставаться незамеченной.

Но в ее планы вмешалась неожиданно судьба. Случилось то, чего не ожидала как она, так и волки – к ним вернулся орел Таох. Волчица не слышала разговора их с орлом, но она сразу поняла, что волчата попали в беду. Когда орел повел отцов в ту сторону, откуда он прилетел, она бросилась в другую сторону. Так как знала, что нет смысла искать волчат там, где их уже нет.

И пока Шуаш, Хое и Таох обыскивали темный лес вдоль и поперек, волчица пустилась бежать в ту сторону, в которую они двигались всей уцелевшей стаей, на протяжении многих дней – на восток. Интуиция, а также память ее не подвели – она вышла на широкую реку. Сев на берегу, она еще долго размышляла и вспоминала, как бы борясь со своими страхами вновь столкнуться с прошлым.

Но все же, оставив свое прошлое в покое, она сосредоточилась на будущем волчат. Отбросив все страхи и сомнения, она бросилась в воду. Гребя в пол силы, как если бы волчата плыли, спасая свои жизни, уносимые течением на север, ей вскоре удалось достичь противоположного берега реки. На который она вступила с неким трепетом и теплотой, а также с небольшой дрожью во всем теле. Вскоре взяв себя в лапы, она сосредоточилась на поисках Аяра и Лиры, и кинулась вглубь лес.

Но оказалось, что пересечь реку было легким занятием, по сравнению с поиском волчат в огромном лесу. Они были похожи на поиски иголки в стоге сена – так же невозможны и продолжительны. Но волчица прекрасно понимала, что орел не зря прилетел и оставил волчат. Значит, на то были свои причины, и затягивать поиски было для нее слишком непозволительной роскошью.

На протяжении всей ночи, она не смыкала глаз, безрезультатно завывая на луну в надежде, услышать ответ. Ответом ей была лишь уханье сов, да шум ночного леса, и никаких признаков того, что в округе вообще обитали волки.

– Неужели человек достиг своей цели и истребил всех волков в здешних местах? – эта мысль, вернее догадка, которая с каждой минутой крепла и зрела, не вылетала из ее головы, крепко засев в ней, и не позволяла проникнуть туда другим мыслям и идеям, томившимся «в коридорах», в бесконечно застывшей очереди.

Но она и с рассветом не бросила своего дела, не собиралась сдаваться, хоть и чувствовала легкую усталость и недомогание.

Как это иногда бывает, оказавшись в трудном положении, сама жизнь преподносит нам «ключик». Дело лишь в том, что не каждый замечает его и принимает как должное. Зачастую мы оставляем его без внимания, и не достигнув наших рук он падает в самую бездонную яму, откуда его уже не вытащишь, как бы в будущем мы не захотели этого.

Следуя намеченному пути все дальше углубляясь в лес, волчица вдруг вышла на чьи-то следы. Они принадлежали ни волчатам, это точно, но казались знакомыми. Поэтому, сама не зная почему, она решила последовать за ними.

– Порой тот, кто преследует, сам становится объектом преследования! – молвил философски спокойным голосом хозяин следов, когда спустя некоторое время, волчица вдруг остановилась и увидела, что следы резко обрываются.

Повернувшись к говорившему зверьку, волчица оказалась немного удивлена, так как увидела совсем не того, кого ожидала увидеть. Это был пожилой кот, небольшого размера, отмеченный сединою мудрости.

– Ты преодолела нелегкую преграду, – продолжил кот, не успела волчица ответить. – И думаю, цель стоит того...

– Простите, вы, наверное, говорите про реку?

– И не только про нее!

– Кто вы? – спросила волчица, ибо мудрость собеседника была выше него, а его образ казался ей знакомым, но как бы она не силилась вспомнить откуда – у нее не выходило.

– Я?! Не слишком важная птица, чтобы называться. Скажем так, я Старожил! Но не это важно. А то, что ты здесь ищешь?

– Я не знаю тебя, а ты – меня. И у меня нет причин доверять тебе, но что-то говорит мне – что можно! Я ищу кое-кого...

– Осторожность порой сравнима со страхом, а бережливость – с трусостью!

– Эх, Старожил, – тяжело вздохнула волчица.

– Что ты знаешь про страх? С самого детства все мы просыпались утром с этим чувством и ложились с ним! Не врага боялись мы – а будущего! Все последние годы мы провели в бесконечной борьбе за жизнь, или точнее за существование! Постоянные перебежки, стычки с врагами, встречи с людьми, каждая из которых стоила нам одного, а то и нескольких членов стаи. И вот теперь я стою перед тобой, и вместо того, чтобы искать тех, кому суждено покончить со всей прошлой жизнью, я отчитываюсь, сама не знаю зачем! – закончила она, и, решив больше не тратить времени, направилась своей дорогой.

– А ты уверена, что путь, выбранный тобой сейчас, верен? – тихо спросил Старожил, чем заставил волчицу остановиться, и та стоя к нему спиной отвечала:

– Нет, у меня ни в чем нет уверенности... Но одно я знаю точно, я должна отыскать этих волчат! Как бы далеко они не были сейчас.

– Порой то, что мы считаем очень отдаленным, недостижимым и даже заоблачным, находится к нам куда ближе, чем думаем. Надо лишь хорошенько посмотреть перед собой! – загадочно молвил Старожил, на что волчица, прислушавшись, глубоко вздохнула и опустила взор перед собой.

– Откуда... – начала волчица, резко обернувшись назад, но тут же осеклась.

Кота и след простыл. Задумавшись больше обычного, она опустила взгляд на землю, туда, где были видны множество различных следов зверей. Приглядевшись к которым, после совета незнакомца, она заметила пару волчьих. Не успела волчица кинуться по следам, как тишину леса оглушил выстрел, эхом откликнувшийся во всем лесе, предупреждая всех и каждого о близости человека.

– Спасибо! – тихо молвила волчица, посмотрев по сторонам.

– Жаль только, я опоздала, – прошептала она и тут же кинулась бежать по следам.

Вслед ей из лесу вышел Старожил, и тихо молвил:

– Это зависит лишь от тебя...

«Порой, чтобы продвинуться вперед, нужно сделать шаг назад. Но кто знает, что принесет этот шаг – избавление или новые муки. Но когда жизнь становится нестерпимо однообразной, нудной и скучной, нам хочется перемен – пусть хоть неожиданных, но даже самых малых. Но неужели для того, чтобы изменить жизнь, необходимо всегда идти на риск, и бесстрашно следовать зову судьбы? Пусть хоть она и зовет нас обратно – туда, где мы уже были и все знаем. Перемены неизбежны, и порой они всегда ведут нас к прошлому, через которое нам

и открываются новые горизонты. Не познав прошлого, нельзя строить свое будущее. И лиш- ний раз вернуться к нему, не будет излишне никому. А может, именно там, мы отыщем ответы на вопросы, мучавшие нас перед сном?!

Но самое трудное – не осознать, а пойти на это. В один миг взять и распрощаться с тихой и размеренной жизнью и вернуться обратно, не зная, что нам ожидать от этого. Вот поступок заслуживающий уважение и требующий немало сил и энергии. Отступить, чтобы выиграть, отойти в сторону, чтобы после двинуться вперед, а самое главное – не терять из виду цель всего этого и тогда вы обязательно достигните того, чего желаете и к чему стремитесь.

Но если, чтобы сделать шаг, нужно отступить, то нет ничего хуже и тягостнее, чем выжи- дание. Ведь не зря говорят: «Под лежащий камень и вода не течет».

Так почему же мы зачастую всю свою жизнь жалуемся на образ жизни, а сами ничего не предпринимаем, для того, чтобы улучшить ее? Ответ прост – в нас живет страх, в каждом из нас он свой. И лишь когда мы сможем побороть этот страх, нам откроется дорога вперед. Ведь ожидать у моря погоды, можно всю жизнь, а между тем, упускать хоть малейший шанс, что-либо изменить, нам нельзя. Иначе мы попросту утонем в сером инее обыденности. И когда мы окажемся уже по макушку во всем этом, до нас дойдет – как часто мы игнорировали шансы судьбы, предпочитая стабильность, пусть шаткую, небольшому подъему или ступеням в обе стороны.

Изо дня в день мы просыпаемся с мыслью – хоть бы сегодня мне выпал шанс все изме- нить. А когда он наступает – мы пугаемся. Прячемся в кусты, и лишь после времени, вспоми- ная свои действия, клянем себя за трусость и страх. А ведь они, как мы забываем, также ско- ротечны и расплывчаты, как все дни, проведенные в надежде, которую нельзя дожидаться. Ее надо искать, добиваться, доказывать себе и ей, что ты ее достоин».

Всю жизнь, боясь и слова лишнего сказать, не то, что повернуть не туда, молодой волчо- нок по имени Аяр, на своей шкуре ощутил всю боль и страх. Ему всегда казалось, что добив- шись хоть небольшого успеха, его надо закрепить, задержаться на месте, выждать подходящего момента для дальнейших действий. И лишь после этого идти на его умножение, если так можно выразиться.

Он всегда очень осторожничал. Как во взаимоотношениях, так и в жизни, хотел идти вперед маленькими шажочками, не понимая, что идет не вперед, а назад, причем так сильно, что и сам того не замечал. Когда у него были проблемы, он объяснял свои действия как способ их решения, пусть долгий – но решение. Но когда их у него не оставалось, он все равно боялся идти вперед, и топтался на месте, в ожидании попутного ветра, но того так и не наступало.

И мало-по-малу, Аяр привык довольствоваться малым, совсем не радуясь этому и пре- бывал в вечном унынии и печали, которые в скупе со страхом завтрашнего дня отравляли его разум и губили тело. От этого он всегда был чахлым, восприимчивым к погоде, подверженным всем капризам судьбы и очень ранимым. Он никак не хотел понять, что это только начало, и чтобы не было у него за плечами, там позади – будущее было открыто. И пусть в этот раз не удастся, получиться в следующий. Самое главное: «Не переставать пытаться».

Совершенно оторвавшись от реальности, забившись в свой тесный внутренний мирок, оставаясь ко всему глух и нем, Аяр, прижавшись спиной к стволу большого дерева, уткнулся носом в хвост. Свернулся в три погибели и желал раз и навсегда испариться с этого света.

Именно в таком состоянии, между жизнью и скорбью, вскоре отыскала его волчица. Она мчалась сюда со всех лап. Услышав выстрелы, она готовилась к самому страшному. Но увидев Аяра живым и здоровым, еще издали, она обрадовалась и хотела кинуться к нему. Но через пару шагов резко сбавила бег. Так как то, что она увидела, испугало ее больше звуков выстре- лов.

Осторожно приближаясь к Аяру, она с каждым шагом ощущала, как все сильнее веяло холодом от волчонка. И хоть он сам казался очень забитым, ущемленным и таким беззащит-

ным, что-то в его позе, тяжелом дыхании, ужаснуло волчицу. Но этот страх был необычным – не пугающим, а предупреждающим об опасности, куда более серьезной, чем то, что уже произошло. Волчица, нигде не смогла найти взглядом Лиру и понимала, что здесь произошло что-то ужасное. Все ее внимание обратилось к бедному волчонку, который оставшись один, мог попросту двинуться разумом.

– Аяр, Аяр... – тихо подала голос волчица, приближаясь к нему чуть ли не на цыпочках, боясь спугнуть.

– Ты меня слышишь? Это я – Бари, помнишь меня?

На что волчонок вначале нереагирующий, поднял на нее глаза, и совершенно затуманенным взглядом стал искать говорившую.

– Я здесь, Аяр! Все хорошо, я рядом! – начала успокаивать Аяра Бари, видя, что тот от горя в упор ее не видит, как и все в округе.

Скорей всего от горя у него потемнело в глазах, и он видел лишь очертания.

– Где ты, где?! Я не вижу тебя! – говорил Аяр, крутя головой по сторонам.

– Я здесь Аяр, ступай на мой голос.

– Неужели это и вправду ты? – воодушевился Аяр.

Он даже поднялся с места и дрожащими лапами еле сделал шаг вперед.

– Нет! – вдруг резко крикнул Аяр, остановившись и весь задрожал, не то от усталости или нервного напряжения.

Затем проговорил тихо, хрипло и очень прискорбно:

– Ты не можешь быть ею! Ты мне только кажешься – ты видение!

– Нет, Аяр, я здесь совсем рядом, позволь приблизиться и ты увидишь, – сделала шаг вперед волчица, на что волчонок отступил.

– Нет, не приближайся более! Ты – не она! Я знаю, я видел, видел, и ничего не сделал!

– Что не сделал, что ты видел? – решила все разузнать Бари.

– Я видел как тебя, за задние лапы поволок за собой человек. А ведь мы все прекрасно знаем, что от человека редко кому удается уйти живым...

– Но я, я живая, вот она – я! – решила подыграть Аяру Бари, чтобы подойти к нему и попробовать остановить его, пока он не причинил вреда сам себе.

– Нет, нет, нет! – закричал Аяр.

Схватившись за голову обоими лапами и ударяясь лбом об землю, он неустанно повторял:

– Это все я! Я! Я не смог... Не смог – слышишь?! – перешел на крик сквозь слезы волчонок, и не поднимая головы с земли, продолжил:

– И вот ты здесь, чтобы мучить меня! Ты вернулась, желая забрать и меня...

– Нет, Аяр, что ты такое говоришь?

– Тогда, чтобы свести меня с ума! Так действуй же, мне больше не к чему стремиться, – протянул печально Аяр.

– Это не правда, я всегда гордилась тобой!

– Гордилась?! Ха, да ты меня больше терпела, чем дружила со мной! Ты называла меня трусом, плаксой, недотепой! Я обижался... А теперь сам вижу, что я хуже всего этого. Я – предатель! Да предатель! И не смей меня перебивать! Я не только струсил, но и бросил тебя, в самую нужную минуту. Я просто стоял и смотрел, как ты кричишь, зовешь меня с мольбой о помощи! Твои глаза были полны самого настоящего ужаса. А что – я? Я позволил сделать это – забрать тебя от меня. А я так сильно к тебе... – осекся Аяр, опустил взор вниз, и не видя разницы, продолжил:

– Отныне мир для меня в серых тонах, лишенный твоей радуги... Жизнь моя пуста и лишена смысла. И я не вижу иного пути, как... – сделал паузу Аяр, широко открывая пасть.

– Как присоединиться к тебе! – закончил он прискорбно.

Прежде чем Бари поняла, к чему он ведет, волчонок всадил свои зубы себе в грудь, возле сердца.

– Не смей! – прыгнула к нему Бари, и прежде чем кровь полилась на землю, она свалила его на бок.

Отодрав его лицо от груди, она прижала всего его к земле лапами и своим весом.

– Нет, нет, нет! – хрипел не своим голосом Аяр, переходя на визг.

Вконец потеряв контроль над собой, он брыкался и пытался вырваться из-под лап волчицы.

– Прости Аяр, но это для твоего же блага, – тихо молвила она, и не теряя времени вцепилась ему в шею, сдавливая ее, тем самым усыпляя волчонка.

– Лира, Лира, Лира-а-а, – хрипел сквозь боль Аяр.

Каждый раз его голос становился все тише и слабее, пока, наконец, и вовсе не стих.

Убедившись, что Аяр без сознания и больше не сможет причинить себе вреда, Бари, высвободила ему шею. Отчего он задышал тихим ровным дыханием, пребывая во сне.

Волчица была вынуждена признать, что Лира – вот истинная судьба Аяра. И она, та самая единственная, о которой он не переставал думать даже в забытьи глубокого сна. Чье имя судорожно повторяли, пусть без голоса, его уста. Именно по ней воистину болело его сердечко, израненное им самим во имя сильного чувства...

– Кто ты? – еле прохрипел Аяр, очнувшись неведомо где, от страшной ломоты во всем теле, от того, что горло его сковала неведомая сила.

Он молвил это сразу, увидев неподалеку, шагов в двадцати от себя, чью-то фигуру, сидевшую к нему спиной, но казавшуюся очень знакомой.

– Не прошло и часа, а ты забыл меня?! – прогремел голос в ответ, и ее хозяин, не поворачиваясь, продолжил:

– Как слаб ты, немощен, раз не смог ничего сделать...

– Кто ты? – повторил вопрос Аяр еще раз, но уже крайне напугано.

Вскочив на лапы, он стал медленно, со страхом приближаться ближе к фигуре, чтобы самому разглядеть лицо говорившего.

Но с каждым его шагом, фигура бросала слово за словом, которые ранили его в самое сердце:

– Трус! Предатель! Жалкий червяк! Неспособный ни на что! Твое призвание убежать, бросать, оставлять на погибель своих друзей! Ты не достоин их!

– Прошу, – еле выдавил из себя Аяр.

Не дойдя до нее пары шагов, он оказался распростертым перед фигурой ниц, с поднятой к нему лапой, неспособный и головы поднять от резкой щемящей боли во всем теле, сковавшей его.

– Нет! – прогремел голос.

– Уже поздно, они пришли! Они здесь! – загадочно молвила фигура, и Аяр услышал позади себя шаги и шепот.

Не видя их, он понимал, что лишь одни существа могли прийти за ним – то были люди.

– Нет, нет! Прошу, сжался! Не отдавай меня им!

– А разве я могу поступить иначе? – сделала паузу фигура и резко повернулась лицом к Аяру.

– Не-е-ет! – шепнул Аяр, вне себя от ужаса, ведь перед ним стоял он сам.

– Ты бросил ее, как Я бросаю тебя!

– Н-е-ет! – взмолился Аяр, чувствуя, как шорохи позади него становятся все громче и ближе.

– Он ваш! – прошипел голос, и Аяр почувствовал, как его схватили за задние лапы...

Порой сны являются не только отражением нашего внутреннего состояния, но и напрямую зависят от настоящего окружения. Так произошло и с Аяром, когда внезапно для Бари, сторожившей волчонка, вот уже несколько часов, с неба позади него приземлился орел-беркут.

– Бари, не знаю, что ты здесь делаешь, но ты нашла Аяра и это хорошо! – хотел он подскочить к волчонку ближе, но та преградила ему путь.

– Что ты делаешь? Пусти! Он сын Шуаша, ты не можешь...

– Что не могу, сторожить его сон? – чуть обернулась она на Аяра, который без умолку бормотал и мотал нервно головой.

– Прости, я не хотел говорить... – начал извиняться Таох, но волчица зашикала на него.

– Прежде всего, тише, ему здорово досталось. Дай ему отдохнуть.

– Ну хорошо, раз ты нашла его, я могу... – вздохнул свободнее орел.

Обернувшись по сторонам, он не увидел больше никого:

– А где Лира? Я не вижу ее здесь.

– Вихша и Ита предупреждали меня, что когда вы найдете их, может быть слишком поздно, поэтому и наказали мне разыскать их первой. Но увы, и я опоздала, – печально очень тихо молвила Бари.

– Что? Как? – всполошился Таох.

– Люди! – коротко ответила волчица, и этого было достаточно, чтобы орел оценил всю тяжесть положения.

– Скорее надо сообщить все их родителям! Они до сих пор бродят в их поисках на левом берегу. И лишь мне, полетевшему на разведку, это под силу! – взмахнул крыльями орел, отчего Аяр завыл еще громче и закрутился на месте..

– Нет! – снова встала между ним и волчонком Бари. – Если ты и вправду их друг, ты не сделаешь этого!

– Чего ты такое говоришь! Эй Аяр, проснись! – прошмыгнул мимо волчицы орел.

И только успел схватиться за его лапу, как Аяр закричал во сне таким страшным криком, как будто его убивали...

– Прощай, Аяр! – прогремел голос.

После чего фигура стала отдаляться, не двигаясь с места, и он понял, что это его отодвигают все дальше от него.

– Нет, прости, не надо, не-е-е-ет! – закричал во все горло Аяр и резко очнулся.

Вскочив на лапы, и не в силах совладать со своим страхом, он стал часто и тяжело дышать.

В тот самый момент, когда Аяр очнулся Бари одним резким взмахом лапы, смахнула Таоха с поляны в гущу растительности. Заметая его следы хватсом, она села на то место, где он секунду назад стоял.

– Аяр, как ты? – тихо, обеспокоенно спросила волчица, на что в ответ лишь получила крайне испуганный быстрый взгляд в ее сторону через плечо.

– Прости, но мне пришлось. Ты мог навредить себе! – продолжила она, но волчонок не желал слушать извинения и перебил ее:

– Мои родители, ты привела их? Где они?

– Они далеко! – твердо и сурово проговорила Бари, бросив упреждающий взгляд на орла, который вставая на ноги, хотел броситься из кусов к ним.

– Даже им я противен! – тихо пробормотал Аяр.

– Ты глубоко ошибаешься Аяр, они любят тебя. день и ночь они не перестают искать тебя и Лиру.

– Ах, Лира-а-а, – глубоко вздохнул Аяр, вконец поникнув головой. – Это все моя вина!

– Ты ошибаешься!

– Нет, Бари, на этот раз я прав. Я трусил, не помог ей и теперь она у них... Ни весть что, они сейчас с ней делают... Я трус и неудачник! Такова моя судьба! И раз, я ни на что не годен,

веди меня к отцу. Я все расскажу ему, и может быть, он успеет еще помочь Лире, если конечно она... – задрожал голос Аяра.

На что Бари бросила еще один взгляд на Таоха и тот став понемногу до всего доходить, укрываясь по глубже в листве, весь обращаясь вслух.

– Я видела многое, Аяр... Поверь мне: будь то голод, холод, одиночество, печаль, скорбь... Все это я и остальные мои сородичи терпели, переживали и стойко боролись за жизнь, лишь потому что были все вместе, и поддерживали друг друга в самые тяжелые дни. Даже в самые темные ночи, мы не разлучались и пусть не все – мы достигли цели!

– И какой? – спросил тихо Аяр, немного заинтересовавшись, утирая мокрые глаза и нос.

– Цель, мечта или попросту надежда, была у нас одна на всех. А именно, рано или поздно воссоединиться со стаей. И вот, наконец, наша мечта сбылась. Мы достигли цели, но она досталась нам дорогой ценой... Зачастую мы шли обходными путями, жертвовали друг другом – брат сестрой, любимый любимой, – начала Бари, сама опустив глаза, так как воспоминания были не из приятных.

– В этом походе, мы ставили цели превыше своих, а жизнь всех – жизни одного! И когда мы достигли вас, то не было радости, счастья, что мы сделали это... Нет – напротив, всех нас сковала скорбь, печаль, боль за всех, кого мы потеряли. И в не меньшей степени за себя, потерявших самих себя за все время странствий и скитаний... Я это говорю тебе к тому, что не надо повторять чужих ошибок. Не ставь на себе крест ради других, и не бросай других, ради цели. Если потребуется – спасти их. Иначе, после времени, ты очень пожалеешь о содеянном... Или вернее сказать – о не содеянном вовремя, – закончила Бари и подняла на Аяра глаза, полные огня борьбы.

– Кажется я понял... Но что ты предлагаешь?! – быстро все дошло до волчонка и он загорелся ей в ответ.

– Не мне решать – тебе!

– Тогда сделаем то, чего я боюсь больше всего – не побежим прочь, поджав хвосты! – смело, воодушевленно встал на все лапы Аяр и уверенно взглянул на Бари.

– Ищи следы, я за тобой, – молвила она, дав тем самым команду для начала операции.

Аяр тут же прижал нос к земле и жадно вздыхая пыль, пошел вперед. Бари, сделав пару шагов в сторону кустов тихо молвила:

– Теперь ты понимаешь, почему он должен сделать это сам?!

– Понимаю, – отозвался голос из кустов. – Но я не могу солгать Шуашу и Хое.

– И не надо, лишь потяни время. Это все что требуется от тебя.

– Но я могу помочь!

– Нет Таох, он должен все сделать сам!

– Хорошо, надеюсь, ты знаешь, что делать?!

– Я – нет! Он – да! – кивнула она в сторону волчонка и направилась за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.